Федеральное агентство по образованию Российской Федерации
Томский университет систем управления и радиоэлектроники
(ТУСУР)
Кафедра истории и социальной работы

Л. И. Казакевич

ГЕОПОЛИТИКА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ …….. 4

ВВЕДЕНИЕ. Что такое геополитика ?……7

Гл. I. Геополитика: источники, предмет, функции …….. 27

1. 1. Источники геополитики …….. 27

1. 2. Предмет геополитики …….. 37

1. 3. Функции геополитики ……. 41

Вопросы для повторения

ГЛ. II. Теоретические основы геополитики (конец XIX-конец XX вв.) …… 43

2. 1. *Классическая геополитика (конец XIX-начало XX вв.)* …… 43

2. 1. 1. *Геополитические взгляды Ф. Ратцеля* …… 44

2. 1. 1. 1. Развитие Ф. Ратцелем идей географического детерминизма …… 45

2. 1. 1. 2. Ф. Ратцель о дуалистическом характере планеты Земля и изначении моря …… 50

2. 1. 1. 3. Ф. Ратцель о структурировании суши …… 53

2. 1. 1. 4. Ф. Ратцель о государстве как политическом организме …… 57

2. 1. 1. 5. Ф. Ратцель о пространстве …… 63

2. 1. 1. 6. Ф. Ратцель о географическом положении, инфраструктуре и информации …… 67

2. 1. 2. *Геополитические взгляды Р. Челлена* …… 71

2. 1. 3. *Геополитические взгляды А. Т. Мэхэна* …… 78

2. 1. 4. *Геополитические взгляды Дж. Х. Маккиндера* …… 98

2. 2. *Развитие геополитической теории в 20-50-е гг. XX в.* …… 109

2. 2. 1. *Геополитические взгляды Н. Спайкмена* …… 109

2. 2. 2. *Геополитические взгляды К. Хаусхофера* …… . 117

2. 2. 2. 1. К. Хаусхофер о значении геополитики …… 120

2. 2. 2. 2. К. Хаусхофер о границах и их политическом

значении ……..124

2. 2. 2. 3. К. Хаусхофер о панидеях в политике ……. 133

2. 2. 2. 4. К. Хаусхофер о континентальном блоке …… 139

2. 2. 3. *К. Шмитт как геополитик* …… 143

2. 2. 3. 1. Политические взгляды К. Шмитта ……... 146

2. 2. 3. 2. Проблема структурирования пространства в работах К. Шмитта (1940-1950-е гг.) …… 153

2. 2. 3. 3. К. Шмитт о противостоянии Суши и Моря …… 159

Вопросы для повторения

2. 3. *Проблема цивилизационной идентичности в геополитике. Геополитические концепции 1990-2000-х гг.* …… 166

2. 3. 1. Природные сообщества …… 168

2. 3. 2. Восточный тип цивилизаций …… 172

2. 3. 3. Западный тип цивилизации …… 182

2. 3. 4. Мондиализм как одно из направлений современной зарубежной геополитики. Ф. Фукуяма и его концепция о «конце истории» …… 213

2. 3. 5. Теория «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона …… 236

Вопросы для повторения

ГЛ. III. Эволюция геополитического пространства …… 258

3. 1. Геополитические эпохи …… 258

3. 2. Геополитическое положение России (IX-XXI вв.) …… 293

3. 2. 1. Геополитическое пространство Российского государства в IX - начало XX вв. …… 293

3. 2. 2. Российская империя в начале XX в. и ее распад … 310

3. 2. 3. Образование СССР …… 316

3. 2. 4. Распад СССР, образование СНГ …… 321

Вопросы для повторения

Список литературы …… 329

ПРЕДИСЛОВИЕ

Появление предлагаемого учебного пособия по геополитике нуждается в пояснении. Общим местом стали утверждения о фундаментальных изменениях, произошедших в нашей стране за последние полтора-два десятка лет. Изменения коснулись, практически всех сфер жизни, включая сферу образования: появились новые направления и специальности, а это значит и новые предметы. К их числу с полным основанием можно отнести и геополитику. Несмотря на наличие Государственного образовательного стандарта содержание учебников и учебных пособий достаточно сильно отличаются друг от друга, даже в рамках одной специальности, например, учебник К. С. Гаджиева и учебное пособие И. А. Василенко, подготовленные для специальности «Политология».

Структуру учебного пособия определили следующие соображения. Представляется убедительным подход к геополитике, как к феномену, сочетающему и теоретическую, и практическую составляющие. Поэтому учебное пособие, кроме главы 1, где излагается предмет, функции и источники геополитики, имеет две основные части. Глава «Теоретические основы геополитики» посвящена анализу геополитических концепций, разработанных в разных странах наиболее выдающимися теоретиками геополитики с конца XIX до конца XX вв. Практическая геополитика изучает взаимодействие на глобальном, региональном и локальном уровнях основных субъектов международных отношений. Эта сторона геополитики чрезвычайно динамична. Именно это последнее обстоятельство и определило содержание главы «Эволюция геополитического пространства». Автору представляется нецелесообразным в силу отмеченного выше динамизма и часто стремительных изменений на международной арене излагать современные региональные проблемы и вопросы отношений отдельных стран. Наиболее продуктивным и интересным в учебном процессе является выработка у студентов самостоятельности в анализе происходящих процессов. Поэтому в третьей главе содержится необходимая ретроспективная информация о

геополитическом развитии России и мира, что вместе с публикациями статей специалистов по отдельным проблемам в академических периодических изданиях позволят выработать у студентов аналитические навыки.

Что касается пропорционального соотношения между теоретической и практической частями, основное внимание уделено теоретической части. Объясняется это следующими обстоятельствами. Во-первых, нельзя не согласиться с утверждением И. А. Василенко, что «идеи управляют миром, всегда и везде мысль идет впереди дела» (Василенко И. А. Геополитика современного мира. – М.: Гардарики, 2006, с. 31-32). Во-вторых, имеющийся в учебниках и учебных пособиях анализ геополитических взглядов различных теоретиков представляется недостаточным. В учебное пособие не включен раздел, посвященный развитию геополитике в России не потому, что в России геополитики не было. Напротив, русские ученые и мыслители внесли значительный вклад в развитие геополитической теории. Отсутствие подобного раздела объясняется техническими причинами.

Следует также отметить следующее обстоятельсто: раздел «Теоретические основы геополитики» является самостоятельным авторским исследованием текстов известных геополитиков. Наряду с этим, информация, совершенно необходимая для понимания современных зарубежных геополитических теорий, и изложенная в разделах 2. 3. 1. – 2. 3. 3., представляет собой реферативное изложение отдельных параграфов учебного пособия докт. ист. наук, проф. Л. И. Семенниковой «Цивилизации в истории человечества» (Семеникова Л. И. Цивилизации в истории человечества: Учебное пособие. – Брянск: *Курсив*, 1998, 340 с. В аннотации к этому изданию сказано, что «автор опирается на широкий круг трудов известных историков и обществоведов, использует собственные исследовательские наработки»). В качестве иллюстративного материала используются карты по российской и всеобщей истории, а также карты, опубликованные в работе известного американского геополитика Н. Спайкмена (Spykman N. The Geography of Peace. N.- Y., 1949).

ВВЕДЕНИЕ

Что такое геополитика?

Геополитика стала отраслью научного знания, преподаваемого в высших учебных заведениях России, сравнительно недавно – с 1990-х гг. Ее изучают студенты разных специальностей. Термин «геополитика» широко употребляется в академических, политических кругах, в средствах массовой информации. Однако, несмотря на столь широкое распространение и легитимность геополитики, вопрос, вынесенный в заголовок введения, вполне обоснован. Среди учебных дсциплин, изучаемых в современных российских вузах, не много найдется предметов со столь же драматичной судьбой, как и у геополитики.

Соединение в одном слове двух греческих слов «ге» - земля и «политика» - искусство управления государством, государственная деятельность, в буквальном значении этих слов со всей очевидностью указывали на взаимодействие государств на поверхности земного шара. Собственно на этом простота и очевидность понятия заканчивались, и трактовка содержания термина «геополитика» складывалась неоднозначно. Термин «геополитика» был введен в оборот в годы первой мировой войны за пределами России. В нашей стране на завершающем этапе войны была свергнута монархия и установлена новая, советская власть. Интересующийся советский читатель мог удовлетворить свое любопытство и узнать, что же такое геополитика, обратившись к справочной литературе. Фундаментальным справочным изданием была **Большая Советская Энциклопедия (БСЭ).** Ее первое издание вышло в свет под общей редакцией тогдашней политической элиты – видных деятелей правящей большевистской партии – Н. И. Бухарина, В. В. Куйбышева, М. Н. Покровского, В. М. Молотова, Г. М. Кржижановского, Н. Осинского, Ю. Ларина и др. Пятнадцатый том Большой Советской Энциклопедии, изданный в 1929 г., содержал соответствующую статью, в которой геополитика подавалась как «учение о географической обусловленности политических явлений». Большая Советская Энциклопедия

считала геополитику научной системой, которая выделилась только благодаря идеологическим потрясениям, связанным с империалистической войной и революцией в Германии. Крушение германского империализма, потеря колоний, более чем десятилетняя изоляция Германии вследствие блокады и инфляции, - все это привлекло интерес выдающихся немецких географов к взаимоотношениям между государством и географической средой, то есть к вопросам политической географии, но уже в новом специфическом отношении» (Большая Советская Энциклопедия, т. 15. – М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1929, с. 390). К числу выдающихся немецких географов были отнесены Фогель, Зигер, Мауль, К. Хаусхофер, Э. Обст. Издателям импонировал материализм геополитики, так как она базировалась на таком видимом для всех материальном фундаменте, как континенты, океаны, речные системы и т. п. Геополитика рассматривалась прежде всего как буржуазная наука, у которой «метод сближается с материалистическим мировоззрением», но она (геополитика – Л. К.), будучи буржуазной «боится последовательно строить свою систему на материалистическом фундаменте». Уделяя основное внимание развитию геополитики в Германии в 1920- х гг, авторы Большой Советской Энциклопедии подчеркивали «империалистический и специфически немецкий характер геополитического направления» и переоценку этим направлением «обусловленных природой факторов исторических явлений».

Отделяющие от первого **второе издание БСЭ** более чем два десятилетия были заполнены, в том числе, тесным сотрудничеством немецких геополитиков с нацистской партией, второй мировой войной, победой над фашизмом, обострением отношений между победителями после войны, что, естоественно, сказалось на оценках геополитики. Второе издание БСЭ вышло, публиковавшееся в разгар «холодной войны», отмечало, что геополитика – это «лженаучная, реакционная теория, получившая распространение в агрессивных империалистических государствах». Появление геополитики рассматривалось как свидетельство «глубокого упадка и гниения буржуазной идеологии в эпоху

империализма». Один из основателей геополитики – Р. Челлен – был объявлен «реакционным географом и государствоведом», который подхватил «бредовые идеи Ф. Ратцеля и других пангерманистов» (Большая Советская Энциклопедия, т. 10. 2-е изд. – М.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1952, с. 559-560). У советских читателей 1950-х гг. появилась информация о существовании геополитики не только в Германии, но и в Англии – был назван Г. Маккиндер (в современной транскрипции – Маккиндер Дж. Х.), в Соединенных Штатах Америки – в конце XIX в. – «один из ранних «теоретиков» мирового господства США – адмирал Мэхэн. Из числа американских геополитиков, современных рассматриваемому изданию, был назван Н. Спикмен (в современной транскрипции – Н. Спайкмен – N. Spykman), который «оправдывает разбойничьи авантюры американского империализма и требует дальнейшего создания военных баз США на территории Европы, Азии и Африки» (Там же, с. 560). Несмотря на жесткость формулировок и отсутствие политкорректности, последнее утверждение Большой Советской Энциклопедии, по существу, было правдой. Общий лейтмотив советских изданий 1950-х гг. сводился к следующему: «геополитика – реакционная антинаучная доктрина, использующая для обоснования агрессивной политики империалистических государств, извращенно истолкованные данные физической, экономической и политической географии; геополитика являлась одной из официальных доктрин германского фашизма».

Некоторое смягчение формулировок при сохранении общих оценок предыдущих изданий продемонстрировала в 1960 г. **«Философская энциклопедия»**. Московский автор Ю. Семенов в статье «Геополитика», опубликованной в этой энциклопедии, определил геополитику как «буржуазную политическую доктрину» (Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф. В. Константинов. – М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1960, с. 350). И хотя в тех конкретных условиях слово «буржуазный» нельзя было рассматривать как комплимент, и в советском политическом лексиконе оно, безусловно, имело негативное значение, но

наметилось смещение акцентов. Эта тенденция закрепилась в период «перестройки» во второй половине 1980-х гг. Изданный в 1989 г. Советский энциклопедический словарь определял геополитику как западную политологическую концепцию, утверждающую, что «политика государств, особенно внешняя, в основном предопределена различными географическими факторами: пространственным расположением, наличием, либо отсутствием определенных природных ресурсов, климатом, плотностью населения и темпами его прироста и т. п.». Изданный в том же 1989 г. **Краткий политический словарь** представил своим читателям геополитику как «направление буржуазной политической мысли, основанное на крайнем преувеличении роли географических факторов в жизни общества». Особо подчеркивалось, что «геополитические взгляды … построены на соединении идей мальтузианства, социал-дарвинизма, неравноценности рас, недостаточности «жизненного пространства», «естественных границ» и т. п. и служат идеологическим обоснованием агрессивной внешней политики империализма» (Краткий политический словарь / Абаренков В. П., Абова Т. Е., Аверкин А. Г. и др.; Сост. И общ. ред. Л. А. Оникова, Н. В. Шишлина. – 6-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1989, с. 111).

Подход к геополитике как политологической концепции закрепился в ряде универсальных справочных изданий, вышедших в свет в 1990-2000-е гг.: «Геополитика – политологическая концепция, согласно которой политика государств, в основном внешняя, предопределяется географическими факторами (положение страны, природные ресурсы, климат и др.). Возникла в конце XIX- начале XX вв. (Ф. Ратцель, Германия; А. Мэхэн, США; Х. Маккиндер, Великобритания; Р. Челлен, Швеция). Использовалась для оправдания внешней экспансии, особенно немецким фашизмом» (**Большой энциклопедический словарь**: в 2-х т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1991, с. 290; Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: **Большая Российская энциклопедия**, 1998, с.

266; Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2005, с. 339).

Как отмечалось выше, в настоящее время положение геополитики и отношение к ней в России кардинально изменились. Представляет интерес трактовка геополитики в современных публикациях в сфере политической науки. **Энциклопедический словарь по политологии** определил геополитику как «одно из фундаментальных понятий теории международных отношений, характеризующее место и конкретно-исторические формы воздействия территориально-пространственных особенностей положения государств или блоков государств на локальные, региональные, континентальные и глобальные международные процессы». Авторы издания считали правомерным исследование влияния таких природных факторов, существующих объективно, как «речные коммуникации, отсутствие или наличие выхода к морю, прибрежное или островное положение страны, наличие или отсутствие естественных препятствий для развития сообщений с соседями, протяженность таких сообщений из разных точек государства, пространственное положение его в отношении государств-соседей и протяженность границ с каждым из них, состояние народонаселения, его этнодемографические показатели на территории страны и в сопредельных государствах, исторически сложившиеся установки этносов страны по отношению к соседям как внутри страны, так и за рубежом и т. д.» Один из основоположников геополитики – английский географ и геополитик Дж. Х. Маккиндер был удостоин похвалы, поскольку, как считаеют авторы Энциклопедического словаря, остаются актуальными его идеи «о необходимости анализа мирового распредления сил и разработки вариантов его прследующей динамики». Пожалуй, единственный упрек геополитике был сделан за «антиисторизм и оправдание агрессивной политики: фашистской – в период между двумя мировыми войнами (К. Хаусхофер), а затем – Североатлантического блока (Н. Спайкмен).

Авторы **Краткого словаря по политологии**, подготовленного под редакцией докт. философских наук, профессора В. Н. Коновалова, считают

геополитику понятием, характеризующим «теорию и практику международных отношений, основанных на взаимоувязывании географических, геостратегических, социально-политических, военных, демографических, экономических и других факторов. Все эти разнообразные факторы национальной мощи рассматриваются с позиции соотношения сил в регионе или мире в целом». Геополитика трактовалась как «самостоятельная научная дисциплина, составляющая важную часть политической науки». Геополитика провозглашалась наукой, классиками которой были объявлены Дж. Х. Маккиндер, американский историк морской стратегии А. Мэхэн, германский географ Ф. Ратцель, германский исследователь К. Хаусхофер, американский исследователь международных отношений Н. Спайкмен. Вслед за авторами предыдущего издания, коллектив Краткого словаря по политологии считал справедливым то, что «в геополитике пространственно-политический фактор играет очень большую роль», поскольку любой участник международных отношений определяется по занимаемой им территории, особенностями географического расположения, влиянием климата, почвы, полезных ископаемых и др. (Политология. Краткий словарь. – Ростов н / Д: Феникс, 2001, с. 43-44).

Однако часть российских исследователей считает несовременным подчеркивание влияния и роли пространственно-политического фактора на международное развитие. Авторы **«Политической энциклопедии»** придерживаются точки зрения, что в связи с развитием телекоммуникационных технологий, освоения космического пространства, появления ракетно-ядерного оружия необходим «выход за традиционные чисто пространственные параметры, отрыв от пуповины географического детерминизма и необходимость учета при оценке международных реальностей широкой гаммы факторов». Они предлагают пересмотреть «толкование самого префикса «гео» в понятии «геополитика», поскольку в современных условиях он должен означать не просто географический или пространственно-территориальный аспект политики того или иного государства или группы государств, а призван

обозначить всепланетарные масштабы, параметры и измерения , правила и нормы поведения в целом, а также международной политики отдельных государств, союзов, блоков в общемировом контексте». Политическая энциклопедия определяла геополитику как отрасль знания, которая «охватывает проблемы мирового сообщества в тех аспектах, которые касаются разработки, принятия и реализации политической стратегии основными акторами международной системы на глобальном, региональном и локальном уровнях» (Политическая энциклопедия. В 2 т., т. 1 / Национальный общественно-научный фонд; Рук. проекта Г. Ю. Семигин; Научно-редакционный совет: пред. совета Г. Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2000, с. 252).

Представляет большой интерес трактовка геополитики во **Всемирной энциклопедии по философии.** В энциклопедии отвергается взгляд на геополитику как на просто «удачный междисциплинарный термин социальных дисциплин» или как «околонаучный, идеологизированный неологизм западно-европейского интеллектуализма». Геополитика преподносится как «специфический политико-социологический подход к изучению корреляции между географическим положением государств и их внешней политикой». Обращается внимание на отличия современных трактовок геополитики от «классических» версий, которые выражаются в том, что «в настоящее время постулируется решающая значимость тех материальных, социальных и моральных ресурсов государства, не только активное использование, но и само по себе наличие которых достаточно для успешной реализации тех или иных внешнеполитических приоритетов». Хотя в энциклопедии отмечалось, что геополитика была на долгие годы дискредитирована тем, что была взята на вооружение лидерами «третьего рейха», авторы энциклопедии настойчиво подчеркивали академизм геополитики, например: «геополитика – понятие, введенное в западно-европейскую интеллектуальную традицию», в нацистской Германии «разновидность теорий геополитики на долгие годы дискредитировала академические разработки немецкой геополитической школы», в «интеллектуальных схемах американский адмирал А. Т. Мэхэн …» и

т. д. Такой подход представляется несколько односторонним, поскольку многие теоретики геополитики были тесно связаны с политическими кругами своих стран и, фактически, обслуживали их интересы, обеспечивая идеологическую, теоретическую и пропагандистскую поддержку их внешнеполитической деятельности (Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн: Харвест, Современный литератор, 2001, с. 226).

Современные взвешенные оценки геополитики продемонстрировали и составители еще одного издания – **«Геополитика. Популярная энциклопедия»**. Геополитика была определена как «теория и практика современных международных отношений и перспектив их развития с учетом широкомасштабного системного влияния географических, политических, экономических, военных, демографических, экологических, научно-технических и других факторов» (Геополитика / Авторы-составители В. Баришполец, Д. Баришполец, В. Манилов; Под общ. ред. В. Манилова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002, с. 113). **Энциклопедия по глобалистике** подчеркивает, что геополитика – синтетическая дисциплина, объединяющая элементы географии, истории, политологии, социологии, демографии, этнологии, экономики и т. п. и ставящая целью изучение историко-географической динамики государств» (Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003, с. 170).

Разноголосица мнений относительно содержания геополитики обнаруживается и в учебниках и учебных пособиях, изданных с конца 1990-х гг. и рекомендованных Министерством образования Российской Федерации, что имеет и «плюсы», и «минусы» в учебном процессе. Одним из первых появился учебник Н. А. Нартова «Геополитика» (Нартов Н. А. Геополитика: Учебник для вузов.–М.: ЮНИТИ, 1999, 359 с.). **Нартов Н. А. о геополитике.** За последние десять лет, считает он, термин «геополитика» стал очень популярен в России. Однако положение осложняется многозначностью

понятия, когда при анализе смешивают его разные смысловые значения. Между тем, по мнению Нартова Н. А., многозначность современного использования понятия «геополитика» можно свести к трем аспектам.

1) Геополитика - это идеологическая доктрина, которая обосновывает экспансионистское направление международной политики национальными интересами в жизненном пространстве. В этом аспекте геополитика под различными именами известна в том или ином виде уже с античных времен истории человечества.

2) Понятие «геополитика» характеризует конкретно – исторический тип международных отношений эпохи переделов уже в основном завоеванного и поделенного мира; т. е. это - практическая стратегия международной политики народов и государств в новейшее время, или другими словами это - внешняя политика государств на монополистической стадии развития капиталистического общества. В этом аспекте она также существует под различными именами со времен окончания эры Великих географических открытий, когда стали складываться колониальные империи. Страны, опоздавшие к первому захвату колоний, стремились их переделить и поэтому обращались к доктринам жизненно необходимого географического пространства, чтобы использовать их для оправдания своего экспансионизма.

3) Понятие «геополитика» выражает новую, формирующуюся обществоведческую междисциплинарную науку со своим специфическим объектом, предметом, с собственной системой категорий и понятий, со своей методологией. Эта наука изучает зависимость международных отношений, а также развитие стран и народов от условий географического пространства.

В этом аспекте геополитика начала свое становление как наука в начале XX в., а более системно оформилась в конце XX в. Такой большой интервал объясняется тем, что геополитика стала синтезом целого ряда других наук, таких как физическая и политическая география,

политэкономия и военная география, статистика, этнопсихология и другие науки. Вбирая в себя эти знания, геополитика являет собой качественно новое обществоведческое знание. Нартов Н. А. считает, что геополитика - одна из ведущих обществоведческих наук XXI века. Обуславливается это тем, что в силу ряда причин в XXI веке должно выясниться: или этот век станет эпохой нового, более радикального передела мира и тем самым заложит основы для ожесточенных войн, или напротив XXI век станет веком рационализации международных отношений на принципах самообуздания развитыми странами своего эгоистического экспансионизма и обеспечения устойчивого развития всех народов мира. Пока что опасность первого варианта более очевидна.

В таких условиях, считает Нартов Н. А., знание основ геополитики позволяет человеку более четко представлять и разбираться в запутанной картине международного развития. Кроме этого знание геополитики позволяет человеку определить место его страны в общем раскладе мировой политики.

Автором еше одного учебника по геополитике является К. С. Гаджиев (Гаджиев К. С. Введение в геополитику. Учебник для вузов. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998,416 с.). **Гаджиев К. С. о понятии «геополитика».** В предисловии к своему учебнику К. С. Гаджиев также пишет о популярности термина «геополитика» в политическом лексиконе России, а также о том, что в советский период истории России существование геополитики как полноценной научной дисциплины полностью отрицалось. При этом К. С. Гаджиев делит геополитику на «старую» и «современную». «Старая» геополитика сформировалась в конце XIX века в рамках географического детерминизма и занималась исследованием пространственно – территориального фактора в международной политике и его влиянии на поведение государств на международной арене. К. С. Гаджиев считает, что всплеск интереса к авторам «старой» геополитики - плод недоразумения, т. к. «большинство выдвигавшихся ими идей устарели

или не соответствовали мировым реальностям уже в момент их появления». «Сами геополитики, - пишет Гаджиев, - являлись исследователями или аналитиками средней руки». Эта «старая» геополитика была разработана в период господства евроцентристского мира и в его интересах.

По мнению К. С. Гаджиева XX век кардинально все изменил. Именно XX век оказался насыщенным широкомасштабными сдвигами, войнами, революциями, судьбоносными событиями. Важной особенностью XX века являлось также то, что уже в начале века завершился процесс объединения и освоения мирового пространства, заселенного человеком. В результате евроцентристский мир, считает К. С. Гаджиев, пришел к естественному завершению и уступил место многополярному миру, охватывающему всю планету. В таких условиях новые мировые реальности невозможно анализировать методами, разработанными в другую эпоху. По мнению К. С. Гаджиева, все изменения на мировой арене требуют смены методов, средств, понятий и категорий исследования. Поскольку геополитика, как это вытекает из названия, непосредственно связана с проблемами территории, месторасположения и географии каждой конкретной страны или народа, то, естественно, что геополитика должна стать новой, для этапа развития мирового сообщества в условиях «закрытия» пространства на земном шаре и в условиях информационной или телекоммуникационной революции.

Гаджиев считает, что геополитика - это *самостоятельная научная дисциплина, составляющая важнейший раздел политической науки.* Вместе с тем проблемы мирового сообщества и международных отношений изучают также и другие гуманитарные дисциплины - история, история дипломатии, социология, философия, правоведение, точнее, его самостоятельный раздел - международное право. Международное право занимается правовыми нормами, зафиксированными в межгосударственных

и международных соглашениях, уставах региональных и всемирных организаций, а также в других международно – правовых документах.

В то же время, пишет К. С. Гаджиев, есть и вторая сторона геополитики. Эта дисциплина находится как бы на стыке названных выше наук. Другими словами, геополитика имеет двойственную природу. Во – первых, геополитика - раздел политической науки, т. е. политологии. Во – вторых, геополитика - это особая поддисциплина, занимающаяся изучением теоретических и практических проблем международных отношений, разработкой основных категорий и понятий, закономерностей и основных тенденций международной жизни. В этом плане геополитика имеет собственный предмет изучения, собственные методы и приемы исследования. По мнению К. С. Гаджиева, геополитика изучает структуру и субъекты мирового сообщества, глобальные и стратегические направления развития мирового сообщества, а также закономерности и принципы жизнедеятельности мирового сообщества. Геополитика занимается изучением проблем на нескольких уровнях: глобальном, региональном и локальном.

Среди авторов много пишущих по проблемам геополитики следует назвать имя А. Г. Дугина. **Дугин А. о понятии «геополитика».** Им написана книга под названием «Основы геополитики. Геополитическое будущее России». Формально она не имеет статуса учебника или учебного пособия, но, тем не менее, многократно переиздавалась и имеет широкое распространение (Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. Изд-е 4-е. – М.: «АРКТОГЕЯ-центр», 2000, 928 с.). А. Дугин считает, что геополитика - *это мировоззрение* и его лучше всего сравнивать не с науками, а с другими мировоззрениями, например, марксизмом, либерализмом и др., т. е. с системами интерпретации общества и истории. Эти системы выделяют в качестве основного принципа какой – то один важнейший критерий и сводят к нему все остальные многочисленные аспекты человека и природы. Например,

марксизм кладет в основу экономическую сторону человеческого существования. К. Маркс писал, что основой жизни любого общества является способ производства материальных благ, состоящий из производительных сил, т. е. человека, и производственных отношений, т. е. отношений, в которые вступают люди в процессе производства. Этот экономический базис определяет политическую систему общества, его идеи, культуру и т. д. Примерно также, пишет А. Дугин, обстоит дело и с геополитикой. Если в марксизме все основное сводится к производственным отношениям, то в геополитике - к географии и пространству. Человек обуславливается рельефом и ландшафтом пространства, на котором он проживает. Другими словами *основной тезис геополитики,* в трактовке А. Дугина, сводится к следующему - *зависимость человека от пространства.* Но эта обусловленность и зависимость обнаруживается в масштабных проявлениях человека - в государствах, этносах, культурах, цивилизациях и т. д. Поскольку пространство проявляет себя в больших величинах, считает А. Дугин, постольку геополитика не стала «массовой идеологией», она оказалась востребована теми кругами, которые занимаются крупномасштабными проблемами, т. е. управлением стран и народов. Следовательно, **геополитика - это мировоззрение власти, наука о власти и для власти.** А. Дугин пишет: «Только по мере приближения человека к социальной верхушке геополитика начинает обнаруживать для него свое значение, свой смысл и свою пользу, тогда как до этого она воспринимается как абстракция. **Геополитика - дисциплина политических элит,** и вся ее история убедительно доказывает, что ею занимались исключительно люди, активно участвующие в процессе управления странами и нациями, либо готовящиеся к этой роли». (Подчеркнуто в тексте мною – Л. К.). «Не претендуя на научную строгость, - продолжает А. Дугин, - геополитика на своем уровне сама определяет, что обладает для нее ценностью, а что нет. Гуманитарные и

естественнонаучные дисциплины привлекаются только тогда, когда они не противоречат основным принципам геополитического метода. Геополитика, в некотором роде, сама отбирает те науки и те направления в науке, которые представляются ей полезными, оставляя без внимания все остальное. В современном мире она представляет собой «краткий справочник властелина», учебник власти, в котором дается резюме того, что следует учитывать при принятии глобальных решений - таких, как заключение союзов, начало войн, осуществление реформ, структурная перестройка общества и др.».

В 1998 г. опубликовал свое учебное пособие Ю. В. Тихонравов (Тихонравов Ю. В. Геополитика / Учебное пособие. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998, 368 с.). **Тихонравов Ю.В. о понятии «геополитика».** В этой книге автор представил геополитику как странную и модную сегодня науку на стыке политологии и географии. В предисловии к своему учебному пособию Ю. В. Тихонравов признает, что имеются сомнения относительно геополитики и необходимости ее изучения. Эти сомнения касаются трех моментов.

I) Связь геополитики с нацизмом в Германии, т. к. геополитика была одной из составных частей нацистской идеологии. Ю. В. Тихонравов считает, что нет лучшего способа дискредитировать геополитику, как замалчивать связь между нею и нацизмом. Напротив, необходимо узучать и геополитику, и ее место в системе нацизма, чтобы усвоить исторический урок и понять опасность тех или иных теорий. Осуждая нацистскую геополитику, ее надо отделить от геополитики вообще, т. к. идеи последней могут быть полезны обществу. Ведь геополитика появилась раньше нацизма, существовала вне нацизма, одновременно с ним, и продолжает развиваться до настоящего времени в различных формах.

II) Сомнения относительно научности геополитики. Эти сомнения, как считает Ю. В. Тихонравов, проистекают из того, что существуют, он

пишет, различные «версии» геополитики. В общем потоке есть немало концепций с признанием неких общих тезисов и подходов, но есть и такие, которые полностью отрицают такие подходы… Наконец, в наши дни распространено мнение, что геополитика вообще устарела, поскольку большинство ее выводов было сформулировано в конце XIX - первой половине XX вв., и эти выводы неприемлемы к ядерно - космической эре. Однако геополитика продолжает развиваться. Вот эта «живучесть» геополитики, считает Ю. В. Тихонравов, дает основание причислить ее «к сонму академических наук». «Это значит, - продолжает он, - что геополитику нельзя отбрасывать как псевдонауку, а пока строго научная линия в ней неопределена, целесообразно рассматривать геополитику сквозь призму истории мысли - как череду концепций, вдохновленных одной и той же реальной проблемой. В чем же заключается эта проблема? Она заключается в связи и взаимодействии пространства и политики. Именно эта объективная реальность и является основанием рассматривать геополитику как науку.

III) Сомнение относится к вопросу: стоит ли преподавать геополитику как учебный предмет. Ю. В. Тихонравов отвечает на этот вопрос утвердительно, ссылаясь на аргументы, изложенные выше. Он пишет: «… взаимодействие пространства и политики служит лучшим доказательством необходимости преподавать и изучать геополитику».

Для Ю. В. Тихонравова геополитика является во – первых, наукой, во – вторых, идеологией. Он пишет, что геополитика прибегает к объяснению как внешней, так и внутренней политики государств с точки зрения географических факторов: характера границ, обеспеченности ископаемыми и другими природными ресурсами, островным или сухопутным расположением, климатом, рельефом местности и т. д. … Традиционную геополитику можно рассматривать как науку о влиянии геопространства на политические цели и интересы государства. Постепенно геополитика перешла к более сложному пониманию

пространства как среды, где развиваются экономические, политические и другие отношения между государствами. Причем по мере роста взаимозависимости в мире, все большее значение пробрел характер межгосударственных отношений и его взаимодействие с геопространством.

Ю. В. Тихонравов принадлежит к тем авторам, которые считают, что геополитика, как наука, ближе всего к политической географии. Он пишет, что между геополитикой и политической географией имеется «зыбкая грань», но тем не менее определенная разница между ними есть. Политическая география как наука главное внимание уделяет изучению географической среды и пространства на политику государств. **Геополитика,** как наука, **сосредоточена на изучении возможностей активного использования политикой факторов географической среды для обеспечения военной, экономической, экологической безопасности государства.** В сферу практической геополитики входит все, что связано с территориальными проблемами государства, его границами, с рациональным использованием и распределением ресурсов, включая и людские ресурсы. Использование геополитики как науки многопланово. Например, геополитика используется для оценки международного политического положения государств, их места в системе международных отношений; а также в деле сохранения или изменения общемирового и регионального баланса сил.

Но этим, по мнению Ю. В. Тихонравова, не исчерпываются функции геополитики. Геополитика, пишет он, является еще и идеологией, которая используется для того, чтобы оправдать достижение или осуществление власти перед другими. Идеология всегда ориентирована на группу людей, она должна рассказать обществу, считает Ю. В. Тихонравов, почему эта группа берет на себя инициативу и действует именно так, а не иначе. Первостепенная задача идеологии состоит в том, чтобы оправдывать общественно значимые действия тех или иных групп. В этом отношении подход Ю. В. Тихонравова очень близок к позиции А. Дугина.

Что касается разновидности геополитики как идеологии, то Ю. В. Тихонравов утверждает, что геополитика тесно связана с империализмом. **Империализм** (от лат. Imperium - власть, господство) понимается им как «историческая ситуация раздела сфер власти на земле между большими империями, а также это политика больших империй, направленная на захват власти над всей землей».

В последней трети XIX в. наступила фаза, когда империи разделили между собой весь мир. За передел мира велось множество войн, в том числе две мировые, и только к концу XX в. человечество, столкнувшись с угрозой ядерной войны и ее возможными последствиями, в большей степени, чем раньше стремится к компромиссам.

В 2001 г. вышел в свет учебник «Геополитика и политическая география», написанный докторами географических наук В. А. Колосовым и Н. С. Мироненко. Учебник представляет собой курс лекций, читаемых в Московском государственном университете с 1992 г. для студентов, обучающихся по географическим специальностям (Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география /Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001, 479 с.). **Колосов В. А., Мироненко Н. С. о геополитике.** Нельзя не согласиться с мнением авторов, что столь популярный сегодня термин «геополитика» и «геополитический» часто используется произвольно и неадекватно сущности этого понятия. Авторы относят геополитику к общественным наукам и выделяют два аспекта: культурно-психологический и концептуальный. **Культурно-психологический аспект геополитики**, по их мнгению, отражает исторический опыт участников международных отношений (государств, народов, империй) и подкрепляется определенной системой взглядов на существующий мир и на возможные варианты его изменений. Определенный геополитический стереотип, выработанный в данном государстве, считают они, сплачивает людей, обеспечивает сохранение данного государства. Если же происходит изменение положения какого-либо

государства на международной арене, вырабатывается новая геополитическая идея, которая решает те же задачи консолидации и объединения.

Концептуальный аспект, считают В. А. Колосов и Н. С. Мироненко, очень широк в диапазоне от «размытых геополитических идей, подобных российским евразийцам, до жестких моделей германских геополитиков накануне второй мировой войны». При этом они делят геополитические исследования на две группы: практические и академические. Первые составляют большинство и служат для выработки геополитических кодов. В. А. Колосов и Н. С. Мироненко идут вслед за американским автором Дж. Гэддисом, который в своей книге «Стратегия сдерживания», изданной в США в 1982 г. дал следующее определение геополитических кодов. «**Геополитический код –** это оперативный свод законов, состоящих из набора политико-географических предположений, лежащих в основе внешней политики. Такие коды или кодексы предполагают 1) формулирование национальных интересов; 2) идентификацию внешних угроз этим интересам; 3) планируемое реагирование на такие угрозы; 4) обоснование такого реагирования. Количество геополитических кодов соответствует количеству государств, но при всей их уникальности они находятся в зависимости друг от друга, так как международные отношения иерархичны и более сильные государства навязывают свои идеи и предложения менее сильным». Что касается академической геополитики, отмечали В. А. Колосов и Н. С. Мироненко, «унифицированного геополитического учения на снгодняшний день не сложилось, все же некоторые установленные геополитические категории и причинно-следственные связи следует признать научными». По их мнению, «академическая геополитика должна пытаться извлечь разумное из прошлого и представить геополитическую аргументацию в виде всеобщих закономерностей и тенденций геополитических отношений».

В. А. Колосов и Н. С. Мироненко дают определение геополитики через формулирование ее задач. «Геополитику, - писали они, - можно определеить как некую ***проблемную научную область***, основной задачей которой выступает

фиксация и прогноз пространственных границ силовых полей разного характера (военных, экономических, политических, цивилизационных, экологических) преимущественно на глобальном уровне (Понятие силового поля ассоциируется с пространством, контролируемым государством). Генераторами таких силовых полей выступают государства, межгосударственные группировки и ряд негосударственных субъектов. Отдавая дань моде широкого использования в русском языке иностранных слов, В. А. Колосов и Н. С. Мироненко выделяют в системе международных отношений субъетов и акторов. Субъектами могут быть государства или международные организации, на которые распространяется международное право. Понятие «актор» включает всех действующих лиц международных отношений, независимо от распространения на них норм международного права. К ним относятся транснациональные корпорации, политические организации и движения, политические и религиозные лидеры и т. д.

Столь же неоднозначная картина вырисовывается в попытках определить предметное поле геополитики в зарубежных изданиях. **Международная энциклопедия всемирной книги** достаточно кратко сообщает своим читателям, что «геополитика пытается объяснить мировое политическое развитие в терминах географического пространства». Авторы подчеркивали, что «согласно этой теории, мир представляет собой ограниченное пространство, и все страны борются за него, чтобы выжить. Геополитика пытается описать отношения между географическим пространством и внешней политикой. Географы, историки и политические ученые изучают влияние географии на внешнюю политику». Вряд ли справедливо утверждение, что «термин *геополитика* сегодня редко используется потому, что подчеркивает только один фактор, объясняющий мощь великих держав» (The World Book Encyclopedia. (International). – World Book Inc., vol. 8. – London, Sydney, Tunbridge Wells, Chicago, 1994, p. 99).

Читатели **Новой Британской энциклопедии** могли узнать, что «геополитика – это анализ влияния географии на отношения силы в

международной политике. Теоретики геополитики стремились продемонстрировать важность обусловленности национальной политики такими рассуждениями, как завоевание естественных границ, доступ к важным морским путям и контроль над стратегически важными районами суши». Кроме этого сообщалось, что сам термин был введен шведским политическим ученым Р. Челленом в 1916 г. в его работе «Государство как организм», что термин получил широкое распространение между двумя мировыми войнами, когда «геополитика использовалась для обеспечения защиты интересов отдельных наций и идеологий». Из числа известных теоретиков были названы только К. Хаусхофер, «давший геополитическое логическое обоснование международным притязаниям Германии, которые позднее нацисты приспособили для своих собственных целей», и Дж. Х. Маккиндер с его теорией «хартленда», который показал, что «Евразия … является жизненно важным регионом, над которым демократические нации должны установить контроль» (The New Encyclopedia Britannica / Vol. 5, 1994, Micropedia, p. 193).

В международном издании Американской энциклопедии утверждалось, что «геополитика изучает географические аспекты политических явлений». Создателями геополитики, те, кто «ввел ее в академический мир», были названы Ф. Ратцель, Дж. Х. Маккиндер, Р. Челлен. В последующий период наиболее интересными европейскими авторами, писавшими геополитические сочинения, были названы К. Хаусхофер и К Шмитт. Что касается американской геополитики, авторы энциклопедии полагали, что своими корнями она уходит во времена покупки Соединенными Штатами Луизианы и распространения идеи о «предопределении судьбы» («manifest destiny»). (The Encyclopedia Americana. International Edition. Complete in Thirty volumes. First published in 1829, vol. 12, Danbury, 1994, p.508).

Таким образом, в учебной и в научной литературе нет принимаемого всеми авторами определния геополитики (Что касается научной литературы, ее анализ в данном аспекте выходит за пределы данного учебного пособия).

Гл. I. Геополитика: источники, предмет, функции

1.1. Источники геополитики

Однако еще до того, как в употребление вошло определение геополитики, идеи об обусловленности жизни людей и обществ географической средой высказывались в разное время разными авторами. На протяжении веков складывалось такое направление в социальных и гуманитарных науках, как **географический детерминизм** (от лат. determinare - определять, обуславливать).

В эпоху античности некоторые авторы высказывали идеи о влиянии географической среды (климата, почв, рек, морей и др.) на историю и человека. Древние греки - Геродот, Аристотель, Гиппократ, Полибий, Страбон - первые высказали эти идеи в своих трудах. Например, «отец медицины» **Гиппократ** (около 460 - около 370 гг. до н. э.) в своей работе «О воздухе, водах и местностях» писал о влиянии климата, прежде всего, на человеческий организм, свойства характера и даже на общественный строй. Древнегреческий философ **Аристотель** (384 - 322 гг. до н. э.), изучая факторы, влияющие на государства, выделял пространства суши и моря. В своем труде «Политика» Аристотель писал об острове Крит, используя по существу геополитическую аргументацию: «Остров Крит как бы предназначен к господству над Грецией, и географическое положение его прекрасно: он соприкасается с морем, вокруг которого почти все греки имеют свои места поселения; с одной стороны он находится на небольшом расстоянии от Пелопонеса, с другой - от Азии …». Аристотель развил также высказанную до него идею о влиянии климата на людей. Древнегреческий мыслитель **Парменид** в VI в. до н. э. выдвинул теорию о **пяти температурных зонах.** Он выделял одну жаркую, две холодные и две промежуточные. Опираясь на эти положения, Аристотель писал о превосходстве промежуточной зоны, населенной греками.

Спустя почти два тысячелетия к этим идеям обратились вновь. В XIV - начале XV вв. арабский историк и мыслитель **Ибн Хальдун** (1332 – 1406 гг.) в качестве главного природного фактора, влияющего на общественно – политическую жизнь людей, выделял **климат.** Он считал, что только в странах с умеренным климатом люди способны заниматься культурной деятельностью, а народы, проживающие в экваториальной зоне не имеют побудительных мотивов для развития культуры. Ведь природа дает им все необходимое: одежду, пищу. Им не нужны прочные жилища. Другое дело - жители холодных северных стран. Им требуется много энергии, чтобы выжить: построить жилище, изготовить одежду, добыть пищу. В таких условиях они просто не имеют времени для развития наук, искусства и т. п. Ибн Хальдун известен также своей **теорией исторических циклов.** Согласно этой теории, наиболее активной силой истории являются кочевые народы, проживающие в зонах умеренного климата. Они превосходят оседлые народы и в физическом, и в моральном плане. Именно поэтому, по мнению арабского мыслителя, кочевники время от времени создают обширные империи, подчиняя себе оседлые народы. Однако через 3 – 4 поколения потомки утрачивают качества, которые вывели их предков; тогда появляются новые кочевники – завоеватели, и история повторяется. Нетрудно заметить, что эти идеи Ибн Хальдуна возродились в теоретических построениях (евразийцев) и в пассионарной теории происхождения этносов Л. Н. Гумилева.

Спустя более чем сто лет под воздействием Великих географических открытий идеи географического детерминизма получили новый импульс к развитию. О влиянии, прежде всего, климата на развитие народов и государств писал французский ученый **Жан Боден** (1530 – 1596 гг.). Он разделил земной шар на три части: жаркую - экваториальную, среднюю - умеренную и холодную - полярную. Вслед за античными авторами Ж. Боден утверждал, что характер народов определяется прежде всего климатическими условиями их места

проживания и развития. На севере живут более крепкие физически и более воинственные люди, на юге - более одаренные. Ж. Боден писал, что «величайшие полководцы приходят с севера, а искусство, философия и математика рождаются на юге». При этом под югом Ж. Боден понимал умеренную, а не экваториальную зону.

В XX в. теория климатических поясов получила дальнейшее развитие. Широко распространилась точка зрения, что история «делается» главным образом в Северном полушарии, в пространстве между 20 и 60 градусами северной широты, где расположена большая часть суши. Главные исторические центры располагались именно здесь: вначале речные цивилизации Месопотамии и Египта, их сменили города - государства Греции, затем Римская империя. Все культурные и политические центры Европы, России, Америки, Японии размещаются в умеренно - прохладной зоне между 45 и 60 градусами северной широты.

После Ж. Бодена проблема влияния природно – климатического фактора на общественно – политическое развитие народов долгое время оставалась вне поля зрения философов и мыслителей. Объектом внимания она становится только в XVIII в. с появлением на общественно – политической сцене явления известного как Просвещение. **Просвещение** - это прогрессивное идейное течение, которое оформилось в переходный период от феодализма к капитализму, как идейное знамя буржуазных революций. Оно охватило ряд европейских стран и Соединенные Штаты Америки. Наиболее яркими и известными представителями Просвещения были: в Великобритании - Джон Локк; во Франции - Жан – Жак Руссо, Шарль – Луи Монтескье, Вольтер (Франсуа – Мари Аруэ), Поль Гольбах, Клод Гельвеций, Дени Дидро; в Германии - Иоганн Готфрид Гердер, Готхольд Лессинг, Фридрих Шиллер, Иоганн Вольфганг Гёте; в США - Томас Джефферсон, Бенджамин Франклин, Томас Пейн. Просветители отстаивали и защищали идею свободы и равенства всех людей, боролись за равноправие и отмену всех сословных привилегий. В противовес

господствовавшей клерикальной идее (от слова «клир» - общее наименование служителей культа какой – либо церкви; первоначальное, буквальное значение этого греческого слова Kleros - жребий, так как христианское духовенство первоначально избиралось по жребию) о предопределенности человеческой судьбы, просветители утверждали, что личность формируется социальной и природно – географической средой.

Среди названных блестящих имен европейских просветителей, которые разрабатывали свои концепции в русле географического детерминизма, в первую очередь должен быть назван **Шарль Луи Монтескье** (1689 – 1755 гг.). Он был дворянином, имел титул барона и занимал наследственную должность президента парламента в г. Бордо. Но в возрасте 37 лет он оставил государственную службу, посвятил себя изучению французского и европейского искусства, и для этого предпринял путешествие по Европе в 1728 г. Результатом его наблюдений и размышлений явился труд **«О духе законов»** (1748 г.). В этой работе Монтескье выделил факторы, которые формируют историю:

- климат
- пространство
- почва
- культура
- экономика

Один из разделов книги Монтескье посвятил исследованию влияния климата и топографии на особенности государственного устройства. Он провел сопоставление между европейскими и азиатскими народами и пришел к следующему выводу: «Власть климата есть первейшая власть на земле». Однако не следует понимать это положение примитивно и односторонне. Монтескье считал, что климат воздействует на общественно – политическую жизнь опосредованно, действуя изначально на человека, его физиологическое состояние, на его психологию, характер, нравы, обычаи. Исходя из этого, он заявлял, что «малодушие народов жаркого

климата всегда приводит их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу».

С конца XVIII и в течение XIX вв. европейская школа географического детерминизма все заметнее перемещалась в Германию. Одним из первых, кто начал говорить в Германии о влиянии на развитие человечества климата, почвы, географического положения, был **Иоганн Готфрид Гердер** (1744 – 1803 гг.). Выдающимся последователем Гердера был **Карл Риттер** (1779 – 1858 гг.). Многое из того, что было разработано Риттером, использовали геополитики последующих поколений. Например, Риттер разделил всю поверхность Земли на две полусферы:

1) сухопутную (континентальную) и
2) водную (морскую)

Границу между ними он провел в виде большого полукруга в Южной Америке через Перу, затем южную часть Азии. В рамках континентальной полусферы он выделил Старый и Новый Свет. Старый Свет простирался с Востока на Запад и поэтому обладал заметным климатическим однообразием. Другое дело - Новый Свет, то есть Американский континент. Он раскинулся с Севера на Юг, и здесь представлены различные климатические зоны.

Современниками К. Риттера были естествоиспытатель и географ **Александр фон Гумбольдт** (1769 – 1859 гг.), великие немецкие философы **Иммануил Кант** (1724 – 1804 гг.) и **Георг Вильгельм Фридрих Гегель** (1770 – 1831 гг.). В своей работе **«Философия истории» Г. В. Ф. Гегель** прямо писал о том, что географические факторы определяют судьбу народов. Как и его предшественники в Германии и во Франции, Гегель выделял фундаментальное воздействие климата. Он подчеркивал, что народы, проживающие в экстремальных природных условиях - излишне жарком или излишне холодном климате - «навсегда исключены из всемирно – исторического движения». Носителями исторического прогресса Гегель считал только страны Западной Европы и США. По его мнению,

общественный строй того или иного народа определяется во многом топографией, рельефом местности. Всю земную поверхность Гегель разделил на три пояса:

1) безводные плоскогорья со степями и равнинами;
2) низменности, орошаемые реками;
3) прибрежные страны, непосредственно прилегающие к морю.

Вполне естественно, что эти природные условия определяли и характер занятий людей их населяющих. Гегель писал, что «скотоводство является занятием обитателей плоскогорий, что земледелием и промышленным трудом занимаются жители низменностей; наконец, торговля и судоходство составляют третий принцип. Патриархальная самостоятельность тесно связана с первым принципом, собственность и отношения господства и порабощения - со вторым, а гражданская свобода - с третьим принципом». Из этих рассуждений Гегель выводил «превосходство» прибрежных народов и стран над всеми другими народами и странами.

Следует отметить, что в XIX в. сторонники географического детерминизма не ограничивались исследованием влияния только климата на общественное развитие. В рамках этого направления стали рассматриваться такие вопросы, как плодородие почв, наличие полезных ископаемых, влияние транспортных магистралей на жизнь общества. Эти вопросы нашли освещение прежде всего в трудах английского ученого Г. Т. Бокля. **Генри Томас Бокль** (1821 – 1862 гг.) был профессором географии Лондонского университета. Бокль не был типичным представителем географического детерминизма. С одной стороны, он в своей книге «История цивилизации в Англии» писал о географических факторах, влияющих на жизнь общества. Среди этих факторов первостепенное значение он придавал:

- Климату
- Рациону питания

- Плодородию почвы
- Ландшафту

С другой стороны, Бокль подчеркивал, что уровень экономического благосостояния общества «зависит не от благости природы, а от энергии человека», которая безгранична в сравнении с ограниченностью и стабильностью естественных ресурсов. Рассуждая о воздействии климата, пищи, почвы и ландшафта, Бокль писал следующее: «плодородная помощь через избыток продовольствия увеличивает народонаселение, а это ведет к уменьшению заработной платы каждого работника. На юге пища более дешева и требует меньших усилий для ее добывания. Отсюда - громадное население, нищета работников, несметные богатства правителей». По мнению Бокля ландшафт действуют следующим образом: «он способствует накоплению и распределению умственного капитала», т. е. есть ландшафты, возбуждающие воображение (различные виды грозной природы), и ландшафты, способствующие развитию рассудка, логической деятельности. Первый тип характерен для южных широт. Это – места возникновения всех древнейших цивилизаций. «…Принимая всемирную историю за одно целое, - пишет Бокль, - мы находим, что в Европе преобладающим направлением было подчинение природы человеку, а вне Европы - подчинение человека природе».

Таким образом, следует отметить, что фундаментом, основанием геополитики является географическое направление в социологической и философской мысли, известное как географический детерминизм. На таком выводе сходятся практически все современные российские исследователи. Но некоторые, в частности Н. А. Нартов, **наряду с географическим детерминизмом,** называют **военно – стратегические и цивилизационный подходы,** как следующие два источника геополитики.

Признанными авторами военно – стратегических теорий Н. А. Нартов называет **Н. Макиавелли** (1469 – 1527 гг.), **К. фон Клаузевица** (1780 – 1831 гг.), **Х. И. Мольтке** (1848 – 1916 гг.), **А. Т. Мэхэна** (1840 – 1912 гг.),

Д. А. Милютина (1816 - 1912 гг.). Что нового внесли военно – стратегические теории в геополитику? Прежде всего, они внесли **идею ключевых пунктов и зон, обладание которыми позволяет контролировать значительные территории потенциального противника.** В настоящее время, когда земной шар, благодаря современным коммуникациям перестал быть огромным, с недосягаемыми районами, поскольку их просто не осталось, военно – стратегические подходы получают новое звучание.

В качестве третьего источника геополитики назван **цивилизационный подход.** В нашей стране цивилизационный подход получил «право на жизнь» в обстановке кризиса и крушения советской системы и коммунистической идеологии. Цивилизационный подход как объяснительный принцип, который позволяет разобраться в многообразии мира, появился в Советском Союзе на смену марксистской теории общественно – экономических формаций. Марксистская теория в СССР была на положении государственной религии, официальной идеологии, которой было подчинено все: официальная пропаганда, преподавание гуманитарных дисциплин, научные исследования в области гуманитарных и общественных наук. Все явления в мире во все времена и у всех народов объяснялись воздействием экономического базиса, производительными силами и классовой борьбой.

Марксистская теория имела свои положительные черты, но придание ей универсального характера в СССР, попытка представить её универсальным ключом, который откроет любую дверь и объяснит любую проблему общественно – политического и внешнеполитического развития - все это нанесло ущерб марксистской теории. Кроме того, изменения, которые происходили в мире, особенно после второй мировой войны, не укладывались в рамки теории общественно – экономических формаций. В таких условиях в нашей стране вспомнили о теории цивилизаций.

Одним из основоположников цивилизационного подхода к истории является **русский ученый, историк и социолог Н. Я. Данилевский** (1822 – 1885 гг.). В 1868 г. он опубликовал книгу **«Россия и Европа».** В ней Н. Я. Данилевский писал, что главными действующими лицами на исторической сцене являются не государства, не отдельные нации, а огромные культурно – исторические общности. Он назвал их **культурно – историческими типами.** В соответствии с таким подходом внешнеполитические задачи России заключались в укреплении «славянского культурно – исторического типа».

В конце XIX - начале XX вв. концепция Н. Я. Данилевского получила развитие в работах русского философа **К. Н. Леонтьева** (1831 – 1891 гг.), еще позже в работах русского ученого, высланного из России по распоряжению руководства большевистской партии, **П. Н. Савицкого** (1895 – 1968 гг.), который принадлежал к **евразийскому направлению** в русской эмиграции.

Но всемирную известность цивилизационный подход получил благодаря трудам английского историка, философа и социолога **Арнольда Тойнби** (1889 - 1975 гг.). Наиболее полно его цивилизационная теория изложена в двеннадцатитомном труде под названием **«Постижение истории** (1934-1961 гг.**).** На русском языке этот труд в очень сокращенном виде (730 страниц) увидел свет только в 1991 г. Таким образом, цивилизационная теория вернулась в Россию спустя почти сто лет после своего появления и благодаря исследованиям зарубежных специалистов.

А. Тойнби считал, что цивилизация - это целостная общественная система, которая имеет внутренний механизм функционирования. Какие же факторы определяют своеобразие каждой цивилизации? Наиболее часто выделяются следующие:

1) географическая (или природная) среда;
2) система ведения хозяйства;
3) социальная организация;

4) религия (или идеология);

5) духовные ценности;

6) политическая система.

Естественно, что цивилизация не является чем – то неподвижным и неизменным. Она развивается: проходит стадии зарождения, расцвета, разложения и гибели. Какова же продолжительность существования цивилизаций? Сколько – нибудь определенного мнения на этот счет не существует, но высказывались различные гипотезы. Например, А. Тойнби и О. Шпенглер утверждали, что цикл развития цивизизаций от зарождения до упадка составляет примерно одну тысячу лет. Л. Н. Гумилев считал иначе: полторы тысячи лет. Есть и другие мнения.

На протяжении истории существовало и существует множество цивилизаций, которые обладают неповторимым обликом и яркими характерными чертами. Одни разрушались или их разрушали, другие возникали на их обломках, усваивали предшествующее наследие. Предпринимались попытки систематизировать все многообразие цивилизаций. Тот же А. Тойнби, изучая всемирную историю, попытался определить число самостоятельных цивилизаций. Сначала он досчитал до 100 самостоятельных цивилизаций. Затем, работая над своей концепцией, он последовательно сокращал их число до 36, потом до 21 и, наконец, до 13. Остальные общества он считал вариантами самостоятельных цивилизаций.

Как свидетельствует история, цивилизации являются вненациональным феноменом, хотя национально – этнические факторы играют важную роль. Как пишет Л. И. Семенникова, ханты, манси, чукчи - это разные этнические группы, но ведут они сходный образ жизни. Или европейская цивилизация состоит из многих народов, которые имеют ярко выраженные национальные особенности: от медлительных шведов до темпераментных итальянцев.

Некоторые исследователи предлагают выделять цивилизации по региональному принципу: атлантическая, тихоокеанская и т. д. Однако такой подход малопродуктивен. В разных регионах могут существовать сходные общества. Например, между Австралией и Северной Америкой больше общего, чем различий.

Теория цивилизаций в самых разных её проявлениях используется современными геополитиками. В связи с этим большой резонанс вызвала работа **Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций ?»** (1993 г.). Таким образом, современная геополитика опирается на знания и концепции географического детерминизма, военно – стратегических и цивилизационных концепций.

1. 2. Предмет геополитики

Как и всякая наука, геополитика имеет свой предмет исследования. Во – первых, таким предметом является **мировая политика.** При этом анализ событий осуществляется на нескольких уровнях: - глобальном (глобальная или мировая политика)

- региональном (региональная политика)
- внутригосударственный (отражает внутренние интересы государства)

Следует подчеркнуть, что этот предмет исследования не является статичным, напротив, он очень динамичен и постоянно изменяется. В условиях XX в. собственно географические условия жизнедеятельности стран отошли как бы на второй план. Значение и роль таких географических элементов, как большие пространства, океаны, моря, горы и т. п. заметно снизилось. Параллельно с этим возросло значение экономических процессов. Следовательно, во – вторых, предметом изучения геополитики являются **глобальные экономические процессы.** На международные отношения экономические интересы оказывают очень сильное влияние. Это влияние резко усилилось в конце XX в. В

экономической сфере человечество переживает международное разделение труда. Глобальный характер приобрели межгосударственное движение капиталов, перемещение рабочей силы и валюты, а также информационные потоки. Без учета этих экономических факторов невозможен никакой геополитический анализ.

Предметом изучения геополитики являются также **изменения, вызванные научно – технической революцией.** Эти изменения касаются прежде всего **военно – технических средств,** а именно: после создания оружия массового поражения и средств их доставки на земном шаре практически не осталось неуязвимых мест. Такое состояние дел в военной сфере во многом ставит под сомнение главные выкладки геополитиков конца Х1Х - первой половины ХХ вв. Кроме того, произошли **грандиозные изменения в развитии средств связи,** прежде всего в связи с созданием и распространением электронной системы связи. Если раньше страны и народы были разделены огромными расстояниями, то сейчас электронная связь делает соседями самые отдаленные и удаленные уголки планеты. Необходимо также принимать во внимание, что в настоящее время от электронной связи жизненно зависят военная и экономическая сфера.

В современных условиях на мировое развитие оказывает влияние такой фактор, как **уровень образования и культуры народов.** Именно от уровня образования и культуры зависит развитие экономики, науки, военного дела, новых технологий. Роль образования как важного фактора мировой политики была осознана достаточно давно. Это было обусловлено следующими обстоятельствами. Во - первых, знания, а значит и образование – важнейший ресурс экономического развития и повышения качества жизни человечества в целом и каждой страны в отдельности. Во-вторых, емкость и потенциальная прибыльность рынка образовательных услуг исчисляется десятками миллиардов долларов. Следует иметь в виду, что такие доходы складываются из двух составляющих – обучение иностранных студентов и

миграция уже подготовленных специалистов. Последнее явление получило название «утечки мозгов». Этот процесс возник в Западной Европе после второй мировой войны, когда наблюдался массовый отъезд талантливых ученых для продолжения учебы или научной деятельности за рубеж, главным образом в США. В настоящее время в Соединенных Штатах Америки проживает 11 млн. эмигрантов – специалистов различного профиля, которые зарабатывают около 240 млрд. долл. в год. Не менее 90 млрд. долл. составляют отчисления в казну в виде налогов. Одновременно с обогащением одних идет обеднение других. По оценкам американских экспертов, Россия потеряла от «утечки мозгов» более 200 млрд. долл. Заметные потери несут и европейские партнеры США. В-третьих, готовя кадры для зарубежных стран, страна, предоставляющая образовательные услуги, готовит им элиту, вольно или невольно становящуюся проводником влияния этой страны.

Но не только экономический и финансовый аспект образования влияет на мировое развитие. Усилия по стандартизации образования, распространение таких методов, как дистанционное и транснациональное обучение, международный обмен студентами и преподавателями позволяет, с одной стороны, сохранять национальные традиции в сфере образования, с другой стороны, закладывается возможность для представителей разных народов и цивилизаций на основе общей системы представлений и ценностей обеспечить плодотворное общение и стабильное существование. Другими словами, общий образовательный фундамент может стать одним из главных стабилизирующих факторов мирового развития.

Говоря о культуре, следует также иметь в виду мировые религии. Например, ислам в последнее десятилетие XX в. оказывает очень сильное влияние на геополитический баланс сил.

Предметом геополитического исследования в современных условиях является также **демографическая ситуация.** Демография - это наука о народонаселении, его изменениях, исследует численность народонаселения, его географическое распределение, состав, воспроизводство населения, т. е.

рождаемость, смертность, продолжительность жизни и др. Например, демографическая ситуация, сложившаяся в России в конце XX в., не может не вселять тревогу. По данным Госкомстата РФ, население России с 1992 г. неуклонно сокращается. За период с 1992 по 2000 гг. население страны сократилось со 148,7 млн. человек до 145,8 млн. Если нынешняя тенденция сохранится, к 2020 - 2025 гг. население России может составить 100 млн. человек, а к 2075 году - 50 – 55 млн. Противоположная демографическая ситуация складывается на юге азиатского континента. В настоящее время самыми многонаселенными государствами планеты являются Китай и Индия с населением 1,3 млрд. и более 1 млрд. человек соответственно, что составляет 1/3 населения земного шара. Демографические процессы, происходящие в Китае, имеют к России прямое отношение, так как это две соседние страны, имеющие самую протяженную сухопутную границу в мире. С одной стороны, прирост населения в Китае, с другой - редко заселенные территории Сибири и Дальнего Востока - все это, назависимо от субъективных намерений в руководстве КНР, создают мощное демографическое давление на наших границах. Таким образом, без учета демографического фактора невозможен никакой геополитический анализ и какие – либо рекомендации. Кроме того, демографические проблемы тесным образом связаны с проблемами экономическими, социальными, военными и др.

Что касается демографической ситуации в целом, по оценкам авторитетных международных организаций, картина выглядит следующим образом: в первой половине XX в. темпы прироста населения земли составляли 0,8 %, во второй половине - 1,9 %. При сохранении этих темпов по прогнозам специалистов человечество ожидает следующая перспектива: возможны три варианта предполагаемой демографической ситуации к 2025 г. Самая низкая возможная численность населения земли к этому рубежу может составить 7,6 млрд. человек. Средняя цифра - 8,5 млрд., самая высокая - 9,4 млрд. человек. К середине XXI в. по разным

подсчетам население на планете может быть в пределах от 10 до 14,5 млрд. человек. Наибольший прирост населения произойдет в странах Азии и Африки. Это может привести к тому, что к середине XXI в. в нынешних «индустриально развитых странах» будет проживать менее 20 % всего населения. Это неизбежно вызовет массовую миграцию с Юга на Север и Запад. Практически это уже началось. Например, Соединенные Штаты Америки должны решать проблемы нелегального въезда мексиканцев и жителей других латиноамериканских стран. Выходцы из стран Азии и Африки направляются в Европу. Например, для Франции это проблема выходцев из бывших французских колоний в Северной Африке - Алжира, Туниса, Марокко, для Федеративной Республики Германии - проблема турок – эмигрантов.

1. 3. Функции геополитики

1. **Познавательная функция** связана, прежде всего, с накоплением информации и ее анализом. Для того, чтобы отследить тенденции в развитии отдельных стран, регионов, а также глобальные тенденции, необходим огромный объем информации. Такой информацией являются а) официальные документы правительств, учреждений, международных организаций; б) выступления и заявления государственных и политических деятелей; в) статистические данные. Кроме того, важная сторона геополитического анализа - знание субъективного фактора, т. е. участников политических процессов - национальных, региональных лидеров. Большое влияние на политические процессы оказывают морально – нравственные ориентиры политических деятелей, уровень их образования, культуры, и даже их увлечения (хобби). Знание и осмысление всего этого круга информации обеспечивает изучение тенденций геополитического развития отдельных стран и народов, регионов и т. д.

2. **Прогностическая функция** самым тесным образом связана с предыдущей познавательной функцией. Ведь собственно все геополитические исследования проводятся не из праздного любопытства, а

чтобы дать какие – то рекомендации и прогнозы об участниках международных отношений, возможных изменениях регионального и глобального характера. Прогностическая функция геополитики призвана обеспечить заинтересованные правительственные и деловые круги информацией и прогнозами о возможных союзах, конфликтах и выработать рекомендации либо с целью укрепления какого - либо сотрудничества, либо к предотвращению или погашению конфликта. Ценность любого геополитического исследования определяется тем, насколько адекватно, точно оно отражает процессы, протекающие в современном мире, а также тем, насколько эти прогнозы обеспечивают интересы какой - либо страны, региона и в целом всего человечества.

3. **Управленческая функция** геополитики также взаимосвязана с двумя вышеназванными функциями. Геополитическая информация совершенно необходима политическим лидерам, военным руководителям, экономистам для принятия правильных решений. Дело в том, что на процессы в общественной, политической, финансово – экономической жизни влияет множество факторов, и решения, принимаемые на разных уровнях, должны быть адекватными. При выработке решений в любой сфере жизнедеятельности нужны рекомендации двоякого рода. С одной стороны, рекомендации могут быть прикладного характера, рассчитанные на ближайшую перспективу. С другой стороны, необходимы рекомендации стратегического характера, рассчитанные на достаточно длительный период времени.

4. **Идеологическая функция.** Как отмечалось выше, практически все авторы российских учебных пособий и учебников по геополитике при определенных различиях в подходах к геополитике, сходятся в одном, а именно, что геополитика - это мировоззрение, доктрина, другими словами, идеология. Определение геополитики в советский период в СССР, при всей его жесткости и спорности, подчеркивало, прежде всего, ее идеологическую направленность: обслуживание интересов нацизма и

внешнеполитической экспансии империалистических государств. Это действительно имело место. Таким образом, и критики геополитики в советское время, и современные российские авторы, признающие за геополитикой статус науки, все сходятся на том, что геополитика - это еще и идеология, что она имеет идеологическую функцию, оправдывая достижение внешнеполитических целей.

Вопросы для повторения

1. Что изучает геополитика? Раскройте основные точки зрения на ее предмет.
2. Каково место геополитики в системе других наук?
3. Каковы функции геополитики?
4. Дайте характеристику основных источников геополитики.

Гл. II. Теоретические основы геополитики (конец XIX – конец XX вв.)

2. 1. Классическая геополитика

В предыдущих разделах отмечалось, что осмысление важности и влияния природно – климатического и других географических факторов на развитие государств, общественно – политическую жизнь народов имело место еще в эпоху античности. Эта традиция, оформившаяся в географический детерминизм, в конце Х1Х – первой половине XX вв. переросла в качественно новое знание, каким и стала геополитика. Авторы, попытавшиеся увязать мировую политику и географию, работавшие в указанный период, и стали называться отцами – основателями классической геополитики. К их числу относятся Ф. Ратцель (Германия), Р. Челлен (Швеция). А. Т. Мэхэн (США), Д. Х. Макккиндер (Великобритания / США).

2. 1. 1. Геополитические взгляды Ф. Ратцеля

Фридрих Ратцель родился в г. Карлсруэ в августе 1844 г. Здесь же в политехническом университете он изучал геологию, палеонтологию и зоологию. Затем продолжил образование в Гейдельбергском университете. Будучи по своим политическим взглядам сторонником правых националистических сил, членом «Пангерманского союза», Ф. Ратцель добровольцем участвовал во франко – прусской войне. Эта война завершилась победой Пруссии, объединявшей германские государства в единую германскую империю, а самому Ф. Ратцелю принесла «Железный крест» за храбрость. После окончания войны Ф. Ратцель продолжил свои научные изыскания и в 1876 г. защитил диссертацию. Новая Британская энциклопедия характеризует его как «географа и этнографа, который оказал большое влияние на развитие обеих этих наук» (The New Encyclopedia Britannica. Vol. 9, 1994, p.955). Российский Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона представлял Ратцеля своим читателям как немецкого путешественника и натуралиста (Энциклопедический словарь. СПб, 1899. т. 26, с. 367). Действительно, Ф. Ратцель много путешествовал. Период с 1868 по 1875 гг. он провел в путешествиях по ряду европейских стран (Италия, Венгрия, Трансильвания) и стран Северной и Центральной Америки. Последние страны Ратцель посетил в качестве корреспондента газеты «Кельнише цайтунг». Последующий период своей жизни Ф. Ратцель посвятил преподавательской деятельности: в 1875 – 1886 гг. он был профессором географии в Техническом университете Мюнхена, а с 1886 по 1904 гг. в Лейпцигском университете. Умер Ф. Ратцель в августе 1904 г. в г. Эммерланд.

В 1870 – 1890 – е гг. Ф. Ратцель опубликовал свои основные труды. В 1874 г. в свет вышла его книга «Карты североамериканских городов и цивилизаций», а в 1878 – 1880 гг. - «Соединенные Штаты Америки», в 1881 г. – «Земля», которая была переведена на русский язык уже в 1882 г. Русский перевод этой книги имел подзаголовок «24 общедоступных беседы по общему землеведению. Географическая книга для чтения». В 1882 г. в Штутгарте

вышел первый том «Антропогеографии» Ф. Ратцеля, а в 1891 г. – второй том этой книги. В 1893 г. вышло в свет фундаментальное двухтомное исследование Ратцеля «Народоведение». Главной работой Ратцеля по этнографии стал его трехтомный труд «История человечества» (1896 – 1898 гг.). В 1896 г. Ф. Ратцель опубликовал свою работу «Государство и его географические границы». Одним из основополагающих его трудов стала солидная, более чем на семьсот страниц, монография под названием «Политическая география», опубликованная в Мюнхене и Лейпциге в 1897 г. Российский читатель смог познакомиться с основными идеями этой книги в изложении, сделанном Л. Синицким и опубликованном в журнале «Землеведение» в 1898 г. В последние годы жизни Ф. Ратцель выпустил в свет работу «Море, источник могущества народов» (1901 г.), очерк «Жизненное пространство» (1900 г.). а также фундаментальное обобщающее исследование в двух томах, объемом полторы тысячи страниц, «Земля и жизнь. Сравнительное землеведение» (1901 – 1902 гг.). На русский язык были переведены такие работы Ф. Ратцеля, как «Народоведение» (СПб: Т – во «Просвещение», 1900 г.), «Человечество как жизненное явление на Земле» (М.: Книжное дело, 1901 г.), а также «Земля и жизнь». Это издание было осуществлено акционерным обществом Брокгауз и Ефрон, первый том вышел в Сан – Петербурге в 1905, второй - в 1906 г.

2. 1. 1. 1. Развитие Ф. Ратцелем идей географического детерминизма

На формирование взглядов Ф. Ратцеля оказали большое влияние взгляды европейских, особенно немецких естествоиспытателей и социологов. Традиции географического детерминизма, сохранившиеся от античности через средневековье до нового времени, были развиты такими мыслителями, как Иоганн Готфрид Гердер, Карл Риттер, Александр фон Гумбольдт. Сам Ф. Ратцель признавал их влияние на него и очень высоко оценивал вклад этих ученых в создание «научной почвы для географии человека». Он считал, что И. Г. Гердер в своем труде «Идеи о философии истории человечества» (1785 г.)

«подымается до представления о человечестве, как о самой высокой и призванной к высшему части земли» (Ратцель Ф. Земля и жизнь, т. 1, СПб, 1905, с. 46). Последователь Гердера К. Риттер в своем 10 – томном «Сравнительном землеведении» (1817 – 1859 гг.) описал Африку и большую часть Азии «в смысле сравнения форм природы» и, как подчеркивает Ф. Ратцель, «рассматривает Африку как живой *орган,* который с целым связан рядом взаимных отношений. Подобную *органическую* точку зрения, - делает вывод Ф. Ратцель,- Риттер проводил с особенной тщательностью при исследовании взаимодействия, существующего между человеком и землей» (Там же, с. 49). Что касается Гумбольдта, Ф. Ратцель признавал, что его работы «Линия изотерм и распределение теплоты на земном шаре» (1817 г.) и «Фрагменты геологии и азиатской климатологии» (1831 г.) дали сильный импульс к подобного рода исследованиям» (Там же, с. 48).

Широкую популярность в XIX в. получила эволюционная теория Ч. Дарвина. Привлекательность идей естественного отбора и борьбы за существование, подчинение слабых сильному привела к тому, что некоторые авторы стали применять их к общественной жизни, и в социологии XIX в. появилось одно из новых направлений – **социал – дарвинизм.** Не обошло стороной это увлечение социал – дарвинизмом и Ф. Ратцеля. Анализируя проблемы антропогеографии, Ф. Ратцель писал: « Наш век отличается **борьбою между расами.** Эта неспособность рас жить мирно друг подле друга относится к своеобразнейшим свойствам природы человека. …это странное устройство человеческой природы … следует объяснить прежде всего ненавистью ко всему чужеземному… Более сильная раса теснит слабую, отнимает у нее лучшие земли, выгоняет ее с наиболее удобных мест, вдвигается в нее и все больше и больше теснит» (Там же, т. 2, с. 646 – 647).

В отечественной и зарубежной литературе именно Ф. Ратцель считается подлинным «отцом геополитики», хотя сам термин был введен его последователем, шведом Р. Челленом в 1916 г. Бесспорно, для такого мнения есть все основания. Ф. Ратцель признавал, что для разработки собственной

концепции он привлек идеи немецкой школы социологии и географического детерминизма, но при этом «пытался снова предоставить географии принадлежащее ей по праву влияние в народоведении, социологии и истории … и сделать научной **политическую географию»,** которая считалась ненаучной и мертвой (Там же, т. 1, с. 46). Оживление интереса к географии и путешествиям, особенно в Африку и в Азию, Ф. Ратцель объяснял следующими причинами: « Африка богаче народонаселением, чем Америка и Австралия, следовательно, обещает в экономическом и политическом отношении больше пользы. Кроме того, в данный момент произошло особенное совпадение стремлений, направленных к открытиям, с интересами народов, которые при первом дележе мира в столетия открытий ничего не получили. Открытия, которые раньше предпринимались и совершались в чисто научных интересах, уступили место открытиям в экономических, и вместе с тем обязательно в политических целях и завоеваниях вновь открытых стран». (Там же, т.1, с. 55). Объяснения настолько откровенные, насколько же и свидетельствующие о понимании автором современных ему тенденций.

Анализируя воззрения Ф. Ратцеля, следует отметить, что в чем – то он выступил последователем классического географического детерминизма предшествующего периода, в чем – то был новатором и многие геополитические идеи и положения, им выдвинутые, носили оригинальный характер. Например, вопрос о влиянии климата на развитие не только биологической, но социальной и политической жизни, рассматривался еще античными авторами. Представители географического детерминизма в XVIII в. и XIX в. ставили климат во главу угла среди других географических факторов. Ф. Ратцель тоже признавал очевидным, лежащим на поверхности, понимание того, что человек, наряду с растениями и животными подвергается воздействию климата, что «распределение теплоты и влажности на поверхности Земли, прежде всего, и непосредственно определяет распространение человека» (Ратцель Ф. Земля. 24 общедоступных беседы по общему землеведению. Географическая книга для чтения. М., 1882, с. 498). Но наряду с этим, считал Ф.

Ратцель, имелось и косвенное влияние климата на человека, которое выражалось в «скоплении и распределении богатства», что само по себе являлось условием развития культуры. На примере цивилизаций Азии, сосредоточенных всегда в богатых низменных областях на пространстве от южного Китая до Малой Азии, Финикии, Палестины и Египта в Африке, Ф. Ратцель делал вывод о том, что именно благоприятные природно – климатические условия обеспечили народам, здесь проживавшим, материальный доход и достаточно свободного времени для развития культуры. Однако следует отдать должное Ф. Ратцелю, который признавал, что более значимым, чем богатства природы все же является энергия работающего человека, его неисчерпаемые духовные силы. Наиболее продуктивным с точки зрения исторических результатов Ф. Ратцель считал умеренный климатический пояс, так как здесь «работа человека, упорное и правильное развитие сил его суть первые условия высшей культуры» (Там же, с. 506). В тропическом же климате «отдельные члены работают не более того, сколько нужно для поддержания собственной жизни, почти без труда поддерживаемой щедрыми дарами природы», а, следовательно, «не приобретают по отношению к природе той степени независимости, которая приобретается работой». Ф. Ратцель считал, что эта зависисмость порождает социальное неравенство в тропических странах, когда малоработающие «впадают в зависимость от тех немногих лиц, которые отличаются своей деятельностью и своим терпением». Отсюда же, по мнению Ф. Ратцеля, проистекал и деспотизм власти, так как «условия тропического климата парализуют силу и способность целого народа» (Там же).

Аналогичные процессы Ф. Ратцель усматривал и в отношениях между народами. На поставленный им самим вопрос, «зависит ли от простой случайности тот факт, что завоеватели и основатели государств приходили так часто с севера и покоряли южан», Ф. Ратцель отвечал отрицательно. «Народы, приходящие из холодного климата, -писал Ф. Ратцель,- имеют не только то преимущество, что организм их представляется более закаленным, но они

имеют еще то преимущество перед южанами, что обладают способностью присоединять к силе своего тела и выносливости и энергии своего духа утонченную культуру обитателей юга … Поэтому при каждом соприкосновении таких народов выгода будет на стороне обитателей севера» Там же, с. 508 –509). При этом следует иметь в виду, что под севером Ф. Ратцель подразумевал не полярные области, а страны умеренного пояса. Ф. Ратцель воспроизведет этот более чем спорный и одновременно очевидный по целям вывод в более позднем и более фундаментальном труде «Земля и жизнь» (т. 2, с. 551).

Ратцель вслед за учеными – естествоиспытателями писал о трояком влиянии климата. Во – первых, тепло и холод, сырость и сухость, давление воздуха и ветров приводят к *непосредственным изменениям в физической и душевной жизни человека.* Во – вторых, считал Ф. Ратцель, климат является причиной различий в оседлом и кочевом образе жизни: «континентальный климат степей приводит к кочевому образу жизни народов; кочевники переходят границы своих земель, наводняют другие страны, где под влиянием климата обращаются в земледельцев». В – третьих, Ф. Ратцель выделял опосредованное через природу влияние на социальный строй. Например, в южных штатах США, писал Ф. Ратцель, «где произрастают табак, хлопок, появились рабы – негры… Можно даже сказать, что изотерма 10 градусов имела громадное влияние на историю Соединенных Штатов» (там же, т.2, с. 543 – 544). Из вышеизложенных рассуждений Ф. Ратцель делал более чем спорный и одновременно очевидный по целям вывод: «Пришельцы с севера обладают не только одной выносливостью, но главное их преимущество в том, что они при физической силе и свойственной им энергии и умственной силе легко воспринимают культуру южан, между тем как последние не в состоянии … воспринять культуру северян. Поэтому северяне при столкновении с южанами ясно обнаруживают преимущества» (Там же, т. 2, с. 551).

Ф. Ратцель считал большие континенты с разнообразными климатическими поясами основой не разъединения, а общения людей – «чем

ближе располагаются разнообразные климатические провинции, тем оживленнее народы обмениваются своими продуктами». Исходя из этой точки зрения, Ратцель находил «необходимым государственное единство России, так как все четыре большие, естественные провинции этого государства (арктическая, атлантико – континентальная, умеренная и степная, как их выделил Ф. Ратцель - Л. К.) не могут существовать друг без друга. Суровая лесная область Севера, менее плодородная, но зато богатая изделиями; средняя полоса от Смоленска до Урала; плодоносная, черноземная полоса и, наконец, степи юго – востока - все они тесно связаны и находятся не в случайном, но в необходимом обмене и отношениях» (Там же, т. 2, с. 558).

2. 1. 1. 2. Ф. Ратцель о дуалистическом характере планеты Земля и значении моря

В решении одной из ключевых проблем геополитики Ф. Ратцель внес свой заметный вклад. Речь идет о дуализме, двойственности планеты Земля, о двух самостоятельных, независимых, но связанных друг с другом стихий – **моря** и **суши.** Эта проблема прошла красной нитью через труды многих геополитиков прошлого и настоящего времени. Впервые всю поверхность Земли на две полусферы – сухопутную (континентальную) и водную (морскую) – разделил К. Риттер. Представления об истинном масштабе и соотношении, занимаемом сушей и водой, сложились довольно поздно – в конце XVIII в. «…семь десятых поверхности земного шара приходится на долю моря … Факт этот принадлежит к великим и самым богатым по своим последствиям фактам географии, - считал Ф. Ратцель, хотя приведенное выше соотношение, по его мнению, далеко еще не выражало отношение суши к воде, так как его вообще очень сложно установить, поскольку расположенные на суше водоемы и подземные воды увеличивают площадь, занимаемую водой (Там же, т. 1, с. 257 – 258).

Ф. Ратцель, вслед за К. Риттером, писал о неравномерном распределении суши и воды на земном шаре: «К северу от экватора мы имеем

такое же скопление суши, как к югу от него скопление воды; но помимо того, восточное полушарие богаче сушей, чем западное. Отношение между сушей и морем к северу от экватора равняется 1 : 1,47, к югу от него - 1 : 5,94» (Там же, т. 1, с. 259-260). Ф. Ратцель считал такое выделение К. Риттером полушария суши и полушария воды справедливым и разделял точку зрения своего предшественника, что эта противоположность полушарий «наряду с противоположностью между климатом севера и юга является самой большой и самой важной из числа всех противоположностей, которые мы только знаем на земном шаре» (Там же, т. 1, с. 260).

Ф. Ратцель уделял большое внимание анализу **значения моря** в жизни народов. Он утверждал, что море одновременно и разъединяет, и соединяет народы, и «вследствие этого является носителем прогресса» (Там же, т.2, с. 302). Близость моря и возможность использовать его для установления контактов с другими странами и народами всегда являлась «главнейшим фактором в развитии культуры народов» (Земля, с. 170). Доказательством этого для Ф. Ратцеля были исторические достижения древних греков. В XIX в. Великобритания приобрела статус первоклассной не только европейской, но и мировой державы благодаря успехам в мореплавании. Вообще Ф. Ратцель придавал возникновению мореплавания такое же значение в истории человечества, как открытию и использованию огня. Именно мореплавание преобразовало отдельные человеческие расы и народы, проживавшие на отдаленных друг от друга материках, в **единое человечество.** Именно мореплавание сделало первый шаг к всемирной истории человечества. Ф. Ратцель выделял в особую группу **морские народы,** которые отличались, по его мнению, смелостью и выносливостью, могли вести обширную торговлю, устраивать колонии и распространять свое влияние на большие пространства, чем жители внутренних стран, способных только к созданию полукультур. Ф. Ратцель считал, что Европа, щедро наделенная на севере, западе и юге полуостровами и островами и, следовательно, имевшая для своих народов легкий доступ к морю, именно в силу этих обстоятельств в течение трех

тысячелетий представляла центр человеческой культуры. «В Европе, - писал Ф. Ратцель в 1881 г., - каждый полуостров, каждая группа островов представляют жителям свободное и вместе с тем достаточно отделенное поприще для развития высших стремлений, между тем, как на громадном и неуклюжем континенте Африки, за исключением египтян, ни одному народу не было дано простора для осуществления его культурных задач». В связи с этим Ф. Ратцель вывел «основной закон развития культуры», как он его сам преподносил, и который гласил, в частности, следующее: «… притяжение берега в какой – либо стране или части света всегда имеет существенное влияние на развитие культуры народов данной страны. Чем ближе море и чем разнообразнее береговая черта и чем больше, следовательно, представляется возможность пользоваться берегом, тем больше имеет данный народ благоприятных условий для развития его культуры» (Земля, с. 171 – 172, 172). Вообще Ф. Ратцель придавал большое значение берегам моря, которые он считал наилучшей границей для прибрежных народов, дарованной самой природой. Со стороны моря трудно совершить нападение, а также труднее, чем в любом другом месте оборвать нити, которые связывают данный народ с другими народами. «Народ не погиб, - писал Ф. Ратцель, - пока у него есть доступ к морю. Морская граница поистине может быть названа жизненным элементом нации, и мы видим исторический закон в том, что все народы, желающие иметь историческое значение, стремятся к морю» (Там же, с. 171). Ф. Ратцель писал, что «настоящей мировой державой во всякий исторический момент была та держава, которая владела морем». Об этом можно было судить «по величине областей, подвластных Риму, Испании, Англии соответственно размерам Средиземного моря, Атлантического океана, мирового океана» (Земля и жизнь, т.2, с. 306). Именно морское владычество было источником власти. Сравнивая сухопутную и морскую торговлю, Ф. Ратцель писал: «Сухопутная торговля могла быть источником большого богатства, морская же - всегда, кроме того, и источником силы» (Там же, т. 2, с. 307).

Анализируя значение морей для человечества, Ф. Ратцель выделяет **три средиземных моря,** которые лежат между северными и южными материками: настоящее Средиземное море, которое Ратцель назвал Евразийским (между Европой, Азией и Африкой), второе – Американское, по его терминологии, лежащее между Северной и Южной Америкой (Карибское море) и третье – Австралийско – Азиатское, лежащее между Азией и Австралией. Значение таких морей, считал он, не только в том, что они занимают промежуточное положение между двумя материками, но и в их возможностях стать кратчайшими путями сообщения благодаря Суэцкому и Панамскому каналам. Выделяя средиземные моря, Ф. Ратцель, фактически предложил **меридианальное деление земного шара,** так как части суши, лежащие к северу и югу от средиземных морей, действуют через эти последние друг на друга: Европа и Африка, Азия и Австралия, Северная и Южная Америка связаны, таким образом, между собою» (Там же, т. 2, с. 304).

Однако Ф. Ратцель усматривал связи и взаимовлияния не только в меридианальном, но и в широтном направлении. Он считал, что «простое положение друг против друга заставляет две страны, находящиеся на противоположных берегах одного и того же моря войти в тесное соприкосновение». В качестве примеров Ф. Ратцель использовал взаимоотношения между Англией и США, Испанией и Мексикой, Португалией и Бразилией. Однако при этом он умолчал, что на протяжении длительного времени эти страны связывали друг с другом отношения колониальной зависимости одних от других, а не просто «общность их положения у Атлантического океана» (Там же, т. 2, с. 305).

2. 1. 1. 3. Ф. Ратцель о структурировании суши

К числу новаторских идей, принадлежащих Ф. Ратцелю, следует отнести его попытку структурировать сушу. Прежде всего, следует подчеркнуть то, что Ф. Ратцель одним из первых ввел в оборот понятие **Евразия.** Общепринятое

деление материков он считал случайным, так как ни физические, ни морфологические характеристики (морфология – гр. morphe – форма + логия - комплекс наук, изучающих форму и строение, например, животных и растительных организмов, человека – анатомия, эмбриология, гистология, цитология; раздел грамматики, изучающий структуру слова и др.) не являются основанием для разделения Европы, Африки и Азии. Такое деление пошло от древних народов, населявших Средиземноморье и не имевших правильных представлений о масштабности суши и об ее истинном расположении. «Только название Евразия, - писал Ф. Ратцель, - представляет собой истинное понятие, которое не нуждается ни в каком искусственном ограничении. Оно дает достаточно места для существования такого индивидуального, но при всем своем разнообразии такого единого тела, как Европа, рядом с таким отличным миром, как Азия». Ф. Ратцель считал границу между Европой и Азией по р. Урал искусственной, пригодной лишь в целях измерений, как и вообще считал реки искусственными границами даже между государствами. Он предлагал «считать границей впадину на севере от Каспийского моря, Каспийское же море и Кавказ надо причислить к Европе». Что касается **Европы**, Ф. Ратцель полагал, что «с общей точки зрения она **является только полуостровом Азии** (выделено Л. К.) и разделение обеих становится в силу этого крайне сомнительным» (Там же, т. 1, с. 276).

Ф. Ратцель подчеркивал особое положение Азии среди других материков. Эта особенность положения образовалась благодаря ее связи с Европой на протяжении 2700 км, благодаря проливу всего в 50 морских миль, отделяющих Азию от Северной Америки, благодаря перешейку чуть более 100 км, соединявшим Азию с Африкой и благодаря двойной цепи Малайского архипелага, соединившим Азию с Австралией. Ф. Ратцель писал, что «прежде Азия по отношению к остальному Свету занимала такое же положение, как теперь Европа: по всему Свету она рассеивала людей, животных, растения, элементы культуры! … все современное человечество связано с этой частью Света тысячами нитей, как ни с какою другою» (Ф. Ратцель. Политическая

география // Землеведение, 1898, № III – IV, с. 30). Можно говорить о воздействии этих идей немецкого ученого на английского географа и геополитика Дж. Х. Маккиндера. Однако при этом следует иметь в виду, что Ф. Ратцель говорил, прежде всего, о культурном влиянии Азии, а Маккиндер разработал первую геополитическую концепцию глобального масштаба с азиатским материком в центре.

Африку Ф. Ратцель вслед за К. Риттером назвал «туловищем без конечностей», которое «благодаря своим нерасчлененным массивным очертаниям и скоплению главной ее массы в тропическом поясе казалась более бедной, менее сложной частью света еще в то время, когда о ее народах и их истории знали еще меньше, чем ныне» (Ф. Ратцель. Земля и жизнь, т. 1, с. 359). Что касается Американского материка, то применительно к нему Ф. Ратцель первый применил определение **«мировой остров»,** и это понятие в последующем будет использовано другими геополитиками.

Анализируя распределение суши, Ф. Ратцель отмечал, что в северном полушарии Европа, Северная Америка, северная и южная Азия лежат более тесно, чем материки в южном полушарии. Евразия занимает 190 градусов долготы, Северная Америка – следующие 130 градусов, Атлантический океан занимает оставшиеся 40 градусов долготы. Материки северного полушария представляют собой кольцеобразное скопление суши, идеальным центром которого является Северный полюс. Ратцель считал, что в политическом и экономическом отношении большое значение имеет крайне неравномерное распределение суши по поясам: основная масса суши расположена между 70 и 60 градусами и 60 и 50 градусами северной широты – в широтах умеренного пояса. Меньше всего суши в южном полушарии между 50 и 60 градусами и 60 и 70 градусами южной широты. Соответственно и население южного полушария составляло в конце XIX в. 1/8 часть населения северного полушария. По мнению Ратцеля, политическая энергия, духовная мощь, хозяйственная деятельность, присущие умеренному поясу, вывели в лидеры такие государства как Британская империя, Россия, США и Китай. «Пространство суши в

северном полушарии втрое больше, чем в южном, - писал Ф. Ратцель, - притом в северном полушарии большая часть суши лежит в умеренном и холодном поясе, что создало естественные преимущества северного полушария. О странах южного полушария история говорит лишь постольку, поскольку их открывали, завоевывали и эксплуатировали народы северного полушария» (Ф. Ратцель, Политическая география // Землеведение, 1898, № III – IV, с. 25 –26).

Кроме этого Ф. Ратцель обозначил еще одну проблему, которую развили более подробно геополитики последующих поколений, особенно американский геополитик Н. Спайкмен. Ф. Ратцель писал об искусственности деления земного шара на западное и восточное полушария: «Деление это может иметь громадное значение для распространения человека на земном шаре, но имеет очень мало оснований в природе нашей планеты». Он допускал деление на восточное и западное полушария только в смысле их политических различий, которые вытекали «из глубоко исторически обоснованных фактов». Суть их в том, что западное полушарие оказалось втянуто в круг европейской истории и политики только 400 лет назад, и на протяжении всего этого периода можно говорить о процессе **европеизации стран американского континента,** даже после получения этими странами независимости. Ф. Ратцель в конце XIX в. провидчески предвидел, что навстречу процессу европеизации **«идет теперь процесс американизации»,** процесс, который приобрел глобальный характер во второй половине XX в. (Ф. Ратцель. Политическая география // там же, с. 29).

Ф. Ратцель достаточно произвольно и свободно обращался с картами. Он считал более правильной карту с центром в Тихом океане, так как история человечества сосредоточилась, по его мнению, в странах, которые лежат по его берегам и «поэтому на мировой карте они должны быть соединены неразделенным Тихим океаном; границей, следовательно, должен быть Атлантический океан, составляющий границу между восточными и западными народами земного шара» (Ф. Ратцель. Земля и жизнь, т.1, с. 274). Ф. Ратцель сравнивал Атлантический океан с пропастью, которая стала впервые

заполняться только 400 лет назад (Там же, с. 357). Вызывает возражения утверждение Ф. Ратцеля, что мировое лидерство Великобритании в конце XIX в. объяснялось ее положением в «центре материкового полушария». Ф. Ратцель писал: «Через нее происходит сообщение наиболее населенных стран по кратчайшим путям, это центральный орган сообщения полушария, наиболее богатого как сушей, так и населением» (Ф. Ратцель. Политическая география // Там же, с. 25).

2. 1. 1. 4. Ф. Ратцель о государстве как политическом организме

Бесспорно, наиболее яркой и оригинальной идеей, высказанной Ф. Ратцелем, была его теория о государстве, как организме, как «одной из форм распространения жизни на земной поверхности». Государство, по Ф. Ратцелю, это «неразрывная связь определенной ***части человечества,*** человеческого труда и определенной части ***земной поверхности».*** «Таким образом, - писал Ф. Ратцель, - **государство есть организм, … естественными, природными свойствами которого являются величина, положение, границы, формы поверхности, растительность и орошение, отношение к другим частям земной поверхности»** (Ф. Ратцель. Политическая география // Землеведение, 1898, № I – II, с. 52, 53). Ф. Ратцель считал, что государству присущи те же состояния, что и всем живым организмам, а именно: рост, развитие, расцвет, затем увядание, уменьшение и исчезновение. Этот беспрерывно текущий процесс Ф. Ратцель назвал ***«историческим движением».*** «Искусство политики, - писал он, - в значительной доле состоит в том, чтобы использовать непрерывное историческое движение в видах роста собственного государства» (Ф. Ратцель. Политическая география // Там же, с. 68). Толчком к движению обычно являлся «территориальный мотив», а направление движения определялось «наименьшим противодействием со стороны населения» территории, предполагаемой к присоединению. Примерами такого постоянного продвижения стали движение России в восточном направлении и Соединенных

Штатов Америки, продвигавшихся на запад. Ф. Ратцель считал, что географические условия предопределяли рост государств островных до «заполнения» им всего острова, так как только таким образом можно было достигнуть выгод островного положения, прежде сего изоляции. Аналогичным был, по его мнению, и рост полуостровного государства.

Рост морских государств, считал Ф. Ратцель, происходил, прежде всего, через поиски и приобретения «новых морских опорных пунктов, островов и гаваней», как это демонстрировала, например, Великобритания. Способами расширения государств, по мнению Ф. Ратцеля, были завоевания и / или колонизация. Причем колонизация могла быть внутренней – за счет «утилизации внутри государства тех участков земли, которые оставались незанятыми», и внешней, «связанной с военным движением, с завоеванием». Примером внутренней колонизации Ф. Ратцель считал рост российского государства. Он писал: «Государство с редким населением стремится сравняться с более густо населенным, расширяя свои границы, в тех видах, чтобы выиграть на пространстве то, чего недостает в численности народонаселения. Такое положение великой державы приобрела Россия» (Ф. Ратцель. Политическая география // Там же, с. 81). Примером внешней колонизации на протяжении многих веков была Европа, от которой «исходило и теперь исходит мощное развитие колониальных и филиальных государств» (Там же). Ф. Ратцель видел прямую связь между колониальным ростом государств и ростом их политического значения.

В процессе роста государства, полагал Ф. Ратцель, складывались внутренние связи различной степени, которые обеспечивали либо однородность государства и его прочность, либо его рыхлость и неустойчивость. В каждом государстве, писал Ф. Ратцель, можно различить земли более старые и более юные, коренные и прибавочные. Он выделил следующие факторы, которые влияли на прочность и целостность государства:

1) географическое положение
2) историческое прошлое

3) национальное родство
4) единство религии
5) однородность экономических интересов

Чаще всего наблюдалось взаимодействие всех этих факторов, а не действие какого – либо одного. Кроме названных выше, Ф. Ратцель выделял как наименее важные политические связи – «не крепка связующая сила государств, поддерживаемая лишь политической связью завоевания» (Там же, с. 95, 96).

Ф. Ратцель обращал также внимание на то, что наряду с ростом государства действуют и центробежные тенденции, тенденции к распадению, которое, как правило, «идет от периферии к центру…» Но распад государства, считал Ф. Ратцель, не следует рассматривать как его гибель, но как преобразование – «отмирает большая государственная форма, но на ее месте возникают другие, меньшие» (Там же, с. 96).

Тесно связана с вопросом роста государства **проблема** его **границ,** к которым, считал Ф. Ратцель, «государство, как живой организм не может быть совершенно привязано раз навсегда». Напротив, «политическими свойствами государства, - писал он,- является передвижение вперед или назад этих границ». Таким образом, Ф. Ратцель в принципе отрицал нерушимость границ и невозможность их сколько – нибудь длительного стабильного фиксирования. По его мнению, границы в виде пограничной полосы, фактически, изолируют соседние государства друг от друга. Граница в виде линии способствует соприкосновению и контактам народов соседних государств. Такое сближение делает слияние пограничных территорий, утверждал он, лишь вопросом времени.

Ф. Ратцель первым поставил вопрос о возможности существования «более обширных сообществ», чем государство. Прежде всего, речь идет о введении понятия **«сфера интересов».** Ф. Ратцель определил его следующим образом: «Кроме собственно государственной области отличают еще «сферу интересов», причем область, включенная в «сферу интересов» данного

государства, рассматривается последним, как не подлежащая посягательству со стороны другого» (Там же, с. 90). Ф. Ратцель признавал, что совершенно особый смысл приобрел термин «сфера интересов» в последней трети XIX в. в связи с борьбой европейских стран за африканские территории. Известно, что притязания монополистических кругов на колонии в Африке и в других частях земного шара привели к обострению межимпериалистических противоречий и, в конце концов, к первой мировой войне.

Еще один вариант существования «более обширных сообществ», чем государство Ф. Ратцель видел в Европе, в которой он выделял три региона, сложившихся исторически: 1) Средиземноморье; 2) Западная и Центральная Европа; 3) Восточная Европа. Основой различия между этими регионами Ратцель считал различия в культуре. Но реально существовал и другой, более высокий уровень интеграции. Можно с уверенностью сказать, что Ф. Ратцель лишь обозначил эту проблему, но развитие свое она получила спустя сто лет в работах известного американского политолога С. Хантингтона, писавшего о противостоянии западной и незападных цивилизаций. В конце же XIX в. Ф. Ратцель писал так: «Все вместе (европейские регионы – Л. К.) образуют европейское государственное сообщество, европейский концерт, «совет Европы», в котором имеют голос лишь крупные первоклассные государства. Еще более целое представляет совокупный комплекс государств Старого Света вместе с их филиальными государствами в остальных частях Света. Комплекс этот более того, что обещает его название «христианский мир». Это – часть Земли, имеющая наивысшую культуру и распространяющая ее с непреодолимою силою. В экономическом отношении это область наиболее оживленных отношений и обмена, наиболее тесного взаимодействия. В политическом отношении это – область признания народных прав и сходного, определяемого тою или другою высотой культуры, отношения ко многим вопросам государственной жизни. Поскольку сохранение культурной высоты, достигнутой совместною работой, является общим интересом, - и здесь можно говорить о «сфере интересов» (Там же, с. 91). Отмечая высокую

степень взаимозависимости европейских стран, Ф. Ратцель провидчески ставил вопрос о возможности «возникновения новой организации, которая, вероятно, будет развиваться и дальше». Конечно, европейским народам предстояло пережить колоссальные жертвы и потрясения глобальных социальных катастроф XX в. – две мировые войны, мировой экономический кризис – чтобы подойти к созданию единого экономического, политического и социального пространства на рубеже XX – XXI вв. в рамках Европейского Союза (ЕС).

Уподобляя государство живому организму, Ф. Ратцель считал, что оно предстает в сравнении с ним, с одной стороны, «очень несовершенным организмом, так как его члены сохраняют такую самостоятельность, какой не встречается даже у низших животных». С другой стороны, Ф. Ратцель утверждал, что с государством «не может быть отождествлен ни один биологический индивид, настолько оно выше всего прочего». И делает его способным к «могучим проявлениям» то, что «государство является духовным и нравственным организмом», а «одухотворяет живое тело организма … политическая идея» (Ф. Ратцель. Политическая география // Там же, с. 53 – 54). Однако степень восприятия политических идей разными народами различна, и это различие способностей и умение основывать государство приводит к тому, что «руководительство достается более способному в политическом отношении» (Ф. Ратцель. Земля и жизнь, т. 2, с. 689). Ф. Ратцель писал, что «существуют народы столь одаренные в политическом отношении, что им легко подчинить себе всех соседей на далеком пространстве вокруг себя; естественным следствием является потом и политическое господство» (Там же). Вообще он считал вечным «вопрос о том, какому народу надлежит занять руководящую роль при движении вперед к экономическим, политическим и общекультурным целям». Ф. Ратцель выделял второй фактор, который обеспечивает лидерство, это - экономическое превосходство, которое «сплошь и рядом является основой культурного и политического» превосходства. Он предложил разделить

народы на «две стороны: молот и наковальню, народ – вожак и народ – слуга … более сильный народ подчиняет себе более слабый … и как бы ведет его за собой, защищает его извне, а сам занимается эксплуатацией более слабого народа» (Там же, с. 692).

С проблемой господства одних государств над другими связана поднятая Ф. Ратцелем **проблема высококультурных и малокультурных народов.** Естественно предположить, что симпатии его самого находились на стороне высококультурных народов, на чей счет он относил массу достоинств. Например, Ф. Ратцель напрямую связывал степень культуры с численностью народа и площадью, им занимаемой – чем выше культура, тем больше численность такого народа и его территория. «Высшая культура, - писал Ф. Ратцель, - обладает ясно выраженным тяготением к более плодородной почве, а так как она сообщает носителям ее все средства к захвату и использованию земли, как в экономическом, так точно и в политическом отношениях, то здесь оба источника силы соединяются в один мощный поток, которому полукультура не в состоянии поставить на пути препон» Там же, т. 2, с. 691). По его мнению , для государств высококультурных народов характерны

- округлые формы, продолженные во все стороны до своих естественных, природных границ
- четко фиксированные стабильные границы
- учреждения, цель которых защитить граждан и служить им «на пользу их телесному и духовному благосостоянию
- развитые пути сообщения
- военные и морские силы

Ф. Ратцель считал допустимым для высококультурных народов агрессию, завоевание. «Если народу вследствие его исторического развития, - писал он, - досталась не очень удобная земля, он может доказать свое высшее призвание уже одним тем, что изменит свое географическое положение: при этом он уравнивает внутреннюю обособленность, исправляет внешние

границы, увеличивает занимаемое пространство путем завоеваний, создает колонии даже в отдаленных местах» (Там же).

Иная картина представала перед взором читателя, когда Ф. Ратцель характеризовал малокультурные народы, как инертные, лишенные цивилизаторской инициативы: « Государства отсталых народов слабы, в них нет учреждений, отмеченных в государствах высококультурных народов, нет даже четко определенных границ». Как правило, считал Ф. Ратцель, контакты высококультурных народов с малокультурными закономерно заканчивались подчинением последних.

2. 1. 1. 5. Ф. Ратцель о пространстве

Пространство является одним из основных понятий геополитики. **Главная задача любой геополитической концепции – структурирование пространства** для обеспечения жизни и безопасности народов и государств. Эта проблема оказалась в поле зрения Ф. Ратцеля, считавшего, что «вопрос о пространстве имеет существенное значение при всяком развитии жизни», так как стремление человечества «захватывать и удерживать за собой больше пространства оказывается одной из самых важных исторических сил» Там же, т. 2, с. 659). Он считал, что для каждого крупного исторического события необходимой предпосылкой «является понимание значения пространства» (Ф. Ратцель. Политическая география // Землеведение, 1898, № III- IV, с. 48). Нельзя не согласиться с утверждением Ф. Ратцеля, что «каждый исторический период имеет свой масштаб пространства». Так, в древнем мире статус «мировых», «великих» держав имели Вавилон, Ассирия, Персия, Египет. Однако пространство ими контролируемое и империи последующего времени отличаются друг от друга на несколько порядков. Например, площадь Вавилонского государства не превышала 130 тыс. кв. км, Египта - 30 тыс. кв. км; площадь Римского государства в 1 в. н.э. составляла 3,3 млн. кв. км, Монгольское государство в XIII в. имело 11 млн. кв. км, Российская империя в

конце XIX в. имела 23 млн. кв. км, Британская империя – 31 млн. кв. км (Ф. Ратцель. Земля и жизнь, т. 2, с. 660). На основании приведенных данных Ф. Ратцель пришел к выводу, что тенденция к расширению пространства составляет особенность новейшей истории, а статус великой державы может иметь только та, «которая с полною мощью выступает во всех частях земли и, особенно, во всех тех местах ее, которые имеют решающее значение» (Ф. Ратцель. Политическая география // Землеведение, 1898, № III – IV, с. 43). Ф. Ратцель признавал такой статус среди современных ему государств только за Британской империей. Даже огромные пространства Российской империи не делали ее в глазах немецкого ученого великой державой, и статус этот она могла получить только тогда, писал он, «когда обеспечит себе доступ к Индийскому океану и такой же непосредственный доступ к Атлантическому, какой имеет уже к Великому (Тихому океану - Л. К.), так как только океаны открывают пути к распространению влияния на западные и южные полушария» (Там же, с. 43 – 44).

Ф. Ратцель разделил все государства на три группы в зависимости от занимаемого ими пространства: 1) «континентальные» государства (5 млн. кв. км и больше); 2) средние (от 5 до 0,2 млн. кв. км); 3) малые (менее 200 тыс. кв. км). Такое деление представлялось ему обоснованным, и он полагал, что и большие, и малые пространства имеют свои плюсы и минусы. **Положительные черты больших пространств:**

- «Обширные пространства, - писал Ф. Ратцель,- сообщают населению больше широты во взглядах и предприимчивости» (Ф. Ратцель. Земля и жизнь, т. 2, с. 661), «окрыляют человеческий дух» и «побуждают к смелому расширению». В силу этого, считал он, «пространство само по себе является уже политической силой, а не только носителем политической силы»(Ф. Ратцель. Политическая география // Землеведение, 1898, № III – IV, с. 48).

- По мнению Ф. Ратцеля, пространственный рост государства улучшает его географическое положение и действует «укрепляющим образом

на связность целого подобно тому, как это совершилось в России благодаря тому, что она раздвинулась до Черного моря, или Соединенные Штаты Америки, благодаря проникновению к Великому океану».

- В более широких пространствах уменьшаются национальные различия и предубеждения, а, следовательно, нет почвы для развития национализма.
- На обширных пространствах могут существовать, быть естественными и необходимыми различные формы правления, например, самодержавная монархия в России в конце XIX – начале XX вв. и демократическая республика в США.
- Государство, располагающее большой территорией, может легче выдержать иностранное вторжение.

Ратцель выделял и **отрицательные черты обширных пространств.** Они выражались в следующем:

- Широкие пространства государства удаляют его народ (народы) от контактов и разнообразного обмена с соседними народами, приводят к изоляции.
- На широких пространствах, писал Ф. Ратцель, «культура, принужденная здесь так широко разбрасывать свои дары, по необходимости бедна и однообразна. Рядом с насаждениями высокой культуры – девственная первобытность».
- Хозяйственное освоение обширных территорий, как правило, ведется хищническим образом: захватываются лучшие места, почва истощается.

Но во все времена наряду с большими государствами существовали малые, которые также оказывали влияние на окружающие их страны и народы. Ф. Ратцель считал, что исторический процесс в малых пространствах осуществляется быстрее, следовательно, быстрее наступает зрелость, что само по себе может стать импульсом к более быстрому развитию больших пространств, расположенных по соседству. Малые пространства могут стать

гарантией выживания и сохранения самобытности малочисленных народов. Наряду с этим положительные моменты могут перейти в свою противоположность. Например, рано наступившая *«старость»* может сопровождаться «полным исчезновением политического значения, что становится и историческим исчезновением». На небольших пространствах может быть очень высокой плотность населения, и «все беды перенаселения выступают здесь очень резко, и главная из таких бед – уменьшение ценности человеческой жизни, ведущее ко всякого рода истреблениям» (Ф. Ратцель. Политическая география // Землеведение, 1898, № III – IV, с. 55).

Однако сколь бы ни было велико значение пространства вообще, но «историческое значение страны, - считал Ф. Ратцель, - создается не просто определенным количеством квадратных миль: лишь при заселении их тем или иным народом получает она это значение». Но и абсолютные данные численности населения любой страны не могут дать истинной картины состояния ее значимости. Такое представление дает плотность населения. Причем чем ниже плотность населения, утверждал Ф. Ратцель, тем моложе страна. Характеризуя с этой точки зрения европейские страны, он писал: «Средиземноморские страны, соответственно всей их природе, скорее заселились и раньше состарились, чем болотистые северные страны. И последние тоже дольше сохраняли свою молодость на востоке, между тем как запад является более старым…» Что касается России, то немецкий ученый представлял ее как «единственный в Европе тип обширного, подобно неевропейским странам, государства с молодой культурой» (Ф. Ратцель. Земля и жизнь, т. 2, с. 663, 664).

Ф. Ратцель сформулировал **семь законов пространственного роста государств:**

- Пространство какого – либо государства увеличивается по мере развития культуры народа (народов), в нем проживающих.

- Пространственный рост государства сопровождается также другими проявлениями, а именно: активностью в сфере идеологии, производства, торговли и в других сферах.
- Пространственный рост государства осуществляется за счет поглощения государств с меньшей территорией.
- Граница является частью государственного организма и может быть доказательством или его силы, или его слабости.
- Проводя пространственную экспансию, государство стремится вовлечь в свою орбиту районы, богатые ресурсами, побережья, бассейны рек.
- Первоначальный толчок к территориальной экспансии и увеличению пространства государство получает извне.
- Общая тенденция поглощения более слабых наций стимулирует сама себя, постоянно подталкивая к еще большему территориальному увеличению.

2. 1. 1. 6. Ф. Ратцель о географическом положении, инфраструктуре и информации

В круг проблем, поднятых Ф. Ратцелем впервые, вошли проблемы, вынесенные в заголовок данного раздела. Немецкий ученый дал такое определение географическому положению: «Географическое положение является неизменяемым свойством данной территории», «…определяет почву, климат, границы, протяжение страны», «означает вместе с тем и **п р и н а д л е ж н о с т ь** (выделено Ф. Ратцелем – Л. К.) к определенному месту земного шара, к определенному расовому, религиозному или просто культурному кругу» (Ф. Ратцель. Политическая география // Землеведение, 1898, № III – IV, с. 21). Ф. Ратцель считал, что указания относительно географического положения, следовательно, носят **классификационный** характер, например, Германия принадлежит к странам восточного полушария, умеренного пояса, Европы, к странам срединной Европы и т. д. Каждое такое указание сразу же

сообщало массу свойств, присущих данной стране, и при каждом новом указании картина страны и ее положения вырисовывалась все яснее. Важно, чтобы классификационные указания давались в естественной последовательности от более широкого значения к более узкому значению. Такой прием впоследствии использует С. Хантингтон для определения цивилизационной идентичности в своей концепции «столкновения цивилизаций».

Однако положение страны не сводится только к характеристикам географического свойства. Положение любой страны имеет политическую ценность. И изначально определяется тем, является ли оно **самостоятельным** или **зависимым.** Вообще качественные характеристики положения, по мнению Ф. Ратцеля, являются более важными, чем просто величина или пространственное протяжение, так как «важность страны может в большей степени определяться ее положением, чем величиной». Для Ф. Ратцеля было очевидно, что статус мировой державы Великобритания приобрела благодаря «пространству одних и счастливому положению других своих владений». Такое же благоприятное соединение он видел в величине и положении Соединенных Штатов Америки. Совершенно иную картину складывалась в России: «Россия же, - писал Ф. Ратцель, - наоборот, по сравнению со своим пространством, имеет мало выгодное положение, так как с запада и с юга граничит с закрытыми морями» (Там же, с. 24).

Качественные характеристики положения Ф. Ратцель определял как **краевое** или **внутреннее** положение в ойкумене (ойкумена – греч. - населенная земля, земля человека). Например, невыгодное положение государства на краю ойкумены, особенно по соседству с громадным необитаемым пространством полярных областей у южных и северных полюсов, имело то преимущество, что было недоступно для нападения. В некоторых же случаях оно могло стать тем тылом, который позволял осуществлять продвижение в других направлениях. В связи с этим Ф. Ратцель считал сильнейшей стороной России примыкание к необитаемым полярным областям

северного полюса, которые позволяли ей «безбоязненно и неуклонно двигаться к югу». Оценивая положение Сибири в составе российского государства, Ф. Ратцель не сомневался, что она всегда будет населена очень редко, и густо заселенной может оказаться не более 1/5 всей ее территории, «но и самые плохие из этих областей всегда будут иметь политическое значение» (Там же, с. 31).

Особо Ф. Ратцель выделял **центральное положение,** которое, по его мнению, имеет громадное и торговое, и политическое значение: «Самые чистые расы, наиболее оригинальное культурное развитие – все это идет из центра». Эта только лишь обозначенная Ф. Ратцелем проблема найдет свое дальнейшее развитие в геополитических концепциях Дж. Х. Маккиндера (Великобритания) и Н. Спайкмена (США).

При рассмотрении вопроса о положении страны Ф. Ратцель поднял проблему **соседства стран** по отношению друг к другу и выделил несколько вариантов:

1) **одностороннее соседство,** например, Португалия граничит **только** с одной Испанией. У большинства государств одностороннее соседство с каким – либо другим государством сопровождается, как правило, соседством с морем, с другой стороны.

2) переходом между простым и двойным соседством является соприкосновение с одним и тем же государством с двух сторон. Например, Канада граничит с США на юге и северо – западе (Аляска).

3) **многостороннее соседство** – наиболее часто встречающийся случай, когда страна окружена тремя или большим числом государств, причем более важным, считал Ратцель, является не число этих государств, а то, как они расположены. Ратцель писал, что при многостороннем соседстве государства связываются в определенные **политические ряды,** формируемые «историей и политическими интересами». Во всяком политическом ряду наибольшую политическую ценность имеет страна, лежащая ближе всего к цели. При таком подходе для Ф. Ратцеля было оправданным и естественным для России в ее

стремлении к Индии и теплому Индийскому океану утвердиться в Бухаре и Афганистане, а в стремлении России к Босфору образовали единый политический ряд Румыния, Болгария и Франция.

Что касается **инфраструктуры и информации в обеспечении безопасности государства,** то следует иметь в виду, что таких терминов сам Ратцель не употреблял, хотя по существу писал именно о них и писал раньше других авторов. (Инфраструктура – лат. infra – под + структура – взаиморасположение и связь составных частей чего – либо, строение - составные части общего устройства экономической или политической жизни, носящие подчиненный, вспомогательный характер и обеспечивающие нормальную деятельность экономической и политической системы в целом, например, в экономическую инфраструктуру входят транспорт и связь, образование и профессиональное обучение, жилье и коммунальное хозяйство). Ф. Ратцель отмечал прямую зависимость между экономическим фундаментом, создаваемым первоначально торговыми отношениями, затем развитием путей сообщения, особенно железных дорог, и политическим влиянием. Он писал: «Государство, вступившее в период здорового роста, идет уже само навстречу интересам обмена систематическим устройством путей сообщения. Сеть дорог – необходимая составная часть государственного существования» (Ф. Ратцель. Политическая география // Землеведение, 1898, №. III – IV, с. 64). В этой же работе Ф. Ратцель писал: «Пути сообщения – эти орудия в борьбе над пространством, всегда упоминаются в хвалебных отзывах о великих властителях, бывших вместе с тем и строителями дорог, каналов, мостов» (Там же, с. 48). Развитие путей сообщения определяют не только экономические, но и военные потребности. «Так, - писал Ф. Ратцель, - уже великолепные дороги иранских и древнеамериканских государств имели больше политическое, чем хозяйственное значение. В Малой Азии римская сеть путей также была создана для удовлетворения военных потребностей». Именно военные запросы поощряют создание «стратегических дорог», в том числе железных дорог. Ф. Ратцель вывел **закон прогрессивного перехода от меньших к большим**

пространствам, закон, которому подчинены также и путевые линии. Этот закон выражал себя в:

1. увеличении **числа** дорог
2. росте **длины** дорог
3. прокладывании дорог в направлении **кратчайшего** соединения
4. перенесение сообщений из случайно выбранных проходных областей в **наиболее подходящие** по природе
5. росте услуг отношений в овладении массами и пространством, частичным следствием чего является
6. переход все большей части крупных отношений **с суши на воду (**Там же, с. 66).

Ф. Ратцель писал также о большом политическом значении информации, о «правильном обмене известий» и их своевременной передаче от центра к периферии и наоборот. Он считал, что даже первобытные народы Африки понимали всю значимость информации и создали для этого такие средства и пути «передачи известий», которые и «теперь повергают в изумление каждого европейского наблюдателя». Ратцель отмечал также развитую почтовую службу в древнем Китае, где на протяжении многих веков существовала почта посыльных и курьеров с десятком тысяч станций, и даже при отсутствии железных дорог обеспечивалась связь.

2. 1. 2. Геополитические взгляды Р. Челлена

Юхан Рудольф Челлен родился в июне 1864 г. в семье сельского священника. В 16 лет он поступил учиться в университет в г. Упсале, а через десять лет в возрасте 26 лет получил ученую степень доктора наук. В студенческие годы он пел в хоре студентов университета Упсалы «Слуги Орфея». В 1894 г. этот хор совершил поездку по России, где, в частности, выступал при дворе российского императора Александра III. Его музыкальная подготовка, широкие художественные и культурные интересы привели к тому,

что Р. Челлен выступал в печати в качестве музыкального обозревателя. В 1890 г. Р. Челлен переехал работать в Гётеборгский университет преподавателем географии. В 1901 г. он получил звание профессора статистики и политической науки. В 1916 г. Р. Челлен возвратился в университет в Упсале и вплоть до своей смерти в ноябре 1922 г. работал здесь профессором политической науки и риторики. За Р. Челленом закрепилась репутация блестящего интеллектуала и преподавателя.

Из – под его пера вышли такие работы, как «Великие державы: очертания современной большой политики» в 1905 г., исправленное и дополненное в 1911 – 1913 гг. Немецкий перевод этой книги в годы первой мировой войны выдержал 19 изданий. В годы первой мировой войны были также опубликованы «Тройственная федерация и Тройственный союз» и «Основы системы политики». Главная работа Р. Челлена – «Государство как форма жизни» вышла в Стокгольме в 1916 г. Именно здесь он **впервые дал определение геополитики как «науки о государстве, как географическом организме, воплощенном в пространстве».**

Помимо научной и педагогической деятельности Р. Челлен активно занимался политикой. Он дважды избирался в шведский парламент: в 1905 – 1908 гг. он был членом нижней палаты риксдага, а в 1911 – 1917 гг. – членом верхней палаты. По своим политическим взглядам он был консерватором, для которого главные ценности концентрировались в таких понятиях, как «долг», «честь», «самопожертвование», «отечество». Франция и Великобритания с их принципами «свободы», «равенства» и «прав человека» были для Р. Челлена символом «разрушительных, либерально – космополитических сил», источником беспорядка и нивелировки людей. Симпатии Р. Челлена были на стороне Германии, которую он поддерживал всегда, особенно в годы первой мировой войны.

Как было отмечено выше, именно Р. Челлен ввел в оборот термин «геополитика», а его «консервативная теория государства оказала влияние далеко за пределами шведских границ» (The New Encyclopaedia Britannica/ Vol.

6. Micropaedia. Chicago, Auckland, L., Madrid, 1994, p. 901). Сам он считал себя учеником Ф. Ратцеля и его основной тезис повторял тезис его учителя, что государство – это живой организм. Геополитические идеи Ф. Ратцеля Р. Челлен развил применительно к конкретной исторической ситуации в современной ему Европе. Развивая дальше идею Ф. Ратцеля о государстве как живом организме, Р. Челлен писал: «Государство – не случайный или искусственный конгломерат различных сторон человеческой жизни, удерживаемый вместе лишь формулами законников; оно глубоко укоренено в исторические и конкретные реальности, ему свойствен органический рост, оно есть выражение того же фундаментального типа, каким является сам человек. Одним словом, оно представляет собой биологическое образование или живое существо». Следуя закону роста, «…сильные, жизнеспособные государства, имеющие ограниченное пространство, подчиняются категорическому императиву расширения своего пространства путем колонизации, слияния или завоевания».

Рассуждая в русле социал-дарвинизма, Р. Челлен утверждал, что целью всякого живого организма является «борьба за существование». Он писал: «Они (т. е. государства – Л. К.) существуют на поверхности земли благодаря собственной жизненной силе и благодаря благоприятному стечению обстоятельств, находясь в состоянии постоянной конкуренции друг с другом, то есть борьбы за существование, и благодаря естественному отбору. Мы видим, как они рождаются и вырастают, мы видим также как они, подобно другим организмам, увядают и умирают. Итак, они являются формами жизни, самыми импозантными среди всех жизненных форм на земле». Инстинкт самосохранения государств направляет их на борьбу за пространство. Большие государства растут за счет малых. Сила государства образуется за счет сочетания пяти элементов. Как единство форм жизни, государство состоит пяти жизненных сфер:

1) государство как географическое пространство;
2) государство как народ со своими этническими характеристиками;
3) государство как хозяйство со своей экономической активностью;

4) государство как общество, как объединение различных классов и профессий;
5) государство как управление со своей конституцией и административной структурой.

Проблему соотношения географии и международных отношений Р. Челлен осветил в своей книге «Великие державы». Свое внимание он сосредоточил на положении и политике Франции, Германии, Великобритании, России, Австро-Венгрии, Японии и США. По его мнению , первая мировая война была естественным геополитическим конфликтом, который проистекал из следующих причин. Он считал, что Франция и Великобритания находились в стадии упадка, в то время как Германия – в стадии роста. Следовательно, интересы этих трех европейских держав не могли совпасть. Р. Челлен утверждал, что положение Германии в центре Европы вынуждало её защищать общеевропейские интересы и поэтому Германия должна создать континентальное государство. Однако Франция, стремясь создать хаос в Центральной Европе – так Р. Челлен называл первую мировую войну – и это ей удалось, вместе с Великобританией и Россией организовала Антанту и, фактически, окружила Германию. Германии ничего не оставалось, как создать противовес и она сделала ставку на Оттоманскую империю. Один из современных консервативных геополитиков Р. Стойкерс (Бельгия) писал, что Р. Челлен верно понял стремление Германии создать так называемую «диагональ», а именно: Германия могла создать единую Европу при наличии непрерывной пространственной связи, центральная ось которой проходила бы по «диагонали» от Гельголанда, главной базы на северном море, к Стамбулу через Австро-Венгрию и Балканы, затем к Индийскому океану. Создание такой «диагонали», как полагал Стойкерс, обеспечило бы для Германии контроль в Европе, в восточном Средиземноморье, в Персидском заливе и выход в Индийский океан, который был заповедным местом Великобритании (Р. Стойкерс. Теоретическая панорама геополитики // Элементы, № 1. Геополитические тетради, с. 3, 4, 5).

Что касается России, несмотря на то, что она входила в Антанту, Р. Челлен относился к ней очень лояльно. Анализ её внутриполитических и внешнеполитических проблем, сделанный Р. Челленом, отличался реализмом и пониманием российских проблем. Говоря о путях развития российского государства, Р. Челлен писал о двух приемлемых политических формах для такой огромной страны как Россия – цезаризме и федерализме. Фактически же после русской революции 1905 – 1907 гг., считал он, Россия оказалась в промежуточном положении между этими двумя формами, и Р. Челлен определял её строй как конституционную монархию на унитарной основе, которая могла продвигаться далее в сторону федерации автономных областей с учетом национальностей, их населяющих (Г. Озелиус, М. Ю. Чуканов. Отец геополитики о России как великой державе // Вопросы истории, 1996, № 1, с.150).

Революцию 1905 – 1907 гг. Р. Челлен считал частью всемирно – исторического процесса: «Политическая сейсмическая волна, которая исходила от Французской революции 1789 г., которая около середины XIX в. потрясла абсолютные монархии Центральной Европы, а в шестидесятые годы того же века – габсбургскую автократию … на своем пути на восток, наконец, всерьез добралась также до святой Руси и поколебала трон её самодержца» (Там же). Однако главный конфликт в России Р. Челлен видел не в противостоянии низших классов против высших, не «народа» против дворянства, как это было во Франции и в других европейских странах. В России интеллигенция выступила против бюрократии, появившейся в стране в результате модернизации Петра I. Именно бюрократия стала, по мнению Р. Челлена, «промежуточной властью между императором и народом, и вместо абсолютного самодержавия в России утвердилось господство чиновников». Примечательно, что представители правого политического лагеря в России аналогично оценивали сложившуюся в стране ситуацию.

Что касается внешнеполитического положения России, Р. Челлен считал одной из главных трудностей её замкнутое положение, изолированность от

морских просторов и выход к ним через «бутылочное горлышко» Финского залива и Балтийского моря на северо-западе и Черного моря с непринадлежащими России Босфором и Дарданеллами на юге. Он писал, что «образ России вызывал в его сознании ассоциацию с картиной, изображающей материковый лед, который четырьмя языками стремится достигнуть моря». Эти ледяные языки символизировали основные направления внешней политики России. Средиземноморское направление реализовывалось через стремление России к черноморским проливам и вылилось в восемь (!) войн с Турцией на протяжении XVIII – XIX вв., но после войны 1877 – 1878 гг. серьезных шагов в этом направлении предпринято не было. Атлантическое направление также было активным в XVIII в., но с середины XIX в. перешло в пассивную фазу. Для развития индийского направления, считал Р. Челлен, Россия совершенно обоснованно укреплялась на Кавказе, в Закаспии и на Памире. Однако соглашение с Великобританией 1907 г. остановило это продвижение и, как писал шведский геополитик, «индийская программа, в том числе на своем персидском направлении, по всем правилам была сдана в архив» (Там же, с. 151). Что касается тихоокеанского направления российской внешней политики, то после поражения в войне с Японией в 1904 – 1905 гг., его нельзя было назвать удачным. Р. Челлен полагал, что в силу геополитического положения России перспективным для нее было бы быть «политическим посредником и смягчающим буфером между обоими культурными мирами, которые она географически связывает, - Европой и Азией».

После окончания первой мировой войны Р. Челлен выделил основные линии развития мировой политики. Он считал, что нерешенными остались три «узловых» проблемы:

- франко – германский конфликт
- конфликт за контроль на Балканах между Россией, с одной стороны, и Германией с Австро-Венгрией, с другой стороны

- конфликт между Германией и державой, господствующей на море (Великобританией, которая постепенно стала уступать место Соединенным Штатам)

Кроме анализа трех узлов нерешенных проблем, Р. Челлен анализировал и географические факторы, которые играли важную роль в мировой политике. Этих факторов он выделил тоже три:

1) расширение
2) территориальная монолитность
3) свобода передвижения

Какие страны и какими факторами располагали? Например, Великобритания обладала свободой передвижения благодаря мощному флоту и господству на морских путях. Она обладала также расширением, так как имела обширные колониальные владения – Канада, Австралия, Южная Африка, Индия, которые составляли 24 % поверхности суши. Но они были разбросаны по всем континентам, следовательно, Британская империя не обладала территориальной монолитностью, и в этом, по мнению Р. Челлена, была слабость британской политики. Как отмечалось выше, Россия обладала расширением, т. е. обширной территорией, территориальной монолитностью, но у нее не было свободы передвижения, потому что доступ России к теплым морям был ограничен. Что касается Германии, Челлен считал, что она лишена протяженной территории, свободы передвижения, хотя у нее есть выход в открытый океан через Гамбург, Бремен и Киль. В актив Германии Р. Челлен записал территориальную монолитность и единый этнос. Наилучшим, по его мнению, было положение Соединенных Штатов Америки: у них было протяженное пространство, раскинувшееся через весь континент, свобода передвижения через прямой выход к двум океанам – Тихому и Атлантическому, а также территориальная монолитность. Именно в этом, как считал Р. Челлен, и был источник их мощи и экспансии.

Кроме термина «геополитка» Челлен предложил еще четыре, которые тоже должны были стать частью политической науки:

Экополитика – изучение государства как экономической силы.

Демополитика – исследование демографических импульсов, которые передает народ государству.

Социополитика – изучение социального аспекта государства.

Кратополитика – изучение форм правления и власти в соотношении с проблемами права и социально – экономическими факторами.

Но эти дисциплины, предложенные Р. Челленом, не получили признания, в то время, как термин «геополитика» получил широкое распространение.

2. 1. 3. Геополитические взгляды А. Т. Мэхэна

Альфред Тейер Мэхэн родился в сентябре 1840 г. в семье профессора инженерных наук Дэнниса Харта Мэхэна, преподававшего в военной академии в Вест – Пойнте штата Нью – Йорк. В возрасте 12 лет его определили в протестантскую школу для мальчиков в Сент - Джеймсе штата Мэриленд. Заветной мечтой отца было воспитать сына убежденным южанином. Этому в немалой степени и способствовал выбор Сент – Джеймской школы. Но недовольный успехами сына в мэрилендской школе Д. Х. Мэхэн переводит его в Колумбийский колледж, где Альфред Тейер проучился следующие два года. В 1856 г. в возрасте шестнадцати лет, против воли отца, он вступает в военно – морской флот США в качестве мичмана. С этого момента вся жизнь А. Мэхэна неразрывно связана с военным флотом.

Как признают многие биографы А. Мэхэна, его карьера военного офицера была довольно бесцветной. Он медленно продвигался по служебной лестнице. В 1865 г. А. Мэхэн получил звание лейтенанта, капитаном он стал только в 1885 г. в возрасте сорока пяти лет. В этом же звании в 1896 г. после сорока лет службы А. Мэхэн вышел в отставку. Десять лет спустя его повысили до звания адмирала.

Первой опубликованной работой А. Мэхэна был очерк «Военно – морское образование для офицеров и гражданских лиц», который получил третью премию на конкурсе, проводившимся Военно – морским институтом в 1878 г. Несколько лет спустя появилась статья «Мексиканский залив и внутренние воды». По существу же карьера А. Мэхэна началась в Военно – морском колледже, куда он был приглашен для преподавания стратегии и тактики, а также военно – морской истории. Именно эти занятия военно – морской историей и принесли А. Мэхэну мировую известность.

В январе 1886 г. он подал руководству Военно – морским колледжем конспект своего курса лекций по военно – морской истории. Работа над курсом продолжалась несколько лет, и А. Мэхэн предполагал «начать с общих рассуждений о море, его использовании человечеством, о влиянии, которое контроль над морем имеет на развитие народов». В 1890 г. его лекции были опубликованы в виде книги под названием «Влияние морской силы на историю, 1660 – 1783 гг.». Большая часть этой книги была посвящена истории торговых и морских войн, которые вела Англия в конце XVП в. против Голландии и в XVIII в. против Франции. Именно в этой книге А. Мэхэн изложил свою концепцию о **решающей роли морской мощи на примере Великобритании,** и именно она сразу сделала его популярным не только у себя в стране, но и за рубежом. Наиболее широкую известность эта книга принесла А. Мэхэну в Англии, где он был удостоин многих почестей. Он был принят королевой, шумный прием ему был оказан в Адмиралтействе. А. Мэхэн стал членом аристократического Королевского клуба, получил почетные степени от Оксфордского и Кембриждского университетов. Признание в США пришло позже: Гарвардский, Йельский, Колумбийский, а затем Дортмутский университеты присвоили ему почетные степени, а в 1902 г. он был избран президентом Американской исторической ассоциации. Во время испано – американской войны А. Мэхэн входил в состав Военно – морского

совета. Некоторое время спустя он присутствовал на I Гаагской конференции в качестве члена американской деленации.

Выйдя в отставку, А. Мэхэн отошел от занятий историей и обратился к публицистике. Одной из первых попыток решить современные ему проблемы была его статья «Соединенные Штаты обращаются к окружающему миру», опубликованная вначале в декабрьском номере журнала «Атлантик мансли» в 1890 г., а позднее вошедшая в книгу «Заинтересованность Америки в морской мощи». Особенно бурную публицистическую деятельность А. Мэхэн развил во второй половине 90 – х гг. XIX в. После 1896 г., не считая писем в прессу, было опубликовано более сотни его статей, рассчитанных на самую широкую аудиторию и носящих обычно пропагандистский характер. Круг проблем, которые освещал А. Мэхэн, был самым широким - темы о стремлении США принять непосредственное участие в международных делах, перспективы американской экспансии, условия, которые ее определяют, использование силы, как основополагающего фактора в международных отношениях. Как правило, многие статьи А. Мэхэна, опубликованные в периодической печати, позднее были объединены в книги. Так появились его работы «Проблема Азии и ее влияние на мировую политику», «Заинтересованность Америки в морской мощи», «Заинтересованность Америки в международной обстановке», «Вооружение и Арбитраж».

Свою публицистическую деятельность А. Мэхэн сочетал с общественной деятельностью. В 1903 г. ему предложили принять участие в работе комитета, изучавшего перспективы развития американского торгового флота. В 1909 г. тогдашний президент США Т. Рузвельт назначил его членом комиссии, занимавшейся вопросом реорганизации Военно – морского департамента; в том же году он получил пост председателя Объединенной комиссии по национальной обороне. Умер А. Т. Мэхэн в декабре 1914 г. в Вашингтоне, осыпанный наградами и окруженный почетом.

Какова же была историческая и философская основа произведений Мэхэна? Обратимся к его книгам, потому что именно в них мы найдем наиболее исчерпывающий ответ. Например, выступая в декабре 1902 г. на заседании Американской исторической ассоциации, А. Мэхэн объявил историю «своего рода божественной драмой, в которой божественная воля обнаруживает себя благодаря отдельным личностям», то есть история определялась «как замысел Провидения в его осуществлении» (W. Livesey. Mahan on Sea Power. Norman, 1947, p. 23). В другом случае, говоря об «ответственности», которую, якобы, США несут в Китае, А. Мэхэн подчеркивал, что она возложена на них «свыше». «Роль, отведенная нам, велика, - писал он. - Назрела крайняя необходимость в приобретении нами Филиппин, в чем, безусловно, прослеживается рука Провидения» (A. Mahan. Effects of Asiatic Conditions upon International Politics, - "North American Rewiew", 1900, November, vol. 171, N 528, p. 619). Еще более яркой иллюстрацией его исторической концепции являлась мысль о том, что рука Бога прослеживается и в том, что Англия достигла могущества на морях. А. Мэхэн писал: «… военно – морское преобладание Великобритании … является просто осуществлением Божественной воли, действующей во все времена и характеризующейся и продуманностью, и последовательностью». (A. Mahan. The Interest of America in Sea Power, Present and Future. Boston, 1897, p. 307 – 308).

Таким образом, философской основой трудов А. Мэхэна был п р о в и д е н ц и а л и з м. В этом, несомненно, сказалось влияние исторической концепции немецкого историка Леопольда фон Ранке. Их объединяла также идея о том, что каждое государство стремится быть могучим, сильным для укрепления своей позиции в мире, а его политика всегда есть политика силы.

Одной из характерных черт исторической концепции А. Мэхэна являлось его убеждение в том, что к истории следует подходить сугубо утилитарно. По его мнению, история содержит в себе лишь «уроки»,

которые должны быть «хорошо поняты» политическими деятелями для «будущего руководства». Говоря, например, о практической цели изучения морской мощи, А. Мэхэн четко указал, что она «преследует извлечение из прошлого уроков, применимых к нашей собственной стране и службе» (А. Мэхэн. Влияние морской силы на историю, 1660 – 1783 гг., М. – Л., 1940, с. 83 – 84).

Такие методологические установки привели к серьезным искажениям исторической действительности. В книге «Влияние морской силы на французскую революцию и империю, 1783 – 1812 гг.», освещая борьбу между Францией и Англией, возглавлявшей антифранцузскую коалицию, А. Мэхэн явно переоценивал роль английского правительства. Совершенно неправомерно он приписывал успех борьбы против Наполеона исключительно морскому превосходству Англии, совершенно игнорируя действия сухопутных армий антифранцузской коалиции, а также недооценивая роль национально – освободительного движения в Европе против Наполеона. Объясняя падение престижа Испании, А. Мэхэн указывал лишь на ее морское бессилие. Перечень подобных примеров можно было бы продолжить.

2. 1. 3. 1. Доктрина «морской мощи» и ее применение в США и за границей

«Контроль над морем был тем историческим фактором, который никогда систематически не исследовался. Однажды сформулированная, эта мысль стала ядром всех моих сочинений», - так писал А. Мэхэн в 1907 г. Действительно, центральной темой почти всех работ Мэхэна являлась **доктрина «морской мощи».** Ее суть заключалась в следующем: **контроль над морем, морская мощь страны являются важнейшим условием, обуславливающим ее национальную судьбу.** А. Мэхэн писал: «Легко сказать, что использование и контроль над морем был и остается великим фактором в истории человечества, гораздо труднее найти и показать его

действительную сущность» (W. Livesey. Op. cit., p. 41). Именно эту задачу взял на себя А. Мэхэн.

Свою доктрину он сформулировал, обратясь к истории создания Британской колониальной империи и роли военного флота как орудия колониальных захватов. А. Мэхэн считал, что преобладание Англии на море явилось важнейшим, чуть ли не единственным фактором, доставившим ей победу над Голландией и Францией в ходе морских войн. Однако у А. Мэхэна морская мощь была не просто синонимом военно – морского флота, хотя он и придавал ему большое значение. В понятие «морской мощи» Мэхэн вложил и «мирный торговый флот», котрый являлся связующим звеном между метрополией и колониями.

Все пространные рассуждения Мэхэна о море, о его использовании человечеством и о влиянии, которое контроль над морем оказывает на развитие и военную силу наций, подводили к вопросу об элементах или источниках морской силы. В качестве основополагающих элементах, составляющих морскую силу, Мэхэн выделил следующие: «Перечислим главные условия, влияющие на морское могущество наций: 1) географическое положение;

2) физическая организация (включая природные ресурсы и климат);

3) величина территории;

4) численность населения;

5) национальный характер;

6) государственный строй». (А. Мэхэн. Влияние морской силы на историю, с. 24).

Каждое из этих условий А. Мэхэн комментировал примерами главным образом из истории Англии, США, Испании, Франции и Голландии. Останавливаясь на географическом положении Великобритании, А. Мэхэн отмечал, что оно складывалось из метрополии и многочисленных колоний, рассеянных по всему миру. Однако это не стало источником

слабости британской империи только благодаря наличию большого английского флота. Кроме этого, исходя из соотношения вооруженных сил и территории Великобритании, А. Мэхэн, принимая во внимание расстояние между широко раскинутыми по всему свету частями империи и ее опорными пунктами, подчеркивал, что это соотношение было должным и позволило английскому флоту быть сильнее в каждом данном месте, чем флот противника. Согласно рассуждениям А. Мэхэна, именно из рассеянности британских владений логически вытекало и являлось исторически оправданным стремление Великобритании к единоличному господству на море.

Рассматривая географическое положение США, А. Мэхэн одним из первых начал опровергать то весьма распространенное в Соединенных Штатах мнение, что их география является лучшей гарантией обороны страны. Он не раз повторял, что такая точка зрения таит в себе опасности для будущего. Именно «естественные условия» США, по его мнению, особенно их положение между двумя мировыми океанами, требовали создания сильного военно – морского флота. Однако, флот даже в больших масштабах оказывался не способным к маневрам, если он не мог отойти от национальных берегов и не имел «заморских баз», т. е. колоний. А. Мэхэн писал: «Колонии, привязанные к своей метрополии, представляют вернейшие средства для поддержки за границей морской силы страны. Но таких колоний США не имеют … А не имея своей опоры за границей соответствующих учреждений, ни колониальных, ни военных, военные суда Соединенных Штатов во время войны уподобятся сухопутным птицам, которые не в состоянии улететь далеко от берегов. Обеспечение для них станций, где они могли бы пополнить свои угольные запасы и производить ремонт, должно составлять одну из первых обязанностей правительства». (А. Мэхэн. Влияние морской силы на историю, с. 65). Таким образом, ссылаясь на географическое положение, А. Мэхэн обосновал необходимость колониальной экспансии для США.

Продолжая рассуждения о географическом положении, он выдвинул ту правильную мысль, что оно представляет величину непостоянную. Он считал, что значение географического положения страны изменяется с развитием производительных сил вообще, и развитием средств транспорта, в частности. Так, приводя пример с предполагаемым в то время центрально – американским каналом, названным впоследствии Панамским, А. Мэхэн писал: «Если последний будет построен, то из конечного участка торгового пути и района местной торговли, каким оно является сейчас, Карибское море превратится в одну из великих мировых магистралей» (А. Мэхэн. Там же, с. 27).

Рассматривая последовательно другие условия, обеспечивающие морскую мощь страны, А. Мэхэн делал вывод, что США лишены морской силы, хотя и располагают потенциальными возможностями для ее развития. Он выделил два момента: характер народа и высокий промышленный потенциал страны. Что касается «естественной наклонности народа к торговле», то, как полагал А. Мэхэн, характер американцев занимает необыкновенно высокое место. Говоря об экономическом могуществе США, он подчеркивал, что «не будет преувеличением сказать, что деятельность правительства со времен гражданской войны и до наших дней была направлена исключительно к развитию того, что мы назвали первым звеном в цепи, составляющей морскую силу. Внутреннее развитие, большая производительность, породившие стремление к автаркии и похвальбу ею, - такова была цель, таков был до некоторой степени и результат» (А. Мэхэн. Указ. Соч. , с. 65). Таким образом, выводы, сделанные А. Мэхэном из его доктрины, были вполне очевидны и сводились к тому, что Соединенным Штатам надлежит проводить более энергичную внешнюю политику, создавать мощную колониальную империю, опираясь на свое экономическое превосходство.

Эта доктрина Мэхэна не могла не привлечь к себе внимание и сразу же встретила понимание в правящих кругах США. Например,

редактор журнала «Харперс мансли», оценивая доктрину «морской мощи» считал, что ее автор трудился не напрасно. Он писал в 1893 г.: «Без морского могущества ни одна нация не может рассчитывать занять ведущее положение в мире, где непрерывно идет борьба; потеря морского могущества означает потерю одного из жизненных элементов внутреннего благосостояния нации» (W. Livesey. Mahan on Sea Power, p. 54).

Концепция морской мощи требовала развития промышленного производства внутри страны, международной торговли, колоний и военно – морского флота. Конечно, в первую очередь она стимулировала развитие военно – морских вооружений, что поощрялось и поддерживалось военными и правительственными кругами. Один из биографов А. Мэхэна У. Лайвзи подчеркивал своевременность и закономерность появления доктрины «морской мощи». Он писал: «Эта исторически проверенная доктрина силы хронологически совпала с эрой нового колониализма и сама в значительной степени являлась продуктом нового индустриализма» (Там же, p. 73). Далее он писал: «Книги Мэхэна стали евангелием экспансионистов. В конце XIX - начале XX вв. военные, торговые и деловые круги, государственные деятели очень нуждались в теории, которая бы поддержала их нео – меркантилистскую программу возобновившегося экспансионизма и увеличивающихся вооружений» (Там же, p. 76). Действительно, труды А. Мэхэна стали тем евангелием, из которого правящие круги составляли программы для оправдания своих действий, а сам А. Мэхэн их пророком.

Вскоре перед А. Мэхэном встала новая задача - «довести до своих сограждан всю важность и значимость морской силы для США», чему он и посвятил себя в последующие годы. Из – под его пера вышло множество статей, в которых он призывал американцев отказаться от политики изоляции, потому, что «ни одна нация, конечно, ни одна великая нация отныне не может сохранять политику изоляции» (W. Livesey. Op. cit., p. 77). В своей известной статье «Соединенные Штаты обращаются к

окружающему миру» А. Мэхэн писал: «Хотят они того или нет, но американцы должны обратить свой взор за пределы своей страны. Все увеличивающееся производство промышленной продукции требует этого. Позиция США между двумя мировыми океанами призывает к тому же. Эта тенденция сохранится и, возможно, увеличится» (A. Mahan. The Interest of America in Sea Power, p. 21 – 22).

В рассуждениях А. Мэхэна переплелись различные идеи - и «предопределение судьбы», и «бремя белого человека», и религиозные мотивы. В это же время другие видные идеологи того времени - Джон Тиске, Джосиа Стронг, Джон Берджес отстаивали превосходство англосаксонских народов, защищали и предсказывали мировое господство этой якобы избранной и благословенной Богом расы. Таким образом, для атаки на американский провинциализм была использована вся мощь идеологической пропаганды в США. Была ли эта пропаганда эффективной и оказала ли доктрина А. Мэхэна какое – либо влияние в США? Многие его биографы полагают, что это влияние было минимальным, а сама его доктрина наибольшую популярность приобрела за рубежом. Однако это мнение не соответствует действительности.

Помимо того, что концепция «морской мощи» должна была оказывать и оказывала влияние на умы рядовых американцев непосредственно через прессу, она использовалась и государственными деятелями. В частности, доктрина А. Мэхэна была привлечена в качестве идеологического обоснования военно– морской программы республиканской партии во время президентской кампании 1896 г. В избирательной платформе республиканцев говорилось: «Мир и безопасность республики, поддержание ее законного влияния среди наций, требует морской мощи, сообразной с ее положением и ответственностью. Поэтому мы выступаем за постоянное увеличение военно – морского флота и законченную систему гаваней и береговых оборонительных сооружений». В результате выборов 1896 г. президентом стал республиканец Мак – Кинли. Конечно, из этого

факта не стоит делать слишком далеко идущих выводов, но то, что доктрина А. Мэхэна оказала здесь свое воздействие - это бесспорно. Его аргументы использовались политическими деятелями и публицистами. Особенно сильным было влияние Мэхэна на так называемых империалистов – практиков: Т. Рузвельта, Г. К. Лоджа, Д. Хэя, У. Тафта, а через них на практическое осуществление внешней политики Соединенных Штатов Америки.

Кроме этого, как заметил американский исследователь У. Лафебр, «в отличие от Тернера, Стронга и Адамса его (Мэхэна - Л. К.) влияние может быть измерено в таких зримых величинах, как корабли в 15 тыс. тонн, построенные после 1889 г. и положившие начало современному военно – морскому флоту Соединенных Штатов». Всю свою жизнь А. Мэхэн выступал поборником «большого флота» для США. Его работы оказали самое непосредственное влияние на увеличение американского флота. Уже через шесть недель после публикации его книги «Влияние морской силы на историю», в июне 1890 г. конгресс разрешил строительство трех военных кораблей береговой охраны с радиусом действия в 5 тыс. миль. Строительство военного флота развивалось устойчивыми темпами в течение всех 90 – х годов XIX в., когда военно – морским министром был Г. Герберт в 1893 – 1897 гг., затем, когда помощником военно - морского министра был Т. Рузвельт.

В ходе испано–американской войны военный флот зарекомендовал себя как важное орудие осуществления колониальной политики США. Война привела к тому, что военный флот Соединенных Штатов стал вторым в мире после британского флота. После окончания испано-американской войны ассигнования на морские вооружения увеличилось еще больше. В период с 1900 по 1906 гг. они составили 56 – 110 млн. долларов ежегодно и явились максимальными в мирное время по сравнению с предшествующим периодом. Еще больше возросли ассигнования на морское строительство в годы президентств Т. Рузвельта

и У. Тафта, которые испытали на себе непосредственное влияние идей F/ Мэхэна. О влиянии доктрины «морской мощи» писал Ф. Гринвуд в апрельском номере журнала «Блэквуд Эдинбург Мэгэзин» в 1898 г.: «Учение Мэхэна подливало масла в огонь колониальной экспансии. Повсеместно читателей захватывала облагораживающая слава завоевания… Я не сомневаюсь, что наиболее глубокое влияние учение Мэхэна оказало не где – нибудь, а в США» (W. Livesey. Op. Cit., p. 92).

Однако, говоря о признании доктрины А. Мэхэна, некоторые его биографы считали, что влияние концепции «морской мощи» было гораздо значительнее за пределами Соединенных Штатов, в частности, в Англии. Для таких выводов они располагали множеством фактов. Тот радушный прием, который был оказан А. Мэхэну в Великобритании, а также понимание, с каким была встречена его доктрина, были неслучайны: ведь А. Мэхэн пришел к своим выводам, опираясь, прежде всего, на данные британской истории. Сразу после выхода в свет его первая книга «Влияние морской силы на историю» привлекла внимание английских специалистов по военно–морской истории, а также представителей британских политических и военных кругов. Так, английский адмирал Ф. Коломб, также изучавший морскую мощь и написавший работу «Военно–морская война», в предисловии к своему исследованию писал: «Познакомившись с сочинением капитана Мэхэна «Влияние морской силы на историю» я пришел в восторг от того, что по ту сторону Атлантики живет глубокий мыслитель, хорошо владеющий пером, который работает над предметами, близкими к моим собственным» (W. Puleston. Mahan. The Life and Work of Captain Mahan, p. 108).

Другой видный специалист в области военной – морской истории того времени Джеймс Р. Сэрсфилд писал, что все компетентные судьи признали А. Мэхэна «родоначальником и первым представителем философии военно – морской истории, первым современным писателем, который уловил и понял ее значение» (Ibid., p. 109).

В 90 – е гг. XIX в. в Англии вышел ряд работ, посвященных анализу доктрины Мэхэна. Среди них следует отметить работу А. Г. Джонсона «Мэхэн о морской мощи», опубликованную в «Английском историческом ревю» в 1893 г., а также коллективный труд под названием «Капитан Мэхэн о морской мощи», напечатанную в «Эдинбургском ревю» в том же 1893 г. Публикацию серии статей о доктрине А. Мэхэна предприняли такие издания, как «Журнал Королевского объединенного института», «Блэквуд Эдинбург Мэгэзин», «Парламентские дебаты» и др.

Не меньший успех ждал Мэхэна в Германии и Японии. Его доктрина достигла этих стран, когда те только вступали на путь колониальной экспансии. Кайзер Вильгельм II распорядился приобрести книги А. Мэхэна всем судовым библиотекам военного флота. А в Японии, как вспоминал А. Мэхэн в автобиографии (1907 г.), было переведено больше всего его работ. Многие из них были включены в программы японских школ, а в военных и военно–морских учебных заведениях его книга «Влияние морской силы на историю» рассматривалась в качестве учебника.

Доктрина «морского мощи» нашла своих сторонников и в России. Свидетельством этого служит серия статей, опубликованных в «Морском сборнике», издаваемом Главным Морским Штабом. Как отмечала редакционная коллегия «Морского сборника», эти статьи «содержат дополнительные факты в пользу выводов капитана Мэхэна». Под заглавием «Значение моря и морских сил в истории государств» в № 8 за 1897 г. был опубликован доклад австрийского морского офицера Польцена «О влиянии Адриатического моря на историю народов Средней Европы», прочитанный в Ученом обществе австрийского военного флота. Польцен, обращаясь к доктрине «морской мощи» А. Мэхэна, анализирует роль военного флота и Адриатического моря на Австрийскую империю.

Редакционная коллегия «Морского сборника» опубликовала доклад военно–морского министра США Г. Герберта, посвященный роли военно-

морского флота в американской истории, начиная с войны за независимость. Обращаясь к истории Гражданской войны 1861 – 1865 гг., Герберт писал, что причина поражения южной Конфедерации лежала в отсутствии у нее военного флота. В то же время северяне обладали флотом, достаточным для блокирования южных портов. Это лишило южные штаты возможности «посылать свой хлопок за границу и получать взамен необходимые товары». Не обладая флотом, конфедераты не могли «помешать морским силам северян перевозить морем свои войска и снабжать их с помощью транспортов», когда те вели военные действия против них. (Г. Герберт. Значение моря и морских сил в истории государств // Морской сборник, 1897, № 9, с. 9 – 10). В этом объяснении причин победы северян в Гражданской войне Герберт полностью следует за А. Мэхэном, который преувеличивал роль военного флота северных штатов, сводя на нет значение действий армии северян.

Исторические экскурсы Герберта понадобились ему для того, чтобы доказать необходимость «большого флота» для США, так как «слабым местом в деле безопасности США является огромная длина береговой линии и непропорционально малый боевой флот для защиты этого длинного побережья» (Там же, с. 2). Далее Герберт рассуждал: «Если маловероятно, что какая – либо держава могла с надеждой на успех вторгнуться внутрь нашего государства, но зато мы весьма легко уязвимы со стороны моря. Наши порты можно блокировать; морскую торговлю уничтожить; мы можем оказаться совершенно изолированными от всего мира; наш флаг будет унижен и оскорблен, если мы только своевременно не поймем и не оценим всего значения морской мощи» (Там же, с. 15 – 16).

В этой же серии - «Значение моря и морских сил в истории государств» - в № 8 «Морского сборника» за 1898 год была опубликована статья капитана I ранга С. А. Скрягина «Мореходство и его влияние на развитие российского государства». Автор сформулировал цели своей

работы следующим образом - «напомнить, какое громадное значение имело мореходство и создание военного флота для могущества России и ее влияния на западную и восточную политику» (С. А. Скрягин. Мореходство и его влияние на развитие российского государства // Морской сборник, 1898, № 8, с. 1). По мнению Скрягина, это тем более заслуживало внимания, что в современное ему время все государства Европы и Японии «озабочены увеличением своего военного и коммерческого флота, чтобы иметь возможность влиять на политику других государств» (Там же).

Автор другой статьи - В. Ф. Головачов (О значении флота для России на основании истории // Морской сборник, 1898, № 9) также писал о значении флота для России. Но отличие данной статьи от других, вышеназванных, заключается в том, что ее автор анализировал взгляды А. Мэхэна и полемизировал с ним. Головачов оценил книги А. Мэхэна «Влияние морской силы на историю» и «Влияние морской силы на французскую революцию и империю» как «замечательные иностранные сочинения». Он разделял взгляды американского теоретика рассматривать флот как важный фактор военной мощи. Но Головачов выступил против некоторых положений А. Мэхэна. Он справедливо упрекал его в односторонности. Последняя, по его мнению, заключалась в том, что А. Мэхэн преувеличивал значение морских войн, совершенно игнорируя события на европейском континенте и действия армий.

2. 1. 3. 1. А. Мэхэн и концепция «национального интереса»

А. Мэхэн знаменит не только как создатель доктрины «морской мощи». Он внес свой вклад и в развитие доктрины «национального интереса», придав ей свою собственную интерпретацию.

В эпоху перехода капитализма свободной конкуренции в монополистическую стадию концепция «национального интереса» стала одним из важнейших идеологических орудий правящих кругов США по обоснованию и оправданию агрессивной внешней политики. В этом

направлении разрабатывал концепцию «национального интереса» и А. Мэхэн. Он был глубоко убежден в том, что нации действуют на международной арене сообразно своим интересам. А. Мэхэн писал: «Интересы собственной страны являются не просто законной, но и основополагающей причиной национальной политики» (A. Mahan. Problem of Asia // Harper's Monthly, 1900, May, N 598, p. 540), и в другом случае: "… напрасно ждать от правительства иных действий, чем действий, основанных на национальных интересах» (A. Mahan. The Effects of Asiatic Conditions upon International Politics // North American Rewiew, 1900, November, vol. 171, N 528, p. 617). Согласно взглядам А. Мэхэна, «национальный интерес» являлся единственно разумной основой, на которую следовало опираться правительству, если оно стремилось к успеху во внешней политике. В различных работах А. Мэхэна «национальный интерес» выступал под различными названиями, такими как «самозащита», «саморазвитие», «естественный рост», «первостепенный интерес», «общий интерес» и др. Переведенный в программу действий для США в тот период времени, «национальный интерес» требовал преобладания этой страны в Карибском бассейне, на Гавайях, на Дальнем Востоке, в Латинской Америке. Как видим, уже тогда американский «национальный интерес» распространялся, фактически, на весь земной шар. Но А. Мэхэн все же выделил приоритеты. Первое место заняла зона Карибского бассейна. А. Мэхэн писал: «Группа островов Карибского моря представляет один из самых важных центров европейской цивилизации, и надо сожалеть, о том, что значительная часть этих островов находится теперь в руках, которые не только не дали, но, очевидно, никогда на смогут дать им возможности развиваться так, как того требуют общие интересы» (A. Mahan. The Interest of America in Sea Power, Present and Future, p. 261).

Что же привлекало правящие круги США к этому району? Дело в том, что тогда, в конце XIX в., предполагалось строительство центрально – американского канала, который должен был соединить Атлантический и Тихий

океан, восточное и западное побережье Соединенных Штатов. Естественно, это кардинально изменяло значение Карибского бассейна. А. Мэхэн писал так: «Если центрально – американский канал … будет построен, то Карибское море превратится в одну из великих мировых магистралей. Что касается влияния и контроля над ним, зависящих от географического положения, то, конечно, ясно, что центр национальной силы будет ближе к нам, чем к другой нации» (А. Мэхэн. Влияние морской силы на историю, с. 27). Далее, по рассуждению А. Мэхэна, национальные интересы США требовали укрепиться на подступах к каналу, т. е., фактически, во всем Карибском бассейне: «Так как расстояние от устья Миссисипи до перешейка … все же велико, то Соединенным Штатам придется приобрести в Карибском море станции, которые смогут служить базами вспомогательных или второстепенных операций. Обеспечив безопасность входа и выхода из Миссисипи, имея такие форпосты, предохранив от нападения коммуникации между ними и отечественными базами, США добьются гегемонии в этом районе, вытекающей с математической несомненностью из их географического положения и силы» (Там же, с. 28). Так как большинство островов Карибского бассейна входило в состав испанской империи, война с Испанией становилась неизбежной. Она началась в апреле 1898 г. Уже в июле Испания запросила мира. Мирный договор был заключен в Париже в декабре 1898 г. В результате этой войны Соединенные Штаты Америки добились желаемого: они получили Пуэрто–Рико, Гуам и Филиппинский архипелаг в Тихом океане. Испания признала независимость Кубы, на остров были введены американские войска и установлен американский протекторат.

Но «национальный интерес» США простирался гораздо дальше. Вслед за Карибским бассейном, по мнению А. Мэхэна, Соединенные Штаты должны были обратить свои взоры на Тихий океан, которому было суждено стать крупнейшим центром торговли и ареной гигантской борьбы между народами. В таком контексте приобретали особое значение Гавайские (Сандвичевы) острова. Приобрести этот архипелаг мечтали

многие державы, но, пожалуй, откровеннее всех высказывали свои притязания политические деятели США. Сенатор Г. Лодж указал на стратегическое значение Гавайских островов: «В центре Тихого океана лежат Сандвичевы острова, которые являются ключом ко всему Тихому океану. Соединенные Штаты имеют теперь возможность усилиться в этом районе» (W. Livesey. Op. cit., p. 165). Другой представитель экспансионистских кругов вне конгресса Дж. Л. Стивенс писал: «… Заявлять, что мы не нуждаемся в Гавайских островах для обеспечения наших будущих интересов, значит безрассудно игнорировать логику создавшейся ситуации и относиться несерьезно к поучительнейшим урокам истории» (Ibid., p. 166). Собственно проблема аннексии Гавайских островов была решена, предстояло только найти удобный предлог для решительных действий.

А. Мэхэн внимательно следил за развитием событий на международной арене. В январе 1893 г. он написал письмо в «Нью – Йорк таймс», в котором обращал внимание на «один аспект недавней революции на Гавайях», который казался ему очень значительным. Он писал, что Соединенным Штатам «естественно предназначено охранять этот важный район». Письмо А. Мэхэна в «Нью – Йорк таймс» привлекло внимание редактора журнала «Форум» Уолтера Пейджа, который попросил у него статью на эту тему. Так появилась статья «Гавайи и наша будущая морская мощь», напечатанная в мартовском номере журнала. Несколько позже эта статья была представлена в качестве доклада перед сенатской комиссией по иностранным делам.

А. Мэхэн убеждал своих сограждан устранить политическую угрозу тихоокеанскому побережью и будущему каналу, а также всей тихоокеанской торговле Соединенных Штатов путем оккупации Гавайских островов. При этом он ссылался на «преобладание прав США на эти острова». Аннексия Гавайев была бы «первым плодом пробудившейся нации», как писал этот американский теоретик. Развивая дальше мысль о

том, что Тихий океан предназначен играть все возрастающую роль в национальном развитии США, А. Мэхэн призывал обратить внимание американцев к Дальнему Востоку и, в частности, к Китаю. Он, безусловно, понимал значение китайского рынка для американских деловых кругов. Но в то время преобладающее влияние в Китае имели европейские державы. Соединенные Штаты Америки опоздали к разделу сфер влияния в этой стране. После окончания испано–американской войны США решили наверстать упущенное. В сентябре 1899 г. государственный секретарь США Дж. Хэй выступил с нотой, в которой провозгласил доктрину «открытых дверей» в Китае. Он предложил упразднить сферы влияния европейских держав и проводить в жизнь принцип «равных возможностей». А. Мэхэн поддержал доктрину Хэя и в конце 1899 г., после своего возвращения из Гааги, написал три статьи под названием «Проблема Азии». Впоследствии он опубликовал книгу с таким же названием. В этой книге он анализировал борьбу между европейскими державами за Азию, главным образом за Китай, а также влияние, которое эта борьба оказывала на мировую политику.

В «Проблеме Азии» А. Мэхэн остановился на такой проблеме, как традиционное соперничество Великобритании и России, борьба между которыми, по его мнению, приобрела форму борьбы «морской» и «континентальной мощи». Но Великобританию и Россию, писал А. Мэхэн, разделяло не только то, что они являлись олицетворением антагонистических сил. Свой анализ он дополнил расистской классификацией противоречий, а именно: в соперничестве этих двух держав он увидел противоборство тевтонской и славянской рас. Обладание «морской мощью» А. Мэхэн приписывал только тевтонским народам, которые находились несоизмеримо выше всех остальных. Азиатские народы он считал статичными в культурном отношении, а славяне, по его мнению, вырождались и стояли значительно ниже тевтонов. Усматривая в росте влияния России в Китае угрозу тевтонским

державам, А. Мэхэн принимал, естественно, сторону Великобритании, так как «главные английские интересы удивительно совпадают по характеру с нашими (т. е. американскими - Л. К.)» (Pulestone W. Op. cit., p. 223). В целях обуздания России А. Мэхэн предлагал широкую систему «баланса сил», в который были бы вовлечены тевтонские державы - Великобритания, Германия, США и … Япония, которая, строго говоря, никак нельзя было отнести к тевтонским державам. Здесь расовые соображения отходили на второй план, когда речь шла о защите своих «национальных интересов».

Впоследствии доктрина «баланса сил» была разработана А. Мэхэном в его книге «Заинтересованность Америки в международной обстановке», написанной им в 1910 г. на основе анализа международных отношений на европейском континенте. Несмотря на заявленную А. Мэхэном неизбежность столкновения интересов тевтонской и славянской рас, в противоречие пришли интересы двух тевтонских государств - Великобритании и Германии. В первой главе своей книги А. Мэхэн проследил истоки и характер европейских группировок Антанты и Тройственного союза, которые уже оформились к 1910 г. Отдельную главу А. Мэхэн посвятил Германии, ее росту и укреплению позиций в Европе. Он верно уловил суть противоречий между Германией и Англией: стремление Германии приобрести колонии для сбыта своей промышленной продукции неизбежно должно было столкнуть ее с Великобританией.

Как указывалось выше, все сочинения А. Мэхэна имели практическую цель. И в данном случае, анализируя положение дел в Европе, он имел в виду их влияние на Соединенные Штаты Америки. А. Мэхэн полагал, что в сложившихся условиях действия США «должны быть неразрывно связаны с изменением дел в Европе» и что им следует проводить внешнюю политику, опираясь на «доктрину Монро» и доктрину «открытых дверей», другими словами активизироваться в Латинской Америке и в Китае, поскольку внимание враждующих блоков - Антанты и

Тройственного союза - было приковано к европейскому континенту (A. Mahan. The Interest of America in International Conditions. London, 1910, p. 178).

1. 1. 4. Геополитические взгляды Дж. Х. Маккиндера

Джон Хэлфорд Маккиндер родился в 1861 г. в Гейнсборо в графстве Линкольншир, Англия, в семье врача. После окончания школы и колледжа с 1880 по 1885 гг. он изучал географию в Оксфордском университете. После окончания университета Дж. Х. Маккиндер был оставлен на преподавательскую работу и читал курс географии в Оксфорде с 1887 по 1903 гг. В 1902 г. он был приглашен читать лекции в Пенсильванский университет в США. В 1903 г. он переехал в Лондон и до 1926 г. был профессором Лондонского университета, читал лекции по географии, был также директором Лондонской школы экономики и политических наук.

Свою научную и преподавательскую деятельность Дж. Х. Маккиндер совмещал с общественной деятельностью. С 1910 по 1926 гг. он был членом палаты общин английского парламента от либеральной партии. В 1919 – 1920 гг. он был представителем Великобритании в штабе генерала Деникина А. И. По возвращении из России Дж. Х. Маккиндер был пожалован дворянским званием и посвящен в рыцари. Впоследствии он занимал целый ряд государственных должностей, а его услугами консультанта пользовались английские правительства различного партийного состава: и консерваторы, и либералы, и лейбористы.

Из–под пера Дж. Х. Маккиндера вышло несколько монографий по проблемам географической науки, в частности, изданная в 1914 г. в Лондоне и Нью–Йорке работа «Британия и британские моря». Это исследование входило в качестве составной части в двенадцатитомные очерки о Британских островах, предназначенные главным образом для

зарубежного читателя. В 1921 г. в Лондоне был опубликован двухтомный труд Дж. Х. Маккиндера «Нации современного мира». В предисловии к первому изданию автор писал, что его «целью являлось снабдить своих молодых соотечественников знаниями, необходимыми им для понимания главных политических противоречий в современном мире».

Для понимания геополитической концепции, разработанной Дж. Х. Маккиндером, наибольшую ценность представляют три его работы:

- «Географическая ось истории» (1904 г.)
- «Демократические идеалы и реальность» (1919 г.)
- «Земной шар и выигрыш мира» (1943 г.)

В январе 1904 г. Дж. Х. Маккиндер выступил на заседании Королевского географического общества с лекцией на тему **«Географическая ось истории».** В том же году эта лекция была напечатана в Лондоне в виде отдельной брошюры. Цель этого доклада и статьи виделась самому автору в том, чтобы «показать историю человечества как часть жизни мирового организма» (Дж. Х. Маккиндкр. Географическая ось истории // ПОЛИС, 1995, № 4, с. 11). Дж. Х. Маккиндер полагал, что современный ему этап знаменателен тем, что «впервые мы можем ощутить некоторые реальные пропорции в соотношении событий, происходящих на международной арене, **выявить формулу,** которая так или иначе **выразит определенные аспекты географической преданности мировой истории»** (Там же, с. 10-11, выделено Л. К.). Обретение такой формулы представляло не только академический интерес, а имело и практическую ценность, так как « с её помощью можно будет вычислить перспективу развития некоторых конкурирующих сил нынешней международной политической жизни» (там же, с. 11). Выведение такой формулы, считал Дж. Х. Маккиндер, обеспечивают два обстоятельства субъективного и объективного характера. Во-первых, это его личная профессиональная подготовка географа. Он писал: «Инициативу проявляет человек, не природа, но именно природа в большей мере осуществляет регулирование. Мой интерес лежит скорее в области изучения

всеобщего физического регулирования, нежели в сфере изучения причин всеобщей истории». Во-вторых, своеобразие исторического момента, которое выражалось в том, что рубеж XIX – XX вв. знаменовал собой окончание одной эпохи–эпохи «Колумба», отличительной чертой которой была «экспансия Европы, не встречавшей практически никакого сопротивления», и начало послеколумбовой эпохи, для которой было характерно складывание «замкнутой политической системы глобального масштаба» (Там же, с. 9). Теперь, как писал Дж. Х. Маккиндер, «всякий взрыв общественных сил вместо того, чтобы рассеяться в окружающем неизведанном пространстве и хаосе варварства, отзовется громким эхом на противоположной стороне земного шара, так что в итоге разрушению подвергнутся любые слабые элементы в политическом и экономическом организме земли». При этом Дж. Х. Маккиндер занимал лицемерную позицию, а именно: с одной стороны, он выражал надежду, что такое изменение ситуации подвигнет политиков и государственных деятелей отказаться от территориальной экспансии и направить свои усилия на «согласованную созидательную деятельность». С другой стороны, будучи членом британского парламента, Дж. Х. Маккиндер занимал крайне империалистические позиции, как указывал автор статьи о нем в Новой Британской Энциклопедии, скрывшийся за инициалами G. R. C. (The New Encyclopeadia Britannica, vol. 7, 1994, p. 639).

Поначалу рассуждения Дж. Х. Маккиндера вполне укладывались в знакомую схему географического детерминизма. Он писал, что климат Западной и Центральной Европы формируют дожди с Атлантики. Особенности климата Восточной Европы, т. е. России, определялись неравномерностью в выпадении осадков – на северо-западе в районе Балтики и Белого моря дожди выпадают в основном в июле и августе, на побережье Черного моря – в мае и в июне. Это привело к формированию двух регионов – лесного и степного, разделительная линия между которыми проходила по диагонали на северо-восток, начинаясь у северной оконечности Карпат и заканчиваясь у южных склонов Уральских гор. Степной регион протянулся на 4 тыс. миль от

«венгерской пушты до Малой Гоби и Маньчжурии». Общим местом было также и то, что именно степной, равнинный ландшафт и резко – континентальный климат азиатских территорий определили кочевой образ жизни многих азиатских племен и народов. Не являлось чем – то оригинальным и утверждение Дж. Х. Маккиндера о влиянии азиатских кочевых народов на европейские народы. Известные русские историки, например, С. М. Соловьев также писал о том, что кочевые народы Азии «с незапамятных пор проходили в широкие ворота между Уральским хребтом и Каспийским морем, и занимали территории в низовьях Волги, Дона и Днепра … Азия не перестает высылать хищные орды, которые хотят жить за счет оседлого народонаселения» (С. М. Соловьев. Сочинения. Кн. 1. История России с древнейших времен. Тт. 1 – 2. М.: Голос, 1993, с.15). В. О. Ключевский отмечал «тысячелетнее и враждебное соседство с хищным враждебным азиатом, длившееся с VIII почти до конца XVII вв.» (В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга первая. М.: «Мысль», 1993, с. 54). Что касается Дж. Х. Маккиндера, то можно согласиться с его утверждением, что «на протяжении двухсот лет русские земли, расположенные в лесах, … платили дань монгольским ханам или «Степи», и таким образом развитие России было задержано и деформировано именно в то время, когда остальная Европа быстро шагала вперед» (Там же, с. 15). Но при этом Дж. Х. Маккиндер явно преувеличивал влияние азиатских кочевых народов на страны Центральной и Западной Европы, когда писал, что «оседлое население Европы оказалось зажатым в тисках между азиатскими кочевниками с востока и наседавшими с моря викингами». Причем влияние кочевников было более сильным – «формирующее влияние скандинавов стояло на втором месте после аналогичного влияния кочевников, ибо именно благодаря им Англия и Франция начали долгий путь к собственному объединению» (Там же, с. 16-17).

Дж. Х. Маккиндер использовал введенный до него Ф. Ратцелем термин «мировой остров» применительно к Евро-Азиатскому материку и идею А. Мэхэна о противоборстве «морской» и «континентальной мощи». Но Дж. Х.

Маккиндер поднялся над частностями англо–французского противоборства, проанализированного А. Мэхэном, до более масштабных обобщений и предложил свой вариант структурирования пространства. Фактически, Дж. Х. Маккиндер **впервые предложил глобальную геополитическую модель.**

Оригинальные идеи Дж. Х. Маккиндера оформлялись под влиянием расстановки сил на международной арене в тот период времени и сводились к следующему. Исторические экскурсы о давлении азиатских кочевых народов на Европу понадобились для того, чтобы доказать, что «экспансивная мощь мобильных азиатских народов» имманентно присуща пространству, расположенному в «середине величайших земельных массивов». Естественным конкурентом внутриконтинентального движения и давления, утверждал Маккиндер, стало «передвижение по глади океана». Он считал, что развитие мореплавания европейскими народами, открытие морского пути в Индию вокруг Африки должно было «пусть даже таким окольным путем в некоторой степени нейтрализовать стратегическое преимущество центрального положения, занимаемого степняками, повергнув их давлению с тыла» (Там же, с. 23). Именно развитие мореплавания привело к важным политическим результатам – изменило отношения между Европой и Азией. «Теперь Европа, - писал Маккиндер, - поднялась над миром и распространила свое влияние вокруг евроазиатских континентальных держав». Но пока «морские» народы Западной Европы заполняли поверхность океана своими судами, направлявшимися в отдаленные земли, Россия …, выйдя из своих северных лесов, взяла под контроль степь. Эпоха Тюдоров, увидевшая экспансию Западной Европы на морских просторах, лицезрела и то, как русское государство продвигалось от Москвы в сторону Сибири» (там же, с. 24 – 25). Таким образом, складывалась схема постоянного противостояния «морских», европейских народов азиатским народам, только место монгольской империи со временем заняла Российская империя, и она продолжала оказывать давление на «Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай, заменив … набеги степняков» (Там же, с. 27).

Анализируя причины морской и сухопутной экспансии, Дж. Х. Маккиндер пытался найти их в различии культур. Он писал: «Тевтонцы цивилизовались и приняли христианство от римлян, а славяне же от греков. Именно романо–тевтонцы впоследствии плыли по морям; и именно греко – славяне скакали по степям, покоряя туранские народы. Так что современная сухопутная держава отличается от морской уже в источнике своих идеалов, а не в материальных условиях и мобильности» (Там же, с. 25).

Дж. Х. Маккиндер также по–новому поставил вопрос о значении географического положения, как определяющем факторе в судьбе народов и государств. Самым выгодным, считал он, является **центральное положение.** Но центральность понятие относительное. **С планетарной точки зрения центральное положение занимал колоссальный массив земель Евразии. Дж. Х.** Маккиндер задавал вопрос: «Просматривая …основные тенденции истории, не видим ли мы воочию нечто постоянное в плане географическом? Разве не является осевым районом в мировой политике этот обширный район Евро – Азии, недоступный судам, но доступный в древности кочевникам? Россия заменяет Монгольскую империю … В этом мире она (Россия – Л.К.) занимает центральное стратегическое положение». Этот осевой район получил также название **«хартленд»,** т. е. **«сердце земли». Дж. Х.** Маккиндер писал, что термин «хартленд» был введен в оборот как образный, а не технический. Вместо него также использовались выражения **«стержневое пространство»** или **«стержневой район»** (H. J. Mackinder. The Round World and Winning of the Peace // Foreign Affairs, 1943, vol. 21, N 4, p. 596). Географически сюда входила территория России без ее крайне западных и северо – восточных земель, часть Монголии, Ирана и Афганистан. Именно это пространство, по мнению Дж. Х. Маккиндера, было средоточием континентальной мощи, было наиболее благоприятным плацдармом для установления контроля над всем миром.

За «хартлендом» располагалось несколько зон. Ближайшая к нему была названа Дж. Х. Маккиндером **«внутренним полумесяцем**

(полукругом)». В него входили Германия, Австро-Венгерская и Турецкая империи, Индия и Китай. Учитывая границы этих государств в начале XX в. это означало включение во «внутренний полумесяц» территории Западной и Центральной Европы, Северной Африки, страны Ближнего и Среднего Востока, Южной и Восточной Азии. Поскольку страны «внутреннего полукруга» непосредственно граничили с «хартлендом» и в то же время имели выход к морю, постольку они соединяли в себе и континентальную, и морскую мощь. Далее следовал **«внешний полумесяц (полукруг)»,** в который входили Великобритания, Япония, Южная Африка, Соединенные Штаты, Канада и Австралия. Эти страны служили олицетворением «морской мощи». В особую сферу Дж. Х. Маккиндер выделил западное полушарие, подчеркивая тем самым ту небольшую роль, которую играли на международной арене Соединенные Штаты Америки на рубеже X1X – XX вв.

Каждому из выделенных Дж. Х. Маккиндером трех регионов были свойственны определенный стиль поведения на международной арене, который сформировался под влиянием сущностных черт каждого региона. Дж. Х. Маккиндер считал, что, поскольку хартленд есть «сердце земли» и воплощение континентальной мощи, постольку именно отсюда оказывалось и оказывается постоянное давление со стороны «жителей суши». Из регионов островного, «внешнего полумесяца» исходят импульсы с целью нейтрализовать континентальную мощь. Ввиду того, что давление из хартленда направлено на «внутренний полумесяц», и страны этого региона лишь частично обладают «морской мощью», они не смогут оказать серьезного противодействия континентальной мощи хартленда и им потребуется поддержка стран, обладающих «морской мощью».

Дж. Х. Маккиндер полагал, что «осевое государство всегда, так или иначе, является великим, но имеющим ограниченную мобильность по сравнению с окружающими пограничными и островными державами» (Там же, с. 29). В конкретной обстановке начала XX в. тревожное для Великобритании

упрочение позиций России могло произойти в случае присоединения к России Германии в качестве союзника. «Угроза подобного союза, - писал Дж. Х. Маккиндер, - должна толкнуть Францию в объятия морских держав» и здесь Франция может выступить в качестве противовеса.

Хотя Дж. Х. Маккиндер признавал значение таких факторов как экономический, демографический и технический потенциалы стран в определении их политического могущества, он провидчески предвидел, что даже «смена внутреннего контроля России каким – то новым его видом не приведет к снижению значимости этой осевой позиции». Значение «хартленда», по его мнению, раскрывала следующая гипотетическая ситуация, которая в обстановке начала XXI в. имеет другое звучание, нежели в 1904 г.: «Если бы, например, китайцы с помощью Японии разгромили Российскую империю и завоевали ее территорию, они бы создали желтую опасность для мировой свободы тем, что добавили к ресурсам великого континента океанические просторы, завоевав таким образом преимущество, до сих пор не полученное русским хозяином этого осевого района» (Там же, с. 30). В контексте расстановки сил на международной арене в начале XX в. схема, предложенная Дж. Х. Маккиндером отражала реалии того времени, а именно: столкновение интересов и противоречия между Великобританией и Россией в таких странах, как Иран, Афганистан, Китай. Эта концепция британского геополитика носила ярко выраженный антироссийский характер.

Но Великобритания столкнулась с еще одной важной проблемой в Европе - ростом промышленного потенциала Германии и все более откровенными притязаниями этой страны на «место под солнцем». Германия стремилась к переделу уже поделенных земель, имея в виду прежде всего британскую колониальную империю. Естественно, это привело к резкому обострению англо – германских противоречий. Англо - германский антагонизм оказался сильнее, и, вопреки антироссийским

настроениям Дж. Х. Маккиндера, Великобритания вступила в первую мировую войну в союзе с Россией против Германии.

Соотношение сил на международной арене после первой мировой войны изменилось, и произошедшие изменения нашли отражение в геополитических взглядах Дж. Х. Маккиндера. В 1919 г. он опубликовал работу **«Демократические идеалы и реальность».** Делая исторические экскурсы в прошлое, Дж. Х. Маккиндер вновь писал, что постоянное давление хартленда на протяжении столетий осуществлялось из Центральной Азии. Именно отсюда гунны, аланы, хазары и другие азиатские народы, последними были татаро – монголы, завоевывали обширные пространства Азии и Европы. Цивилизации, происходящие из внутренних пространств хартленда, Дж. Х. Маккиндер характеризовал как «авторитарные», «недемократические», «неторговые». На другом цивилизационном полюсе противоположные культурные явления - колониальные экспедиции, демократические формы в политике, «торговый характер цивилизации». В этом цивилизационном противостоянии континентальной и морской мощи особое значение Дж. Х. Маккиндер придавал «внутреннему полумесяцу». Его новые построения нашли выражение в знаменитых трех тезисах:

2. Кто владеет Восточной Европой - тот командует хартлендом.
3. Кто правит хартлендом - тот командует Мировым островом.
4. Кто правит Мировым островом - тот командует миром.

(H. J. Mackinder. Democratic Ideals and Reality. N. Y., 1944, p. 113).

Таким образом, получалось, что страны Восточной и Центральной Европы становились ареной противоборства между морской и континентальной мощью. Значимость Мирового острова была продемонстрирована Дж. Х. Маккиндером графически по двум позициям: занимаемому пространству и количеству населения. Маккиндер надеялся, что его взгляды будут учтены участниками Версальской конференции, но действительное признание пришло к нему значительно позже - во время

второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки, куда он переехал на постоянное жительство. В предисловии к американскому изданию «Демократических идеалов и реальности» Дж. Х. Маккиндер писал: «Цель автора этого произведения состояла в том, чтобы прояснить умы миротворцев в Версале. Может быть, этот труд еще послужит в качестве руководства для тех, кому Объединенные Нации доверят ведение своих мирных переговоров» (Ibid., p. V). Делая теперь главную ставку на Соединенные Штаты Америки, Дж. Х. Маккиндер был озабочен тем, чтобы как можно убедительнее доказать неизбежность и закономерность мирового господства этой страны. Но в обстановке второй мировой войны концепция Дж. Х. Маккиндера нуждалась в подновлении и оно было сделано. Прежде всего, это относилось к оценке позиции США. По мнению Дж. Х. Маккиндера, в новых условиях именно эта страна стала воплощением «морской мощи». Новые соображения были высказаны им в статье «Земной шар и выигрыш мира». Она была опубликована в 1943 г. в июльском номере журнала «Foreign Affairs».

По–прежнему, краеугольным камнем этого последнего геополитического построения Дж. Х. Маккиндера оставалась идея «хартленда»: «Главной целью настоящей статьи является выяснение значения концепции хартленда в свете грядущего мирного урегулирования» (H. J. Mackinder. The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs, 1943, vol. 21, N 4, p. 597). Но его размеры были изменены: на западе - это «широкий перешеек между Балтийским и Черным морями», на востоке граница «хартленда» проходила по Енисею. Территория Восточной Сибири исключалась из «хартленда» и выделялась в отдельную зону, названную Дж. Х. Маккиндером «Леналандом», так как главной речной магистралью этого района являлась р. Лена. Нетрудно заметить, что и в измененном варианте, территория «хартленда» была прежде всего российской (в тот период времени - советской территорией - Л. К.), Но ввиду того, что в период второй мировой войны США,

Великобритания и СССР были связаны союзническими отношениями в рамках антигитлеровской коалиции, Дж. Х. Маккиндер очень сдержанно выражал свои антироссийские (антисоветские) взгляды. Все рецепты, которые он предлагал, предусматривали установление мирового лидерства США после окончания второй мировой войны. Дж. Х. Маккиндера беспокоило то обстоятельство, что «если Советский Союз выйдет из войны как победитель Германии, он станет крупнейшей континентальной державой на земном шаре. Более того, Советский Союз будет располагать сильнейшей стратегической позицией, … поскольку хартленд является естественной крепостью, огражденной поясом пустынь и девственных земель, который простирается от Сахары, далее через Арабскую, Иранскую, Тибетскую, Монгольскую пустыни, Леналанд, Аляску к засушливым районам запада США» (H. J. Mackinder. The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs, 1943, vol. 21, N 4, p. 601).

В условиях послевоенного времени, считал Дж. Х. Маккиндер, «хартленду» может быть противопоставлен только союз держав - «амфибий», то есть «земноводных». К их числу он отнес США, Великобританию и Францию, морская мощь которых должна стать «земноводной». Причем, каждый из участников союза должен будет играть свою роль: Франция станет «предмостным укреплением», Англия - «обнесенным рвом аэродромом», Соединенные Штаты Америки и Канада стали бы индустриальным и сельскохозяйственным районом, поставщиком квалифицированной людской силы. Дж. Х. Маккиндер высказал мысль о необходимости объединения атлантических стран в военный союз с целью размещения его на европейском континенте на границе с «хартлендом» (то есть СССР, сейчас - Россией - Л. К.), так как только через европейские равнины, по его мнению, возможен доступ к этой «естественной крепости». Нетрудно заметить, что эти идеи известного геополитика нашли практическое воплощение в создании после второй мировой войны Североатлантического блока (НАТО) и других военно- политических блоков.

2. 2. Развитие геополитической теории в 20-50-е гг. XX в.

2. 2. 1. Геополитические взгляды Н. Спайкмена

Имя Н. Спайкмена связано с развитием идей Дж. Х. Маккиндера и концепции «баланса сил» применительно к потребностям Соединенных Штатов Америки в годы второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Именно в этот период США стали самой сильной державой в экономическом отношении - на их долю приходилось около 50 % мирового ВНП. Это означало неизбежность выхода США за пределы западного полушария и, следовательно, необходимость для них адекватной глобальной концепции. Такую концепцию и предложил в своих трудах Н. Спайкмен. Наиболее известными работами Н. Спайкмена являются «Американская стратегия в мировой политике»(1942 г.) и «География мира», изданная посмертно в 1949 г. Возможно более точным переводом названия второй книги было бы «География порядка мирного времени», так как Н. Спайкмен в заголовке употребил слово «peace» - мир в смысле состояния, противоположного войне, а не слово «world» - мир в смысле земной шар.

- Николас Джон Спайкмен (1893 – 1943 гг.) родился в Амстердаме, в 1920 г. переехал в США, где стал известен как крупнейший социолог и геополитик. С 1923 г. Н. Спайкмен был профессором престижного Йельского университета, а также организатором и первым директором Йельского института по изучению международных проблем. Целью всех работ Спайкмена, как признавал он сам, являлось «рассмотрение проблемы безопасности страны (те есть США - Л. К.) на основе географических данных для тех государственных деятелей, которые имеют непосредственное отношение к формированию внешней политики государства» (N. J. Spykman. America’s Strategy in the World Politics. N. Y.,1942, p. 5).

Спайкмен считал, что безопасность любой страны определяется ее геополитическим могуществом, которое, в свою очередь, складывается под воздействием десяти факторов:

- Поверхность территории
- Природа границ
- Численность населения
- Наличие или отсутствие полезных ископаемых
- Экономическое и техническое развитие
- Финансовая мощь
- Этническая однородность
- Уровень социальной интеграции
- Политическая стабильность
- Национальный дух (N. J. Spykman. America's Strategy in the World Politics, p. 19).

Разработке проблемы безопасности США посвящена монография Н. Спайкмена «Американская стратегия в мировой политике», которая имеет подзаголовок «США и баланс сил». В этой книге Н. Спайкмен писал, что обеспечить безопасность страны может лишь проведение политики «баланса сил», которая находилась в дипломатическом багаже всех великих держав во все времена. Наиболее успешно этот принцип осуществлялся Великобританией, для которой «континентальный баланс сил был целью внешней политики в течение трех последних веков». Баланс сил, писал Спайкмен, означал «нейтрализацию других государств», рост могущества которых угрожает стране, проводящей политику «баланса сил».

Опираясь на данные главным образом британской истории, Н. Спайкмен пришел к выводу, что политика «баланса сил» движется по замкнутому кругу и проходит стадии изоляции, союза и войны; затем смена партнеров, изоляция, союз, война и т. д. Причем, если война, в которой принимала участие страна, проводящая политику «баланса сил»,

заканчивалась успешно и приносила поражение противнику, она, то есть эта страна, изменяла свою дипломатическую и экономическую поддержку, «покидала своего бывшего союзника, так как он становился сильной стороной, и оказывала поддержку прежнему врагу, так как он становился слабым» (N. J. Spykman. America's Strategy in the World Politics, p. 103, 104). В проведении такой политики «баланса сил» Н. Спайкмен видел высшую государственную мудрость. Трудность при этом заключалась в том, что государству, которое стремилось сбалансировать силы на международной арене, приходится иметь дело с политическими силами, составляющие элементы которых очень динамичны. Быстрое экономическое развитие, новые источники сырья, новая техника, новые виды оружия способствуют усилению мощи государства и в кратчайший срок могут глубоко разделить две страны, которые еще недавно были приблизительно равны. Примеры подобного скачкообразного развития Н. Спайкмен видел в новейшей истории Германии и Японии. Причины второй мировой войны он объяснял тем, что великим державам не удалось вовремя привести в равновесие возросшую мощь этих стран.

Н. Спайкмен трудился над определением «стратегической линии внешней политики США в послевоенное время». При этом он неоднократно подчеркивал, что его рекомендации носят глобальный характер, что Соединенным Штатам давно пора выйти из добровольного заточения в западном полушарии на широкую международную арену и, «изучая зоны потенциальных конфликтов в Старом Свете», привести их в равновесие, выгодное для себя.

Как и его предшественники, геополитики предшествующего периода, Н. Спайкмен предложил свой вариант структурирования пространства. Он признавал, что вопрос об «организации сил впервые был всесторонне проанализирован А. Т. Мэхэном. Однако первым, кто детально изучил отношение между континентальной и морской мощью в глобальном масштабе, был британский географ сэр Х. Маккиндер» (N. J. Spykman.

Geography of the Peace, p. 35). Н. Спайкмен придавал большое значение выбору карт, посвятил этой проблеме целый раздел в одной из своих книг и отмечал, что «когда была опубликована его (то есть Маккиндера - Л.К.) первая карта, она оказалась более чем пророческой… Однако, сегодня карта с Евразийским континентом в центре имеет относительную ценность». Н. Спайкмен считал неправомерным пользоваться лишь старыми традиционными картами, в которых за нулевую линию отсчета брался гринвичский меридиан. Такие карты «обеспечивали срединное положение Европы, вокруг которой группировался весь остальной мир. В эпоху морского могущества, когда Европа распространяла свой контроль на весь мир, такая централизация карты была совершенно правильной». Однако времена политического господства Европы прошли, и « в начале XX в. появились источники силы, которые изменили ее положение единственной детерминанты мировой политики. В западном полушарии и на Дальнем Востоке появились мощные государства, которые становились все более и более независимыми от Европы и имели собственную точку зрения на мир». Вот почему, утверждал Спайкмен, «теперь цилиндрическая карта с Соединенными Штатами, помещенными в центре, дает более ясную картину их положения как относительно Европы, так и Дальнего Востока» (N. J. Spykman. Ibid, p. 13, 15). **(Карты)**

Анализируя возможные последствия географического положения США, Н. Спайкмен писал: «На цилиндрической карте положение США в западном полушарии по отношению ко всему остальному миру можно было бы охарактеризовать как «окружение». Эта угроза «окружения», по его мнению, может привести к самым тяжелым последствиям, поскольку Евразийские земельные массы, а также Африканский и Австралийский континенты в 2, 5 раза больше Нового Света по размерам и в 10 раз больше по населению. Положение США характеризовалось также тем, что к востоку от них располагалась Западная Европа, которая была одним центром силы за счет высокой плотности населения, развитой экономики и технической

вооруженности. «Другой великий центр силы, считал Н. Спайкмен, лежит в Азии, и мощь этого района определяет прежде всего количество населения, здесь проживающего. Для устранения этой потенциальной угрозы для Соединенных Штатов Спайкмен разработал свой план. «Западное полушарие окружено Старым светом со стороны трех океанов - Тихого, Северного и Атлантического, - писал он, - но, поскольку наша планета имеет форму шара, верным является и обратное утверждение, а именно, что Старый Свет окружается Новым». Отсюда следовал только один вывод: Соединенным Штатам следовало взять инициативу в свои руки, окружить восточное полушарие и привести в нужное для себя равновесие центры силы в нем. И здесь Н. Спайкмен обратился к концепции, разработанной Н. Маккиндером, к его идее о «хартленде».

Российские авторы В. А. Колосов и Н. С. Мироненко с полным основанием отнесли Спайкмена к представителям ревизионистского направления в западной геополитической теории (ревизионизм – лат. revisio – пересмотр). Дело в том, что, предлагая свою модель структурирования мирового пространства, Н. Спайкмен действительно использовал схему, предложенную Дж. Х. Маккиндером, но несколько изменил ее. Н. Спайкмен одобрял попытку немецкого геополитика К. Хаусхофера «улучшить» карту Дж. Х. Маккиндера, «указав направления течения рек», а также определив «некоторые районы политического давления, которые проиллюстрировали расположение центров силы» (N. Spykman. Ibid., p. 37, карта № 34). По мнению Н. Спайкмена, К. Хаусхоферу все же не удалось сделать свою карту «настоящей основой для дискуссии, и его собственные упражнения должны были восполнить этот пробел. Изменения, внесенные Н. Спайкменом в схему Дж. Х. Маккиндера на первый взгляд могут показаться несущественными – ведь они касались прежде всего изменения названий. Н. Спайкмен принимал главную идею Маккиндера структурировать мировое пространство, особо выделив Евразийский континент. Американский геополитик просто предлагал отказаться от некоторых эвфемизмов Дж. Х. Маккиндера и предлагал называть

вещи своими именами. В связи с этим Н. Спайкмен писал: «Центральная континентальная равнина по-прежнему может называться хартлендом, но мы должны заметить, что она, фактически, совпадает с политическим пространством Союза Советских Социалистических Республик за исключением Прибалтийских республик, Камчатского и Чукотского полуостровов» (Ibid., p. 37). За хартлендом следовали концентрические круги, ближайший из которых, названный Дж. Х. Маккиндером «внутренним полумесяцем», Н. Спайкмен предложил назвать **«rimland» - «краевые земли»,** так как такое название «более точно определяет характер этого региона». Далее следовали **острова и континенты открытого моря (**off – shore islands and continents) – Великобритания, Япония, Африка и Австралия. Завершали картину «в ее чисто географических факторах океанический пояс и трансокеанический Новый Свет» (Ibid., p. 38, карта из книги Колосова и Мироненко с. 93). Структурированное таким образом мировое пространство, как считал Н. Спайкмен, позволит «рассмотреть в деталях особые регионы, которые мы выделили и проанализировать их значение в смысле их потенциальной мощи и политики глобальной безопасности. Мы должны оценить роль каждой из этих зон, которую они играли в прошлом международного сообщества, так как только в таком контексте будет возможно понять ход второй мировой войны и возможности послевоенного устройства» (Ibidem).

Рассматривая хартленд, Н. Спайкмен не разделял благоговейного преклонения Дж. Х. Маккиндера перед континентальной мощью этого региона, который каким–то мистическим образом постоянно излучал опасность. Н. Спайкмен перевел свой анализ положения и возможностей хартленда в плоскость реальных цифр, достигнутых и ожидаемых показателей экономического развития – промышленного и сельскохозяйственного – военной мощи, развития транспорта. «Реальные факторы русской истории и географии совсем не дают оснований полагать, что хартленд является или будет в ближайшем будущем мировым центром коммуникаций, мобильности и потенциальной мощи». «Центральная низменная равнина Евразийского

континента с ее холодным климатом, на севере граничащая с океаном, покрытым льдами, обуславливает то, что «центр аграрного производства будет оставаться в большей степени в Западной России, чем в центральном сибирском регионе». Хотя СССР принадлежал к числу крупных по площади государств наряду с Канадой, США и Бразилией, но доля пахотной земли, считал Н. Спайкмен, составляла очень малую часть от общей площади по сравнению с вышеназванными странами. **(Карты)**

Что касается такого фактора, как обеспеченность полезными ископаемыми, в том числе нефтью и гидроресурсами, возможности СССР в тот период, по крайней мере, для американского геополитика, были не вполне ясны, хотя значительны и достаточны, чтобы обеспечить независимое экономическое развитие. Н. Спайкмен отдавал должное масштабам усилий по созданию нового центра индустриального производства в восточных районах СССР, но признавал, что «очень трудно приблизиться к полной оценке реального и потенциального значения этого региона» (Ibid., p.39). Он писал, что несмотря на англо – саксонскую «приверженность военно – морской мощи», необходимо признать значение сухопутных фронтов в России и в Китае, так как «высадка в Европе и на острова Тихого океана будет недостаточной, чтобы нанести поражение Германии и Японии» (Ibid., p. 49). Военные успехи СССР, особенно в 1943 г., давали основание думать, что Советский Союз будет важным действующим лицом международных отношений после окончания второй мировой войны. После ожидаемого поражения Японии и Германии, полагал американский геополитик, в силу объективных причин в восточном полушарии единственной реальной силой будет СССР, в западном полушарии – США. Отстаивая необходимость выгодного для Соединенных Штатов «баланса сил» и роли для них «государства – балансира», Н. Спайкмен особое внимание уделял зоне «краевых земель». Контроль над этой зоной, считал он, даст ключ к глобальному контролю. Н. Спайкмен отбросил известную формулу Дж. Х. Маккиндера «кто контролирует Восточную Европу, командует хартлендом; кто правит хартлендом, командует Мировым островом; кто правит Мировым

островом, командует миром» и вывел свою формулу: «Кто контролирует зону окраинных земель, тот командует Евразией; кто командует Евразией, тот управляет судьбами мира» (Ibid., p. 43). В зоне краевых земель Н. Спайкмен предвидел для Соединенных Штатов несколько проблем: 1) В Европе наиболее вероятными силовыми центрами в будущем могли стать Франция, Германия и Восточная Европа. В такой ситуации главная задача для США виделась в том, чтобы не позволить ни одному их этих трех центров силы в Европе установить свой полный контроль.

2) В зоне Индийского океана главным фактором, считал Н. Спайкмен, является рост национально – освободительного движения и главная задача виделась в том, чтобы избежать напряженности между государствами этого региона.

3) На Дальнем Востоке после поражения Японии контролирующие позиции могли перейти к Китаю при достижении им реального объединения страны.

Во всех названных Н. Спайкменом регионах он предполагал для обеспечения сбалансированности, прежде всего, разместить американские военные базы. Такие базы стали бы «противовесом» в зоне краевых земель, как хартленду, так и центрам силы в самой зоне. В связи с этим следует обратить внимание на один фактор, особо выделенный американским геополитиком. Речь идет о развитии авиации вообще, и военно–воздушных сил, в частности. В конце XIX – начале XX вв. поистине коренной переворот в средствах связи и коммуникаций произвели железные дороги, которые изменили геополитическую значимость многих регионов, о чем писал в свое время Дж. Х. Маккиндер. Спустя всего несколько десятилетий аналогичную роль стала играть воздушная мощь. Н. Спайкмен признавал, что «больше морская мощь не может быть эффективной без военно–воздушной мощи», которая, в свою очередь должна располагаться в определенных важных участках краевых земель. «Утверждение военно–морской и военно-воздушной мощи в Гренландии, Исландии и Дакаре, - писал Н. Спайкмен, - явилось бы важным

шагом в процессе обеспечения непрерывного присутствия США в мирном урегулировании».

Именно для «более эффективного контроля в зоне краевых земель», о котором писал Н. Спайкмен, американские политики в послевоенный период создали здесь несколько военных блоков, в том числе НАТО (4 апреля 1949 г. первоначально в составе Бельгии, Исландии, Дании, Канады, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Италии, Турции, Великобритании, Франции и США), СЕАТО (6-8 сентября 1954 г., США, Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Таиланд и Пакистан), СЕНТО (первоначально называвшийся Багдадским пактом, подписанный в несколько этапов в течении 1955 г. – Великобритания, Турция, Ирак, Иран, Пакистан, США были представлены наблюдателем).

Разрабатывая свою геополитическую концепцию, Н. Спайкмен использовал тематические карты, которые сами по себе содержали интересную информацию, прежде всего для аналитиков, занятых решением проблем экономической, политической и военной безопасности (Ibid., p. 20, 21, 26,27,32).

2. 2. 2. Геополитические взгляды К. Хаусхофера

Геополитика стала частью официальной доктрины в нацистской Германии во многом благодаря деятельности К. Хаусхофера. Карл Хаусхофер (1869 – 1946 гг.) родился в Мюнхене в семье профессора. Он стал профессиональным военным, в 1908 - 1910 гг. служил в качестве военного атташе Германии в Японии и Маньчжурии, в 1911 г. вернулся в Германию, в годы первой мировой войны К. Хаусхофер дослужился до чина генерал – майора. После поражения Германии в первой мировой войне, подавляющая часть офицерского корпуса была демобилизована, и К. Хаусхофер начал гражданскую карьеру, став в 1919 г. преподавателем географии в Мюнхенском университете. В 1921 г. ему было присвоено ученое звание профессора географии. С этого времени он начал публикацию своих работ по географии и геополитике. Всего им было

опубликовано более 400 работ, главным образом в журнале «Geopolitik», выходившим с 1924 г. Однако еще до начала первой мировой войны К. Хаусхофер в 1913 г. опубликовал свои геополитические взгляды в книге, написанной под воздействием личных впечатлений от пребывания на Дальнем Востоке. Книга называлась «Дай Нихон. Наблюдения о вооруженной силе великой Японии. Положение в мире и будущее».

В 20–30 - е гг. XX в. К. Хаусхофер много сделал для популяризации геополитики. Благодаря его активной деятельности курс геополитики был включен в учебный план Мюнхенского университета. После прихода к власти нацистов геополитика была объявлена обязательным предметом во всех учебных заведениях Германии. Знакомство К. Хаусхофера с нацистами состоялось в начале 20 – х гг. XX в. Один из видных деятелей нацистской партии - Рудольф Гесс был адъютантом К. Хаусхофера в годы первой мировой войны, а после ее окончания стал его студентом в Мюнхенском университете. Через Гесса К. Хаусхофер познакомился с А. Гитлером. В связи с этим К. Хаусхофер писал: «Гитлера я впервые увидел в 1922 г. в качестве одного из многих народных трибунов, которые выходили тогда на поверхность из перегретой немецкой народной почвы, из различных союзов и движений».

После провала «пивного путча», организованного нацистами в ноябре 1923 г., когда НСДАП была запрещена, а ее лидеры осуждены и находились в Ландсбергской тюрьме, К. Хаусхофер временно предоставил Р. Гессу убежище в своем поместье в Баварских Альпах. Когда Гесс и Гитлер находились в тюрьме, К. Хаусхофер посетил их, и среди прочих книг, переданных им, была «Политическая география» Ф. Ратцеля. Свое пребывание в тюрьме Гитлер использовал для изложения своих взглядов в книге под названием «Mein Kampf» - «Моя борьба». В этой книге геополитика была объявлена официальной доктриной нацистов, наряду с расовой теорией, антисемитизмом, идеями пангерманизма и др. Есть все

основания полагать, что включение геополитики, как составной части нацистской идеологии, произошло не без воздействия К. Хаусхофера.

После прихода нацистов к власти и до 1940 г. положение К. Хаусхофера в нацистской иерархии было довольно прочным. В 1933 г. на базе семинара по геополитике при Мюнхенском университете был создан Институт геополитики, директором которого он стал. В 1938 г. он создал и возглавил «Национальный союз немцев, проживающих за границей». Этот союз организовал во всех странах мира около 3 тыс. клубов, которые были каналом воздействия нацистской Германии на немцев, проживающих за ее пределами. С целью подчинения нацистской Германии зарубежных немцев по инициативе К. Хаусхофера во всех германских университетах были открыты политические факультеты, а при них внешнеполитические отделения. В их задачи входила подготовка дипломатов, журналистских кадров, пропагандистов, чиновников колониальной администрации и специалистов по делам национальных меньшинств в странах, которые нацистская Германия намеревалась контролировать.

С 1934 по 1939 гг. К. Хаусхофер занимал пост президента Германской академии по изучению и сохранению германизма. Положение К. Хаусхофера изменилось после перелета Р. Гесса в Англию - немецкий геополитик впал в немилость. Кроме этого, сын Карла Хаусхофера Альбрехт Хаусхофер участвовал в заговоре военных против Гитлера 20 июля 1944 г. Многие заговорщики, в их числе Альбрехт Хаусхофер, были арестованы и расстреляны в апреле 1945 г. в берлинском гестапо. Сам Карл Хаусхофер в 1944 г. был заключен в концлагерь Дахау. Таким образом, его положение в конце второй мировой войны было двусмысленным. После завершения военных действий в Европе К. Хаусхофер был причислен союзниками к «видным нацистам» и арестован в американской зоне оккупации Германии.

Находясь под арестом, Хаусхофер изложил свои взгляды в своей последней работе «Апология немецкой геополитики» (ноябрь 1945 г.). Если раньше К. Хаусхофер превозносил Гитлера, сейчас он объявил его «недоучкой, который никогда правильно не понимал принципов геополитики, сообщенных ему Гессом», что нацизм использовал геополитику, вульгаризируя и извращая основные положения этой науки. Он писал также, что все написанное им и опубликованное после 1933 г., было сделано под давлением и нажимом со стороны нацистов, что в действительности цели немецкой геополитики аналогичны целям американской геополитики, а именно: «понять возможности развития народа и его культуры на его земле в пределах его жизненного пространства и таким образом предотвращать конфликты в будущем».

Такая позиция вывела К. Хаусхофера из числа немецких военных преступников, и он был выпущен на свободу. Но в ходе работы Международного военного трибунала в Нюрнберге К. Хаусхофер был вызван в качестве свидетеля в связи с вопросом о деятельности Немецкого союза зарубежных немцев. Однако за несколько дней до назначенной даты, 10 марта 1946 г. Карл Хаусхофер и его жена покончили жизнь самоубийством.

2. 2. 2. 1. К. Хаусхофер о значении геополитики

Геополитические взгляды К. Хаусхофера сформировались под влиянием нескольких факторов. Сам он признавал, что на него оказали влияние работы его предшественников – Ф. Ратцеля, Р. Челлена, Дж. Х. Маккиндера, А. Мэхэна и др. С другой стороны совершенно очевидна тесная связь между геополитическими рассуждениями и построениями К. Хаусхофера и современной ему ситуацией на международной арене. Доминирующим влиянием здесь было, бесспорно, положение Германии после первой мировой войны. Унизительные и суровые условия Версальского мирного договора,

навязанные Германии странами Антанты, делали проблему внешнеполитического положения Германии особенно болезненной для всех немцев. Это обстоятельство использовали различные политические силы в стране. Наиболее успешно «Версальскую карту» разыгрывали националистические, правые силы в Веймарской республике.

К. Хаусхофер разделял широко распространенное в Германии мнение о «невыносимости» существующего положения и необходимости «трезвого понимания истинного положения дел самим пострадавшим народом» (К. Хаусхофер. Границы в их географическом и политическом значении. – В кн.: Хаусхофер. К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001, с. 228). «Истинность положения», считал К. Хаусхофер заключалась в том, что «во времен'ном отношении» Германия лишилась в 1918 г. «более трех столетий пространственного развития» (Там же, с. 227). К. Хаусхофер писал о германском государстве, уподобляя его «древним стенам, перед которыми лежат выпавшие их части», т. е. существующие уже независимо от Германии государства. К числу таких «выпавших камней» К. Хаусхофер относил Нидерланды, Швейцарию, Люксембург, Эльзас – Лотарингию, епископства Мец, Туль, Верден». «Устье Вислы и Мемель, …могли бы рассматриваться подобно остаткам немецкой позиции в Латвии, Курляндии, Эстонии» (Там же, с. 231, 234, 235). К. Хаусхофер считал, что только Восточная Пруссия – «единственная все еще не обвалившаяся руина огромного германского поселенческого выступа в балтийском ландшафте» (Там же, с. 235). К числу немецких территорий К. Хаусхофер относил и Австрию, которую называл Восточной провинцией – Ostmarken – единение с которой могло быть обеспечено за счет «прочного сознания единства ландшафта» (Там же, с. 241). К. Хаусхофер с горечью писал о разрушении некогда величественного «прежнего державного здания» германского государства.

В целом К. Хаусхофер характеризовал положение Германии как довольно мрачное, оставляющее «впечатление всеобщего и едва ли преодолимого состояния упадка, повседневной утраты культурного, языкового

и народного достояния …» (Там же, с. 228). Используя библейскую символику, К. Хаусхофер писал, что «эти камни, отвергавшиеся строителями … вновь станут угловыми камнями, на которых будет надежно покоиться новое здание Европы, и прежде всего ее Центра!» (там же, с. 238). Таким образом, К. Хаусхофер в такой иносказательной форме предлагал вернуть Германии ее имперские позиции в Центральной Европе. Для этого, считал он, предстояло «передвинуть разного рода камни, дабы те не давили своей тяжестью на замурованную жизнь, как сегодня сдавливают ее со всех сторон границы немецкого народа и государства» (Там же).

Для достижения поставленных целей К. Хаусхофер предлагал использовать в качестве основного метода – **геополитику.** «Цель геополитического способа рассмотрения проблем, - писал Хаусхофер, - представить функционирующие в определенном жизненном пространстве жизненные формы политики, обусловленные одновременно стабильной географической средой и динамикой исторического процесса». Преимущество геополитического подхода, считал К. Хаусхофер, заключалось в том, что, в отличие от всех других, он позволял видеть проблемы «независимо от какой – либо партийно–политической установки и мировоззренческой односторонности, пользуясь естественно–научными и биологически корректными методами» (Там же, с. 240).

Главное предназначение геополитики, по мнению К. Хаусхофера, - геополитическое воспитание, геополитическое обучение как политических лидеров и работников внешнеполитической службы, так и геополитическая подготовка общественного мнения. Он выделял **два метода геополитического воспитания – прямой и косвенный.** Прямой метод геополитического воспитания предполагал формирование общественного мнения для выявления «неожиданных возможностей сотрудничества» на международной арене, когда страна «сталкивается с тем же насилующим культуру, власть и экономику противником» (Там же, с. 243). К. Хаусхофер был убежден, что именно геополитический метод может обеспечить «потенциальную общность всех

народов, испытывающих такое же как и мы, давление в какой бы части Света они не жили» (Там же, с. 242). В конкретной обстановке второй половины 1920-х гг., как считал К. Хаусхофер, «в условиях общей угнетенности рано или поздно между Советским Союзом, Китаем и паназиатами, а также между другими угнетенными, униженными, эксплуатируемыми и каждодневно оскорбляемыми народами (судя по всему К. Хаусхофер подразумевал под ними прежде всего Германию - Л. К.) возникнет чувство единения и как следствие возможность совместных действий» (Там же, с. 247). Другими словами, прямой метод геополитического воспитания был призван обеспечить для любой страны отношения сотрудничества с близкими по положению на международной арене странами. К. Хаусхофер полагал, что немецкая школа геополитики также должна «проявлять острую бдительность, чтобы попытки разорвать на куски «подмандатные территории» и отдать их в руки держав – грабительниц, ловко выдернув из – под международного контроля, были своевременно доведены до сознания мирового общественного мнения …здесь настоятельно необходим бдительный геополитический контроль» (Там же, с. 241).

Метод косвенного геполитического воспитания, как считал К. Хаусхофер, должен «тренировать инстинкт и интеллект в направлении сохранения пограничной и жизненной формы родины» на примерах других стран, например, Индии или Восточной Азии на любом историческом отрезке времени. К. Хаусхофер писал: « … здесь содержится предостаточно уроков, прямо или косвенно пригодных для использования в процессе отвечающей немецким интересам работы …, но извлечение этих уроков требует, разумеется, большой осторожности, знания местных персоналий и реальных условий; и как результат тут должна быть приведена в действие геополитическая выучка» (Там же, с.243). Первым шагом в этом направлении могли стать хорошие переводы удачно подобранных работ по геополитике иностранных авторов и публикация их в Германии. К. Хаусхофер полагал, что геополитическое воспитание необходимо также и по внутриполитическим соображениям, так как геополитические занятия, «из какой бы партийной позиции эти занятия не

исходили, могут принести пользу каждому члену народной общности и представляют собой верную гарантию того, что поборники самых различных мировоззрений могут объединиться на основе ясных и бесспорно полезных принципов» (Там же, с. 242).

К. Хаусхофер считал геополитику совершенно необходимой Германии, если страна «вновь хочет занять место, подобающее ей соответственно численности ее населения, а также культурным, военным и хозяйственным (но, увы, не политическим) достижениям среди народов, к которым она теперь уже не относится из – за недостатка силы, пространства и самоопределения» (Там же, с. 243-244). Он писал, что для возрождения Германии, ей необходимо обрести «уважение, честь и силу», которые она потеряла не в самой войне, а из–за способа, которым германский народ ее недостойно закончил. Это возможно, утверждал немецкий геополитик, только благодаря росту и возрождению «в обширной народной среде подорванных, отравленных и требующих обновления, но не поддающихся измерению ценностей народного духа; этому помогает и учит обозревающий мир геополитический способ рассмотрения …; он каждый раз ведет от сумеречного состояния (сознания) и незнания к знанию и по этому единственному пути–к политическому умению и воле, прежде всего к утраченной безопасности …» (Там же, с. 244).

В своих работах К. Хаусхофер широко использовал такие понятия, как «жизненное пространство», «кровь и почва», «власть и пространство», «пространство и положение», «большое пространство», «культурный ландшафт», «немецкая народная почва», «народный дух», «политическая жизненная форма», «культурная воля», «народная и культурная почва», «геополитика», «геополитический».

7. 2. 2. 2. К. Хаусхофер о границах и их политическом значении

Свои взгляды на политическое значение границ Хаусхофер изложил в 1927 г. В работе под названием «Границы в их географическом и политическом значении». В предисловии к этой книге объемом более двухсот страниц К.

Хаусхофер писал о ней как о первопроходческой – «такое … рассмотрение на основе геополитического мышления предпринимается здесь впервые» - хотя и признавал, что в политической географии опирался на плечи Ф. Ратцеля и О. Маулля. (Там же, с.10). Этот реверанс в сторону Ф. Ратцеля не уменьшает необоснованного самомнения К. Хаусхофера. Именно Ф. Ратцель первым из геополитиков писал о границах. И, если соответсвующий раздел в двухтомном труде Ф. Ратцеля «Земля и жизнь» (т.2,с.625-636) носил более академический характер, то в «Политической географии» (1897 г.) раздел VI (гл. 18. Сущность и развитие политической границы; гл.19. Естественные границы; гл.20. Границы как периферический орган; гл.21. Граница и очертания страны) написан вполне в духе «геополитического мышления». Вышедшая спустя тридцать лет после «Политической географии» Ф. Ратцеля работа о границах К. Хаусхофера свободна от академизма «отца геополитики», написана тяжелым, «псевдо-научным» стилем и имее ярко выраженный политизированный характер.

Как отмечалось выше, изменения, произошедшие в мире и в положении германского государства, сформировали позицию К. Хаусхофера. Читатель неоднократно сталкивается в книге с четко сформулированной антифранцузской позицией и неоднократными ссылками на тяжелые условия Версальского мирного договора. Из–под пера К. Хаусхофера Франция предстает «склонной к наступательности и злоупотреблениям» жизненной формой, которая отрывает «клочки земли у сопредельных государств и народов, хитростью выманивает или завладевает ими, воспользовавшись глупостью соседей» (Там же, с. 155). Поскольку проблема границ теснейшим образом была связана с проблемой контролируемого данной страной пространства, К. Хаусхофер настойчиво проводил мысль о несправедливом для Германии разделе жизненного пространства «сообразно плотности населения, жизненной энергии, культурному и экономическому вкладу ее обитателей» и, следовательно, несправедливых границах. Такие несправедливые границы, по его мнению, рано или поздно должны были подвергнуться изменениям в силу

действия открытого им **«коммуникационно-географического з а к о н а»,** который выражался в **«тенденции растягивания мировых коммуникаций:** стремительный, восстающий против препон дух идут рука об руку с торговцем … против пограничных и таможенных окаменелостей, против ограниченных уже в момент сооружения, во многом устаревших, изживших себя форм и преград любого рода» (Там же, с. 90).

Вслед за своими предшественниками – геополитиками, К. Хаусхофер писал о границе, как об «одной из жизненных форм», «периферическом органе», где постоянно идет борьба за существование. Для немецкого геополитика граница – «плацдарм борьбы, … непрерывно наступающее или отступающее замкнутое, но не сохраняющееся застывшим образование! Пограничная борьба между жизненными формами на поверхности Земли становится при ее перенаселенности не мирной, а все более безжалостной» (Там же, с. 55). К. Хаусхофер объявил постоянство границ закостенелостью, которая «враждебна жизни. В своей завершающей фазе неподвижность означает смерть, отмирание и из этого состояния», оптимистически для Германии утверждал К. Хаусхофер, «в конце концов может снова забить фонтаном новое лишь после полного устранения прежних жизненных форм» (Там же, с. 33).

Неоднократно подчеркивая несправедливость для Германии условий Версальского мирного договора – «чрезмерную жестокость договоров» - К. Хаусхофер связывал «свои надежды на светлое будущее в огромной мере с разрушением границ, установленных несправедливым насилием» (Там же, с. 247). Оценивая современное ему положение на международной арене и перспективы мирового развития, он писал, что «время … нового перераспределения силы на Земле с окончанием мировой войны не закончилось, а лишь началось, повсюду разворачивается лихорадочная геополитическая деятельность, затрагивающая как раз проблемы границ. Мы должны, - продолжал немецкий геополитик, - в современном состоянии

проблемы немецких границ в случае перемен почти ничего не потерять, зато вернуть очень многое» (Там же, с. 244).

К. Хаусхофер категорически возражал против представления границы в качестве некоей «бестелесной черты», некоего зафиксированного на бумаге буквами и цифрами понятия. Опираясь, как он сам писал, на «научные методы политической географии и геополитики» целесообразно выделять в качестве границы незаселенное пространство – **анэйкумену** (Эйкумена/ ойкумена – греч. oikumene – населяю, территория Земли, постоянно заселенная человеком). Именно необитаемые земные пространства создавали безопасность для народов, населявших соседнюю Эйкумену. К. Хаусхофер называл такие границы «хорошими», так как именно в анэйкумене «возникают прочные, защищенные границы, которые сохраняются тысячелетиями или, по крайней мере, вновь возрождаясь, всегда доказывают свою разделительную способность». К. Хаусхофер с сожалением отмечал, что германскому народу довелось пережить страдания, так как его «жизненное пространство в меньшей степени, чем почти у всех других великих народов Земли, было защищено такими границами» (Там же, с.80).

К. Хаусхофер подчеркивал, что разные народы воспринимали одну и ту же территорию анэйкумены по-разному. Например, для древних греков черноморское побережье и Таврия (Крым) – место ссылки, а для российских императоров – райское место для отдыха, где были возведена царская резиденция. Но существовавшие синхронно по времени народы могли по-разному воспринимать одну и ту же территорию. В качестве примера К. Хаусхофер использовал следующую ситуацию. «Почему, - задавал он вопрос, - русским удалось в баснословно короткое время пройти вдоль северной анэйкумены через Сибирь и достичь Тихого океана, создать громадное имперское образование, которое проникло в американское пространство вплоть до бухты Сан-Франциско? Решающим был все тот же факт, что продвигавшийся в Северную Азию русский не считал эти пространства незаселенными и поэтому проникал туда, в то время как другие крупные

народы мира, в том числе восточноазиатские, с чьим жизненным пространством он вскоре соприкоснулся, считали их непригодными для жизни, не имеющим ценности пространственным владением» (Там же, с. 60).

Несомненно, под влиянием политических реалий 1920-1930-х гг., прежде всего созданной по Версальскому мирному договору Рейнской демилитаризованной зоны, как буфера между Германией и Францией, К. Хаусхофер отрицательно относился к понятию **«б у ф е р а»,** когда речь шла об организации границы. Он считал это понятие опасным, так как буфер «не принадлежит органически к целому, может быть отторгнут от него извне без существенного ущерба» (Там же, с. 92).

Помимо пространства анэйкумены в качестве границы К. Хаусхофер выделял море. Однако, морская граница, считал он, «означает и благо, и опасность». Эта двойственность проистекала из того, что море обладало и соединяющей, и разъединяющей силой. Вслед за Ф. Ратцелем К. Хаусхофер писал, что море всегда было «главным носителем общения, ареной власти». Морские народы, полагал он, всегда обладали пограничным инстинктом на моря». Этим качеством обладали крупные островные государства, «определяемые океаном жизненные формы Земли: Афины и Венеция, Британия и Нидерланды, Япония, а также Соединенные Штаты с момента их поворота к тихоокеанской морской мощи» (Там же, с. 77). К. Хаусхофер с сожалением констатировал, что такой инстинкт отсутствует у северогерманцев. Он объяснял это тем, что «островные народы формируют у себя чувство границы, так как они гораздо резче видят побережье против побережья» (там же, с. 115).

Представляет большой интерес типологии границ, предложенные К. Хаусхофером.

I. К. Хаусхофер признавал, что при попытке упорядочить и типизировать многообразие сухопутных границ, необходимо принять во внимание в качестве отправной точки **«борющийся дуализм: в р а ж д е б н о с т ь о т н о ш е н и я м и н е о б х о д и м о с т ь о т н о ш е н и й»**. Для Германии ситуация осложнялась тем, что, по его мнению, немецкий народ

выступал как молодой по отношению к романским народам и как зрелый по отношению к «миру Востока», очевидно понимая под Востоком соседей Германии на востоке – славянские народы. «Это было трагедией немецкого народа, писал он, - который вышел на сцену как более молодой среди зрелых или как более зрелый среди молодых, обеими сторонами принимаемый, … нигде не понятый справедливо …Отсюда проистекает его внутренняя трудность прийти к соглашению о надежных границах. Множество речей о хороших и плохих, благоприятных и неблагоприятных границах создают у него в конечном счете скорее путаницу, чем ясность» (Там же, с. 80-81). Чтобы преодолеть эту путаницу, К. Хаусхофер, «исходя из научной точки зрения», выделил следующие границы:

- согласованные
- компромиссные
- несостоятельные
- сообразующиеся с природными рубежами
- спорные
- разорванные
- таящие напряженность
- вызывающие соблазн

Примером «искушающих соблазнов» К. Хаусхофер считал наличие полезных ископаемых: « каменный уголь, калий, железная руда …, нефть вызывали соблазн, как в других местах – золото, никель …, цинк …, с последующими перемещениями границ» (Там же, с. 81).

II. Еще одна типология границ, где критерием выступало «качество границ», выглядела следующим образом:

- н а с т у п а т е л ь н ы е г р а н и ц ы – это границы, «продвинутые вперед, ставшие опорным органом с военно-географической точки зрения. Примерами подобных границ Хаусхофер считал Гонконг и Коулун по отношению к Южному Китаю; Пешавар по отношению к Восточному Ирану;

река Рио – Гранде для Мексики; а для Германии 1920-х гг. – город Страсбург» (Там же, с. 147).

- к предыдущей группе примыкала **граница - начеку** – это высокоорганизованная, насыщенная коммуникациями, всегда успешно продвигающаяся и развивающаяся граница;

- **граница равновесия** могла быть создана только при обоюдном понимании двух государств с обеих сторон, имеет также подвид **«спокойная, инертная граница»,** которая проходит обычно в анэйкумене.

- **укрепленная граница** часто имеет крупные оборонительные сооружения с обеих сторон и очень близка к «границе начеку». Отличие между ними в том, писал К. Хаусхофер, что в случае «границы начеку» «основу составляют добротно отстроенные долговременные укрепления: крепости не могут маршировать!». Укрепленная же граница «предполагала подготовку коммуникаций, проложенные железнодорожные пути и уже подведенные к чужим крупным рекам средства для наведения мостов» (Там же, с. 149).

- **распадающаяся граница -** самый худший, по мнению К. Хаусхофера, вид границы. Ее характерными чертами были «разоружение, открытость для проникновения, подрыва, вылазок, вторжений, дезорганизация». Такая граница, считал немецкий геополитик, обычно могла быть результатом «разлагающего влияния … более сильной жизненной формы» (Там же, с. 149). В этом последнем описании нетрудно разглядеть границы Германии после первой мировой войны.

III. К. Хаусхофер писал также о правомерности деления границ на **искусственные и естественные,** а также на **границы по политической важности, величине и ценности пространств, подлежащих разграничению.** К искусственным границам он относил внутренние таможенные границы, финансовые границы, военные, укрепленные, правовые, морскую таможенную

границу, границу территориальных вод, границу между прибрежным, внутренним рыболовством и рыболовством в открытом море – т.е. границы, созданные человеком, и подчеркивал, что все они в новейшее время играют важную роль. Отчасти искусственными К. Хаусхофер считал границы государств, земель, провинций, округов, границы городских и сельских поселений, так как «они в сущности относительны, ибо могут быть изменены извне в результате соответствующего международно-правового, государственно-правового процесса и местного законодательства буквально одним росчерком пера» (Там же, с. 126).

«Естественными» для К. Хаусхофера были границы частей Света, так как это были «границы пространства самого крупного масштаба» - «только охватывающие Землю планетарные крупные формы … имеют право постоянно разделять большие части Земли» (Там же, с. 128-129). Но при таком подходе, признавал К. Хаусхофер, могло уменьшиться значение некоторых известных в истории районов, за которые длительное время велась упорная борьба: Босфора, Гибралтара, зоны Суэцкого и Панамского каналов.

Так как достижение пространства крупного масштаба было делом труднодостижимым и, следовательно, неизбежным становилось соседство с другими государствами, К. Хаусхофер ставил во главу угла проблему поддержания границы в боеспособном состоянии. Решение этой проблемы, по его мнению, зависело от «тщательной, кропотливой работы **в с е х** в государстве, …от возрождения чувства границы у всех …» Для Германии, как считал К. Хаусхофер, роковым в годы первой мировой войны явилась передача проблем обороны исключительно военным ведомствам – армии, Генеральному штабу, военно-морскому ведомству, между которыми обнаружились «исключительно ведомственная способность и стремление к разладу» (Там же, с. 208, 209). Заслуживающим внимания немецкий геополитик считал опыт Японии в годы русско-японской войны, когда наряду с военными ведомствами была создана Комиссия по обороне страны. Главная цель такой организации заключалась в обеспечении координации военных ведомств, отслеживания

общественного мнения и настроений в обществе, контакты с прессой. В связи с этим К. Хаусхофер считал важным для действенной пограничной обороны «вначале … пробуждать у населения волю к поддержанию границы, затем волю к расширению в ареале народной земли, связанной с оружием духа, применение которого должно предшествовать любому другому в защите границы» (Там же, с. 209).

К. Хаусхофер утверждал, что стимулом к работе должно стать существующее несоответствие «между областью расселения немецкого народа и границами немецкого государства». При этом, характеризуя западные и восточные границы, К. Хаусхофер подчеркивал различие между ними: «органическая западная граница немецкой народной и культурной почвы и языковой области, относительное постоянство западной языковой границы и многократно изломанная, протянувшаяся тремя выступами, подвижная восточная граница … с ее доходящими до Волги рассеянными поселениями». Все вышеизложенное весьма недвусмысленно определяло главное направление «спасительных перемен» для ныне живущего поколения. Этот резкий контраст между западными и восточными границами Германии, по мнению К. Хаусхофера, был доказательством «напряженного положения» Германии в Центральной Европе и «невыносимости длительного существования нынешнего положения» (Там же, с. 228).

К. Хаусхофера тревожила беспечность его соотечественников, которые не видели в границах Германии после первой мировой войны «примеры всех видов опасных границ или пограничной напряженности». Он уподоблял немецкий народ провинциальному филистеру (филистер – человек с узким обывательским кругозором и ханжеским поведением – Л. К.), «мнящему себя и свое государство всегда счастливыми». Отсутствие у немцев представлений о реальной опасности, утверждал К. Хаусхофер, привело к отсутствию у них «инстинкта границы», в то время как у других народов этот инстинкт «воспламеняется сам собой при первых же признаках внешнеполитической нестабильности, проявляясь как подлинная чуткость даже при отдаленной

угрозе» Там же, с. 230). Причины подобного положения дел К. Хаусхофер видел в особенностях германского жизненного пространства, много веков существовавшего в условиях раздробленности и внутренних границ, а также в этнопсихологическом и моральном настрое немецкой нации. Для преодоления этих негативных моментов, по мнению К. Хаусхофера, был нужен «единодушный, целостный взгляд всех слоев населения, понимание недостаточности нынешнего жизненного пространства и несостоятельности его нынешних границ. Он может быть достигнут, - писал немецкий геополитик, - лишь благодаря тому, что весь народ будет воспитан не на тупом чувстве давления недостаточного жизненного пространства, нехватки воздуха, мучительной скученности, а на осознанном чувстве границы во всем ее охвате» (Там же, с. 110). Такому воспитанию осознанного чувства границы и должна была служить геополитика вообще и собственные труды самого К. Хаусхофера, в частности.

2. 2. 2. 3. К. Хаусхофер о панидеях в геополитике

К. Хаусхофер обратился к решению одной из основных задач геополитики - структурированию пространства. Каждый из его предшественников предлагал свой вариант. Внес свой вклад и К. Хаусхофер, разработав **к о н ц е п ц и ю п а н и д е й.** Под панидеями немецкий геополитик понимал **охватывающие целые народы ш и р о к и е ц е л и,** которые развиваются в пространстве «в понятных, имеющих мировое политическое значение формах» (Хаусхофер К. Панидеи в геополитике. – В кн.: Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет, с. 253). Он подчеркивал, что панидеями могут быть признаны только те, которые «возвысившись над откровенно завоевательским и эксплуататорским мышлением, выступали носителями культурных миссий и были обращены фактически **к о в с е м,** а не только к одержавшему верх господствующему слою» (Там же, с. 256). К. Хаусхофер понимал под словом «пан» «народный дух и земное пространство –

первые основные понятия, связанные с осуществлением панидей самостоятельными государственно–политическими образованиями» (Там же, с. 266). На реальное воплощение панидей влияли такие факторы, как время и место их появления; их идеологическая или рационалистическая основа; масштабность пространства их возникновения – малое, стесненное пространство, как в Европе, или редко заселенные территории Азии и Австралии. К. Хаусхофер считал, что по мере практического воплощения панидей, они сразу же становятся объектом изучения геополитики, поскольку именно геополитика исследует «определяемые Землей, происходящие на ее почве процессы при каждом воплощении власти (силы) в пространстве, ее разделении, перераспределении, динамике …» (Там же, с. 253). Цель своей работы К. Хаусхофер видел в изучении сущностных, обусловленных природой черт, панидей, их долговременность, составление схемы распространения панидей, возможные и реальные размежевания и их пересечения; возможность возрождения панидей прошлого и их возможное политическое значение для всего мира в новых условиях.

К. Хаусхофер писал, что исторически первой формой панидей являлись сухопутная (континентальная) и морская панидеи, и наличие этого «континентально-океанического противоречия» обнаружило себя еще в древности. Доказательством этого были греко-персидские войны (500-449 гг. до н. э.), которые велись объединенными силами древнегреческих полисов, бывших символом морской панидеи, и Персидской державой, бывшей сухопутной империей. К. Хаусхофер считал, что именно Персидская держава может быть названа первой мировой империей, «ибо она первая соединила друг с другом три главных исторических народных ядра человечества – европейское, индийское и восточноазиатское, хотя и лишь путем контактов с окраинными землями и преходящим включением окраинных ландшафтов» (Там же, с. 266).

Преемником власти Персидской державы К. Хаусхофер считал империю Александра Македонского, слабость которой при всем блеске его походов, он объяснял тем, что Александр совместил несовместимое:

«центральный ландшафт обширной степи и периферийное восточно – средиземноморское побережье и островной мир эллинов–две разноустремленные пространственные стихии» (Там же, с. 266-267). Следующая по значимости панидея, по мнению К. Хаусхофера, воплотилась в Римской империи и ее победах и влиянии на окружающий мир. Немецкий геополитик отмечал, что признание Римской державы мировой несколько преувеличено и несет на себе явно европоцентристский подход, и более правильным было бы существенное уменьшение масштаба панидей в древности.

Равивая мысль о морском пространственном мышлении и морских панидеях, К. Хаусхофер вступал на поле, активно обработанное его предшественниками. Пальму первенства в изучении противостояния континентальной и морской панидей, как одного из сильнейших долговременных мотивов в истории человечества, К. Хаусхофер отдал не А. Мэхэну. а Дж. Х. Маккиндеру. Его доклад «Географическая ось истории» К. Хаусхофер назвал «гениальным», предложенную им первую глобальную геополитическую модель – «одной из первых солидных геополитических и безупречных в географическом отношении карт», а заседание Королевского географического Общества в Лондоне, где в 1904 г. выступил Дж. Х. Маккиндер – «одним из первых научных форумов планеты» (Там же, с. 312).

Задолго до К. Хаусхофера мыслители и геополитики в разное время и в разных странах писавшие о морских и континентальных народах, высоко оценивали качества морских народов. К. Хаусхофер присоединил свой голос к этому хору, когда писал, что «океанический человек более открыт судьбоносным учениям, чем косный континентальный, более проницателен в понимании возможностей пространства. Это является основой способности океанических народов при крайне малой численности действовать с максимальным эффектом. В этом и основа того, почему имперские образования, равно как и панидеи, опирающиеся на прибрежные и

талассийские силы, легче претворяются в жизнь» (Там же, с. 304) (Греческое слово – Thalassa – море).

Вслед за Ф. Ратцелем и другими немецкими авторами К. Хаусхофер писал о Срединных и внутренних морях, об их значении как «естественных воспитателях панморских взглядов» и силы, способной «пробудить имперские идеи, равно как и панидеи» (Тма же, с. 308, 302). Дополнительно к средиземным морям, выделенным Ф. Ратцелем, К. Хаусхофер отнес к ним Балтийское и Северное море в северо - западной Евразии, Красное море и Персидский залив в юго – западной Евразии. К. Хаусхофер развил также идею о значении Тихого океана с его «сближающей народы способностью» и считал, что «в качестве морской панидеи в духе нашего времени мы должны признать лишь пантихоокеанскую» (Там же, с. 306).

К. Хаусхофер считал, что «главными выразителями развития панокеанского мышления являются северогерманцы», однако с сожалением отмечал, что его соотечественники – «немцы не поняли не только современных и будущих океанских панидей, но и отношение к морю вообще», доказательством чего было сокращение береговой линии со времен Гогенштауфенов – императоров Священной Римской империи с XII в. и до 20-х гг. XX в. с более чем 5 тыс. км до немногим более 1 тыс. км. (Там же, с. 305).

В вопросе классификации панидей К. Хаусхофер не ограничился их разделением на морские и континентальные. Он делил **панидеи** также на **эволюционные** и **революционные.** К эволюционным панидеям он относил пантихоокеанскую и панамериканскую идеи, а также большинство «наднациональных» объединительных взглядов, исходящих от островных народов и островных государств. Что касается революционных панидей, их главным центром, по мнению К. Хаусхофера, были революционные Россия, Китай и Индия, а их главным источником – «антагонизм в положении цветных и белых (народов – Л. К.) в мире» (Там же, с. 258-259). Кроме этого К. Хаусхофер выделял панидеи по частям света: пан-Азия, пан-Австралия, пан-Африка, пан-Америка и пан-Европа. Он отмечал, что первым государственно-

правовым объединением в масштабах континента стала **А в с т р а л и я.** Первым международно-правовым объединением, создавшим совместные консультативные органы, стала **п а н - А м е р и к а,** приняв доктрину Монро и создав Организацию американских государств. Идеей **п а н – А ф р и к и** могла бы стать идея «расовой эмансипации», так как большая часть пространства Африки во времена К. Хаусхофера была поделена между Британской империей, Францией, Бельгией, Португалией и Италией. К. Хаусхофер считал, что реальному обособлению названных частей света или континентов на основе воплощенных панидей должно было способствовать развитие транспортных систем и связи в меридиональном направлении Север – Юг и в направлении Восток – Запад, то есть по параллелям. Однако, одних технических средств, по мнению К. Хаусхофера, было бы недостаточно. Их следовало подкрепить пропагандой и агитацией в надлежащих масштабах: «Мы видим, что геополитическая польза крупных транспортных магистралей, - писал он, - … играет огромную роль в возможности образования панидей по отношению к частям Света в старом стиле. Эта роль не умаляется большей рационализацией благодаря железным дорогам, телеграфу, авиасообщению. Ибо чем сильнее становится влияние большинства народов на политическое формирование населенных пространств, а также при претворении в жизнь панидей, тем больше мы ощущаем потребность в ясной, убедительной поддержке его мировидения посредством фильмов, наводящих карт, где показ главных силовых линий сочетается с методами популярного ознакомления масс» (Там же, с. 285).

Особую тему представляли **п а н - А з и я** и **пан – Европа**. К. Хаусхофер считал, что Азия, бывшая «колыбелью народов, из бескрайних степей которой поднимались одна за другой великие империи», ближе всего в процессе исторического развития подошла к объединению. Но К. Хаусхофер задавал вопрос: «Не слишком ли велика Азия, чтобы в состоянии выдвинуть одну панидею и придать ей образ?». В первой трети XX в. пробуждающийся азиатский мир явил, по его мнению, **панарабскую, великокитайскую**

(дальневосточную), ближневосточную и паниндийскую идеи. Что касается идеи **п а н - Е в р о п ы,** для К. Хаусхофера, как и для других геополитиков, главная трудность заключалась в том, чтобы провести убедительную границу между Европой и Азией. Он был решительно не согласен считать пологие склоны Уральских гор границей между двумя частями света. Не согласен он был и с точкой зрения рассматривать Европу как один из полуостровов, наряду с Аравией, Индией, Восточной Азией. Неудовлетворенность границей по Уральским горам и Дарданеллам подвела К. Хаусхофера к проблеме определения границ Европы, Евразии и Азии. Он принял, без каких либо серьезных оговорок, в качестве Евразии территорию, которую Дж. Х. Маккиндер назвал как «центральная ось истории древних степных империй». Фактически, все пространство, занятое прежде Российской империей, а затем Советским Союзом, К. Хаусхофер относил к понятию Евразии, а собственно пан – Азия соприкасалась с Советским Союзом на Востоке и Юге и включала Японию, Китай, Индию, Афганистан, Аравийский полуостров, Малую Азию. (Там же, с. 270-271). Для К. Хаусхофера собственно Европа – это территория, населенная евангелическими и римско-католическими христианами, граница которой проходила от Северного Ледовитого океана до Чудского озера, рек Неман и Днестр, через Карпаты. По мнению немецкого геополитика это пространство «бедное убедительными разграничениями» является пограничной полосой культур: культуры нордического и средиземноморского человека и культуры «бродячих орд сарматов». Значение Европы для К. Хаусхофера заключалось не в пространстве, ею занимаемом, а в ее культурном превосходстве – «в ее способности постоянно обновлять полученное наследство, имеющее духовную устойчивость» (там же, с. 267). Отделяя таким образом Европу от Азии и Евразии, К. Хаусхофер относился очень скептически к возможности появления некоей общей паневропейской идеи, несмотря на достаточно давние попытки в этом направлении, разработку различных планов от Сент–Пьера до А. Бриана. Острые межгосударственные противоречия между

европейскими странами в то время делали невозможным какое–либо объединение на экономической или политической основе.

Анализируя возможные импульсы для воплощения панидей в пространстве, К. Хаусхофер выделил духовно-мировоззренческие системы, т.е. религии, а также светскую идеологию. Он подчеркивал гибкость духовных панидей, великих мировых религий. Особое внимание он уделял исламу, его противостоянию другим культурно-политическим идеям: «…никакое духовное движение человечества, - писал К. Хаусхофер, - не оказало в такой степени влияния на осложнение других истинных панобразований в Старом Свете, как распространение ислама вблизи пояса пустынь Старого Света и в районах искусственного орошения на его окраинах, через все без исключения переходные зоны между пан – Азией, пан – Европой и пан – Африкой» (Там же, с. 292). Среди светских идеологий, воплотившихся в широко распространившуюся панидею, К. Хаусхофер назвал пантихоокеанскую. Он с энтузиазмом приветствовал устремленность Соединенных Штатов Америки на просторы Тихого океана: «Отношение американцев Соединенных Штатов к пантихоокеанской идее – один из грандиозных примеров воздействия духовного движения, родившегося из крупнопространственного мышления» (Там же, с. 296). Пантихоокеанскую идею К. Хаусхофер считал результатом «продуманной государственной мудрости» и проектом, который обещал немалые политические дивиденты в будущем.

2. 2. 2. 4. К. Хаусхофер о континентальном блоке

Готовясь к развязыванию второй мировой войны, нацистское руководство Германии подписало Антикоминтерновский пакт с Японией (1936 г.) и с Италией (ноябрь 1937 г.). Участники этого пакта взяли на себя обязательства принимать меры против тех, кто действовал в пользу III, Коммунистического Интернационала (Коминтерна). Наряду с этим 23 августа 1939 г. Был подписан советско-германский пакт о ненападении и секретные

протоколы к нему. Совершенно очевидно. Что эти два международных соглашения противоречили друг другу, так как организационный центр Коминтерна и главный источник его финансовой поддержки находились в Советском Союзе, и, следовательно, Антикоминтерновский пакт имел ярко выраженную антисоветскую направленность. Секретные протоколы предполагали раздел сфер влияния и Центральной и Восточной Европе между нацистской Германией и Советским Союзом.

2 сентября 1939 г. Германия начала вторую мировую войну, осуществив вторжение в Польшу. В ответ на этот акт агрессии Великобритания и Франция объявили войну Германии. 17 сентября 1939 г. войска Красной Армии перешли советско-польскую границу и вернули СССР западно-белорусские и западно-украинские земли, отошедшие к Польше по Рижскому мирному договору 1920 г. К концу сентября 1939 г. Польша прекратила сопротивление и 28 сентября 1939 г. Германия и СССР подписали договор о дружбе и границе, который предполагал ликвидацию польского государства и установление общей советско-германской границы. В ознаменование этого в г. Бресте состоялся совместный парад войск Красной Армии и вермахта. Однако развитие официальных межгосударственных отношений не отменяло идеологических противоречий и перспективы советско-германского вооруженного столкновения в будущем.

В таких условиях в 1940 г. К. Хаусхофер написал небольшое эссе «Континентальный блок. Центральная Европа, Евразия, Япония» и в 1941 г. опубликовал его в Мюнхене. Эта публикация в условиях приближающейся войны между СССР и Германией выглядела несколько странной. Безусловно, эта работа К. Хаусхофера носила ярко выраженный антибританский характер. Главная проблема была в англо-германском колониальном соперничестве, приведшем в свое время к первой мировой войне, потере Германией всех своих заморских колониальных владений, и попытке нацистского руководства взять реванш (сноска: До первой мировой войны Германия владела колониями площадью 2,9 млн. кв. км, на которой проживало 12,3 млн. человек. Это были

Германская Юго-Западная Африка, Германская Восточная Африка (Танганьика), островные владения – Земля Короля Вильгельма на восточном побережье о-ва Гренландия, в Тихом океане часть о-ва Новой Гвинеи, о-ва Самоа, Каролингские, Маршалловы и Марианские. С марта 1898 г. по германо-китайскому соглашению полуостров Шаньдун с портом Циндао стал сферой германского влияния.). К. Хаусхофер прямо писал о том, что Великобритания – «самый опасный колониально-политический противник Германии» (К. Хаусхофер. Континентальный блок. Центральная Европа, Евразия, Япония. – В кн.: К. Хаусхофер. О геополитике. Работы разных лет. – М.:Мысль, 2001, 389). Именно Великобритания, считал он, препятствовала германскому проникновению в Индийском океане, которое могло осуществляться через Германскую Восточную Африку и открыло бы перед Германией «колоссальную возможность влияния». «Это обстоятельство, - писал немецкий геополитик,- хорошо видят и в Англии, …стремящейся убедить большинство, что такие столь важные с авиационно-технической и стратегической точек зрения ландшафты, Германская Восточная Африка или Камерун нельзя когда-либо снова возвратить потенциально враждебной державе (т.е. Германии)» (Там же, с. 387). К. Хаусхофер называл мечтателями тех своих соотечественников, которые «надеялись, что можно без крови и пота вернуть нашу старую колониальную империю». Относя себя к реалистам, он полагал, что для возвращения колоний придется сражаться «лицом к лицу» с Великобританией, что уже и происходило в момент написания им своего эссе.

Для достижения этой стратегической цели – возвращения колоний – К. Хаусхофер полагал необходимым создание континентального блока, включавшего Центральную Европу, т.е. Германию, Евразию, под которой подразумевался Советский Союз и Японию. По его мнению, через «всю историю Британской империи проходит … становящийся все более острым страх» перед возможностью такого блока, так как против него «были бы бессильны любые, даже объединенные британские и американские блокирующие акции. Таким образом, - делал вывод К. Хаусхофер, - очень

сильный континентальный блок способен парализовать «политику анаконды» в военно-политическом, военно-морском и экономическом отношениях» (Там же, с. 375). Уже существовавшая в реальности «ось» Берлин – Рим – Токио могла быть дополнена «солидным массивом пространства и изобилием сырья в Советском Союзе» и таким образом придать блоку «неприступную глубину и устойчивость». Геополитическую силу Евразийского пакта К. Хаусхофер выразил в площади территории, протяженности береговой линии и численности населения каждой страны. Бесспорно, самым значительным мог быть вклад Советского Союза, так как он имел территорию более 21 млн. кв. км, население – 182 млн. человек и 13 тыс. км протяженность береговой линии. Вклад других участников блока мог быть гораздо скромнее. Что касается собственно Германии, то ее вклад К. Хаусхофер оценивал не пространственно-политическими размерами, а «интенсивным вкладом в культуру и экономику» (там же, с. 380).

Сравнивая совокупный потенциал разрабатываемого континентального блока и возможности Тройственного союза в годы первой мировой войны, Хаусхофер с удовлетворением отмечал позитивные для Германии перемены. Эта пространственно-политическая мощь открывала, как считал немецкий геополитик, огромные перспективы, «… если удастся выстроить этот смелый курс большой евро-азиатской континентальной политики и довести до конца, используя все заложенные в нем огромные возможности» и, прежде всего, добиться для Евразии (в географическом смысле этого понятия, а не для СССР – Л.К.) и западной части Тихого океана освобождения «от англосаксонской опеки» (Там же, с.380, 398). Планируемый К. Хаусхофером континентальный блок не предполагал равенства участников, и для Советского Союза отводилась роль управляемого источника сырья и ресурсов. К. Хаусхофер разделял взгляд на Россию японского государственного деятеля Гото, который сравнивал Россию и ее потенциальных союзников по континентальному блоку с русской тройкой, где «в центре идет крепкий, норовистый и вспыльчивый конь, выкладывающийся больше всех, но справа и слева бегут две лошади, которые

сдерживают коня посредине, и такая тройка в состоянии ехать» (Там же, с. 377).

К. Хаусхофер с сожалением писал, что германские народы Европы, для которых Балтийское море было их «расовой колыбелью, их родовым пространством», не смогли объединиться. Социал-демократическая идеология северных правительств в Стокгольме и Осло, которой не доставало «инстинкта безопасности», несмотря на «нечеловеческие усилия» Германии, торпедировала планы Германии на создание блока Балтийских стран. Читателю известно, что нацистские лидеры Германии реализовали на практике планы, отличавшиеся от планов, разработанных Хаусхофером. Его рассуждения по поводу создания альянса на евразийском материке, направленном против западных демократий – Соединенных Штатов Америки и Великобритании – представляют в данном конкретном случае чисто академический интерес, прежде всего с точки зрения эволюции взглядов самого немецкого геополитика.

2. 2. 3. К. Шмитт как геополитик

Карл Шмитт родился в 1888 г. в семье среднего достатка в Западной Пруссии. Важной составной частью семейного уклада был католицизм, к которому К. Шмитт был привержен всю свою жизнь. В 1907 г. он стал студентом Берлинского университета и изучал юриспруденцию. Как считают биографы, неуютная для правоверного католика протестантская среда подтолкнула К. Шмитта после первого года обучения в Берлинском университете продолжить образование в более близких духовно Страсбурге и Мюнхене. С началом первой мировой войны К. Шмитт поступил добровольцем в армию, но в военных действиях ему участвовать не пришлось: резервная часть, в которой он служил в армейской цензуре, была расквартирована в Баварии. После окончания первой мировой войны в 1919 г. Шмитт занялся преподавательской деятельностью в Высшей торговой школе Мюнхена. В том же году состоялось знакомство К. Шмитта с Максом Вебером. Он слушал его доклады и лекции, посещал семинар для молодых преподавателей, но разница в

возрасте и расхождения во взглядах оказались препятствием для более близкого общения.

В последующий период К. Шмитт занимал профессорские должности в Грайфсвальде в 1921 г., в Бонне с 1922 по 1928 гг., в Берлине с 1928 по 1945 гг. 1920 –е гг. были очень плодотворными для него в научном отношении – он опубликовал ряд работ, которые принесли ему мировую известность. В 1921 г. увидела свет «Политическая теология», в 1923 – «Римский католицизм и политическая форма», «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма», в 1927 г. – «Понятие политического», в 1928 г. – «Учение о конституции», в 1932 г. – «Легитимность и легальность». Эти публикации снискали Шмитту репутацию выдающегося политического мыслителя, консервативного теоретика политики и права, противника либерализма.

Приход нацистов к власти и установление фашистской диктатуры в Германии отразились на судьбе К. Шмитта весьма драматично. Не имевший прежде никаких связей с нацистами, Шмитт вступил в НСДАП (Национал-социалистскую рабочую партию Германии) 1 мая 1933 г., в день, объявленный нацистами официальным праздником труда. Нацистский террор против всех инакомыслящих, в том числе «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г., когда в числе многих был убит близкий к К. Шмитту прусский аристократ, генерал К. фон Шляйхер – предшественник Гитлера на посту канцлера Германии – не подтолкнул его к эмиграции, как многих других интеллектуалов. Напротив, в течение нескольких лет с 1933 по 1936 гг. К. Шмитт сделал стремительную карьеру. Наряду с должностью профессора Берлинского университета, он получил должность главного советника Пруссии и в силу этого оказался в подчинении Г. Геринга, бывшего в то время премьер-министром Пруссии и занимавшего видное место в нацистской иерархии (наци № 2). Став главным редактором журнала «Немецкое право» и возглавив имперскую секцию преподавателей права в высшей школе, К. Шмитт установил контакты с еще одним видным нацистским деятелем – Г. Франком, который возглавлял Академию немецкого права.

Не проявлявший прежде антисемитизма, К. Шмитт с молчаливым одобрением взирал на изгнание евреев из университетов Германии, а в октябре 1936 г. публично продемонстрировал свой антисемитизм на конгрессе, посвященном теме «Еврейство в науке и праве». К. Шмитт предложил считать работы немецких евреев, написанных на немецком языке, переводами с еврейского языка и в случае цитирования помечать их щестиконечной звездой (А. Филиппов. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа / К. Шмитт. Политическая теология. Сборник / Переводы с нем. Заключит. статья и составление А. Филиппова – М.: «Канон – пресс – Ц», 2000, с. 271). Несмотря на лояльность нацистскому режиму, благонадежность К. Шмитта была поставлена под сомнение. Кампанию против него начала газета СС «Черный корпус». Г. Франк сместил К. Шмитта со всех руководящих постов в Академии немецкого права. К. Шмитту помог Геринг по единственной причине – не личных симпатий, а из-за соперничества с СС Геринг не пожелал отдать на заклание своего подчиненного, представив все дело как вторжение в сферу его компетенции. К. Шмитту позволили сохранить пост профессора Берлинского университета, от нацистов он был отстранен, но его репутация была безнадежно запятнана связями с нацистским режимом.

В конце 1930-х – 1940-е гг., когда мир погрузился во вторую мировую войну, К. Шмитт оказался вне политики, поглощенный академическими трудами. После окончания второй мировой войны К. Шмитт дважды был арестован союзниками, был вызван на Нюрнбергский процесс в качестве свидетеля. Его бывших начальников – Геринга и Франка – приговорили к смертной казни. К. Шмитт был оправдан – ему удалось доказать свою непричастность к преступлениям нацистского режима. Нюрнбергский процесс определил, что его вина носит моральный, а не юридический характер (Там же, с. 309). Один из российских биографов Шмитта писал по этому поводу: «Все, что вызывает моральное негодование, не может быть уравновешено научными заслугами. Но и ценность научных заслуг К. Шмитта не становится меньше от нашего морального негодования» (Там же, с. 277).

После второй мировой войны К. Шмитт был подвергнут остракизму академическим миром, лишен возможности преподавать и публично заявить о себе (остракизм – гр. ostrakismos – черепок: 1) в Древней Греции – изгнание граждан, опасных для государства, решавшееся путем тайного голосования посредством черепков, на которых писались имена изгоняемых; 2) изгнание, гонение). Его имя предали забвению и он стал просто «фигурой умолчания» на многие годы, одним «из живых символов **н е м е ц к о й в и н ы,** глубокого падения и безусловной ответственности интеллектуала» (Там же, с.269). В этот период времени – 40 - 50 – е гг. XX в. – Шмитт обратился к геополитической тематике. Одним из его первых геополитических трактатов явилась работа 1939 г. «Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил». Целью этой работы было оправдание экспансии нацистской Германии в Европе. В 1942 г. увидела свет небольшая брошюра К. Шмитта «Земля и море. Созерцание всемирной истории». После окончания второй мировой войны К. Шмитт опубликовал в 1950 г. работу «Новый «номос» Земли», а в 1959 г. «Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря».

Известность вернулась к К. Шмитту в середине 1960-х гг. Его 70 – летие и 80 – летие были отмечены изданием юбилейных сборников. 90 – летний юбилей К. Шмитта был отмечен выпуском специального номера «Европейского журнала по социальным наукам». За послевоенный период библиография работ К. Шмитта и работ о нем достигла фантастических размеров (Там же, с. 312). Умер К. Шмитт в 1985 г. в возрасте девяноста семи лет.

2. 2. 3. 1. Политические взгляды К. Шмитта

Политические взгляды К. Шмитта сформировались под влиянием кризиса, который переживала западная цивилизация, основанная на либеральных ценностях свободы и прав личности, подчинения общественных и государственных интересов интересам и потребностям индивида. В первые

десятилетия XX в., когда в качестве альтернативы либерализму выступили коммунистическая и фашистская идеология, голос К. Шмитта не сливался с общим критическим хором. В работе «Политическая теология», изданной в 1922 г., К. Шмитт писал о противоречиях буржуазно-либерального общества. Он ссылался на своих предшественников, испанского дипломата и политика XIX в. Доносо Кортеса и прусского консерватора Ф. Й. Шталя, которые отмечали двойственность либеральной буржуазии. «Ненависть к монархии и аристократии тянет либерального буржуа влево, - писал К. Шмитт, - страх за свое имущество, которому угрожает радикальная демократия и социализм, тянет его снова вправо к могущественной королевской власти, войско которой способно его защитить; так он колеблется между обоими своими врагами и хотел бы обмануть обоих» (К. Шмитт. Политическая теология // В кн.: К. Шмитт. Политическая теология. Сборник, с. 90-91). Продолжая тему противоречивости либеральной буржуазии, К. Шмитт отмечал, что «она требует свободы и равенства и, несмотря на это, ограничения избирательного права имущими классами, чтобы обеспечить образованию и собственности необходимое влияние на законодательство, как будто образование и собственность дают право угнетать бедных и необразованных людей; она упраздняет аристократию крови и семьи и допускает бесстыдное господство денежной аристократии, глупейшую и вульгарнейшую форму аристократии; она не желает ни суверенитета короля, ни суверенитета народа. Так чего же она собственно хочет?» Отвечая на этот вопрос, К. Шмитт усмотрел политический идеал либеральной буржуазии, по крайней мере европейской, в парламентаризме и свободе слова и печати, которые из лозунга превратились, по его мнению, в религию. «…Либерализм дискутирует и переговаривается по поводу каждой политической частности … идеал политической жизни состоит в том, чтобы дискутировала не только законодательная корпорация, но и все население, чтобы человеческое общество превратилось в огромный клуб, а истина, таким образом, получалась бы сама собой путем голосования» (Там же, с. 93). К. Шмитт считал, что такой подход идеально обеспечивает уклонение и

уход от ответственности, в то время как в политической жизни важно принятие решений.

Уязвимое место либерализма К. Шмитт усматривал в апологетике частных и субъективных хозяйственных интересов, которые стремятся подчинить себе политическую сферу и ведут с ней борьбу. Авангардом этой борьбы К. Шмитт считал американских финансистов, «техников индустрии», которые принимают политическую идею «лишь тогда, когда удается указать тот круг лиц, который имеет очевидный экономический интерес, чтобы воспользоваться ею к своей выгоде» (Там же, с. 97). Такому подходу К. Шмитт противопоставлял собственное видение политической сферы. В работе «Римский католицизм и политическая форма», впервые опубликованной в 1923 г., он писал о противостоянии римского католицизма и англосаксонского протестантизма. Справедливости ради следует сказать, что К. Шмитт называл оппозиционным римскому католицизму и православное христианство, однако его внимание было сосредоточено на противостоянии двух первых сил. Это противостояние, по его мнению, проистекало из фундаментального различия в оценке значимости политической и экономической сфер.

Протестанты и сторонники либерализма считали экономическую деятельность – производство и потребление – главной, определяющей все сферой. Стремление к получению прибыли, как основа буржуазного общества, теснило в тень сферу политического и власть, как нечто производное. Неограниченная свобода предпринимательства от какого-либо вмешательства государства и политической власти объявлялись главной ценностью либералов. В начале XX в. К. Шмитт, отдавая приоритет политическому перед экономическим, писал: «… капиталистические предприниматели и социалистические пролетарии единодушно расценивают это притязание политического как неосновательную претензию и, исходя из своего мышления, воспринимают господство политиков как «необъективное». С последовательно политической точки зрения это, конечно, только означает, что определенные социальные группировки власти – могучие частные предприниматели и

организованные рабочие определенных предприятий или отраслей промышленности – используют свою позицию в процессе производства, чтобы получить в свои руки государственную власть. Если они обращаются против политиков и политики как таковой, то имеют в виду конкретную, временно стоящую у них на пути политическую власть. Если им удается отбросить ее в сторону, то и конструкция противоположности между экономическим и политическим мышлением потеряет для них интерес и возникнет новый род политики новой, основанной на экономическом базисе власти. Но заниматься они будут именно политикой … ни одна великая социальная противоположность не может быть разрешена экономически» (К. Шмитт. Римский католицизм и политическая форма /Там же, с. 122-123).

По мнению К. Шмита, католицизм и католическая церковь всегда были ориентированы на политическую сферу: « … римско-католическая церковь как исторический комплекс и административный аппарат продолжает универсализм Римской империи…» При этом «политическая власть католицизма не основывается ни на экономических, ни на военных средствах, а чудовищных размеров иерархический аппарат управления» контролирует религиозную жизнь (Там же, с. 104, 124, 101). К. Шмитт считал, что главное в католицизме – «соединение противоположностей», а «тактические коалиции с самыми разнообразными группировками», использование любых политических форм и возможностей как инструментов для реализации идеи – все это говорит о том, что сущность католицизма – политическая.

Более ярко свой взгляд на политическую сферу К. Шмитт изложил в работе «Понятие политического», опубликованной в 1927 г. Он исходил из примата политики над всеми другими областями человеческой деятельности и дал определение понятия «политического» через выявление специфически политической категории. К. Шмитт считал, что в каждой сфере – экономической, моральной, эстетической – действуют свои противоположности: в области морали - «доброе» и «злое», в эстетической сфере - «прекрасное» и «безобразное», в экономической – «полезное» и

«вредное», «рентабельное» и «нерентабельное». По поводу политической сферы К. Шмитт писал следующее: « Специфически политическое различение, к которому можно свести политические действия и мотивы, - это различение **«д р у г а»** и **«в р а г а».** Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, это различение может существовать независимо от того, используются ли одновременно все эти моральные, эстетические, экономические или иные различения. … Политическое различение привлекает для поддержки все пригодные для этого различения. Это ничего не меняет в характере этих противоположностей. А отсюда следует и обратное: морально злое, эстетически безобразное и экономически вредное от этого еще не оказывается врагом; морально доброе, эстетически прекрасное и экономически полезное еще не становится другом в специфическом, т.е. политическом смысле слова» (К. Шмитт. Понятие политического // Антология мировой политической мысли. В 5-ти тт. т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX век. М.: Мысль, 1997, с. 292-293). К. Шмитт предостерегал, что понятие «враг» не следует понимать как метафору и символ, также как и в частно индивидуалистическом смысле, как выражение личных чувств – врага в политическом смысле не требовалось лично ненавидеть.

Понятие политического К. Шмитт тесно связывал с понятием государства, которое он определял как «политический статус народа, организованного в территориальной замкнутости» (Там же, с. 291). По его мнению, различение «друг – враг» действует на уровне внутригосударственном и межгосударственном. Различения внутри государства могут быть привязаны к конкретным ситуациям, крайним выражением которых является гражданская война или революция, когда разделение «друг – враг» проявляется особенно четко. Но по мере преодоления этих крайних ситуаций, становится призрачной абстракцией разделение «друг-враг». В таких условиях, считал К. Шмитт, в обиход входят новые понятия: государство, республика, общество, суверенитет, правовое государство, диктатура, план и т. д. Он утверждал, что такие

категории абстрактны и непонятны, так как «неизвестно, кто конкретно должен быть поражен, побежден, подвергнут отрицанию и опровергнут посредством именно такого слова» (Там же, с. 296).

Что касается уровня межгосударственного общения, К. Шмитт полагал, что невозможно отрицать явное и очевидное – « …то, что народы группируются по противоположности «друг-враг», что эта противоположность … дана каждому политически существующему народу» (Там же, с. 295). Что же означает это последнее? К. Шмитт отвечал на этот вопрос следующим образом: «Покуда народ существует в сфере политического, он должен – хотя бы и только в крайнем случае – определить различение друга и врага. Если у него больше нет способности или воли к этому различению, он прекращает политически существовать. Если он позволяет, чтобы кто-то чужой предписывал ему, кто есть его враг и против кого ему можно бороться, а против кого нет, он больше уже не является политически свободным народом, и подчинен иной политической системе или же включен в нее» (Там же, с.305). К. Шмитт предостерегал о негативных последствиях веры, «что один отдельный народ мог бы, объявив дружбу всему миру или же посредством того, что он добровольно разоружится, устранить различение друга и врага. Таким образом, мир не деполитизируется и не переводится в состояние чистой моральности, чистого права или чистой хозяйственности. Если некий народ страшится трудов и опасностей политической экзистенции (лат. existentia – существование), то найдется именно некий иной народ, который примет на себя эти труды, взяв на себя его «защиту против внешних врагов» и тем самым политическое господство» (Там же, с.305).

К. Шмитт разделял мнение, высказанное неоднократно и задолго до него, о невозможности поддержания статуса вечного союзника (друга) или вечного врага. Невозможным для К. Шмитта представлялась также перспектива создания на Земле некоей общепланетарной системы в духе мондиализма. К. Шмитт считал политической спекуляцией употребление понятия «человечество» применительно к политической сфере. «Понятие

«человечество», - писал он, - исключает понятие «враг», ибо и враг не перестает быть человечеством, и тут нет никакого специфического различения. То, что войны ведутся во имя человечества … имеет лишь ярко выраженный политический смысл. Если государство во имя человечества борется со своим политическим врагом, то это не война человечества, но война, для которой определенное государство пытается в противоположность своему военному противнику оккупировать универсальное понятие, чтобы идентифицировать себя с ним (за счет противника), подобно тому, как можно злоупотребить понятиями «мир», «справедливость», «прогресс», «цивилизация», чтобы истребовать их для себя и отказать в них врагу. «Человечество» - особенно пригодный идеологический инструмент империалистических экспансий (и в своей этически–гуманитарной форме это специфическое средство экономического империализма)» (там же, с. 306).

К. Шмитт категорически возражал против мондиалистского подхода о возможности создания единого мирового порядка на Земле на основе ценностей западной цивилизации: «Политическое единство (т.е. государство – Л. К.), - писал он, - предполагает реальную возможность врага, а тем самым и другое, сосуществующее политическое единство. Поэтому на Земле, пока вообще существует государство, есть много государств и не может быть обнимающего всю Землю и все человечество мирового «государства». Политический мир – это не универсум, а плюриверсум» (там же, с. 305). Предсказывать, наступит ли на Земле такое объединение людей, когда борьба между ними станет немыслимой и невозможной, К. Шмитт считал бесчестной фикцией. Вместе с тем, глубокое знание и понимание анализируемого предмета позволили ему провидчески за несколько десятилетий до наших дней охарактеризовать модель поведения на международной арене «индивидулистического либерализма», т. е. западных, либеральных стран. К. Шмитт полагал, что либеральные силы, «попытаются ввести на Земле такое состояние, в котором они смогут беспрепятственно применять свои хозяйственные средства власти: эмбарго на кредиты, эмбарго на сырье, разрушение чужой валюты и т. д.» …а также

технически совершенное современное оружие «для насильственного физического убиения», хотя из лексикона будет удалено понятие «война». Вместо него станут употребляться «санкции, карательные экспедиции, умиротворение, защита договоров, мероприятия по обеспечению мира. Противник больше не зовется врагом, но вместо этого он оказывается нарушителем мира и как таковой объявляется вне закона и вне человечности; война, ведущаяся для сохранения или расширения экономических властных позиций, должна быть усилиями пропаганды сделана «крестовым походом» и «последней войной человечества» (Там же, с. 309). Подобного рода анализ, сделанный немецким политическим мыслителем почти восемь десятков лет назад, оказывается поразительно актуальным в свете развития международных отношений последних полутора десятков лет.

2. 2. 3. 2. Проблема структурирования пространства в работах К. Шмитта (1940-1950-е гг.). Концепция «номоса» Земли

При чтении работ К. Шмитта, написанных по геополитической проблематике, обращает на себя внимание отсутствие политической ангажированности и объективизм в изложении. Скорее всего, это объясняется положением самого К. Шмитта в академических кругах, о чем речь шла выше. Мотивы геополитиков, его предшественников и современников, определялись политическими потребностями государств, в которых они жили. К. Шмитт же мог позволить себе академизм даже при рассмотрении такой политически острой темы, как структурирование земного пространства. Этой проблеме посвящены работы «Земля и море. Созерцание всемирной истории»(1942 г.), «Новый «номос» Земли» (1950 г.), «Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря» (1959 г.).

К. Шмитт подчеркивал многомерность значения самого понятия пространства в разных науках в разные периоды исторического времени: «Математическое пространство представляет собой нечто совсем иное, пространство электромагнитного поля, последнее в свою очередь совершенно

отличается от пространства в психологическом или биологическом смысле». Но все же при отсутствии цельности и «изолированном сосуществовании различных понятий» К. Шмитт впервые употребил в геополитическом смысле понятие **«планетарная революция пространства».** Что же он под ней понимал? К. Шмитт объяснил это следующим образом: «Каждый раз, когда … в поле зрения всего человечества попадают новые земли и океаны, изменяются также пространства исторической экзистенции. Тогда возникают новые масштабы измерения политико-исторического действия, новые науки, новые устроения, новая жизнь новых или возродившихся народов. Это распространение может быть настолько интенсивным и поразительным, что меняются не только меры, масштабы и пропорции, не только внешний окаем человека, но и сама структура понятий пространства. Тогда уже можно говорить о революции пространства» (К. Шмитт. Земля и море. Созерцание всемирной истории / В кн.: А. Дугин. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством, с. 860-861).

С проблемой структурирования пространства также тесно связано еще одно понятие, которое ввел в геополитику К. Шмитт – это «номос». Немецкий теоретик впервые употребил его 1942 г. в работе «Земля и море». Хотя в греческом языке слово «nomos» означает «закон», в этой работе сам К. Шмитт вывел понятие «номос» от греческого глагола «Nemein» в трех его значениях: « …в первую очередь, «номос» означает «взятие», во вторую – «деление и распределение того, что взято», и, наконец, в третью – «эксплуатацию и использование того, что взято и распределено» (К. Шмитт. Новый «номос» Земли // Элементы, 1993, № 3, с. 27). «Захват – Распределение – Использование является в этой последовательности тремя основными понятиями каждого конкретного упорядочения … - продолжал К. Шмитт уже в другой работе. – Всякое упорядочение представляет собой упорядочение пространства … Действительное, истинное первичное упорядочение основано в своей важнейшей сущности на определенных пространственных границах и ограничениях, на определенных мерах и определенном разделе земли. В начале

каждой великой эпохи происходит поэтому великий захват земель. В особенности любое значительное изменение и смещение в облике Земли связано с переменами в мировой политике и с новым переделом мира, новым захватом земель» (К. Шмитт. Земля и море / В кн.: Дугин А. Основы геополитики, с. 867-868).

К. Шмитт, вслед за философом географии, последователем Гегеля Эрнстом Кашем («Сравнительная география», 1845 г.) выделил **трехступенчатую схему упорядочения пространства:**

1) «Потаническое время» (Э.Каш), когда человечество концентрировалось в поймах крупнейших рек – на Ближнем и Среднем Востоке – в междуречье Тигра и Евфрата, в долине р. Нил, в ассирийском, вавилонском и египетском царствах Востока;

2) Талассический период характеризовался сосредоточением главных культурных центров вокруг внутриматериковых морей, прежде всего Средиземного моря в эпоху греческой и римской античности, а также Арабского халифата и Венецианской республики;

3) Эпоха океанской культуры, начавшаяся с кругосветных плаваний и открытия Америки (Там же, с. 847).

Все эти периоды К. Шмитт объединил в один общий этап **первого «номоса» Земли.** Масштабы освоения пространства, начиная с эпохи античности, постоянно увеличивались. Прорыв был достигнут во время завоевательных походов Александра Македонского, которые представили современникам «новый огромный пространственный горизонт». В реальные масштабы пространства Земли в то время проникали только умы отдельных ученых. Так, например, заведующий Александрийской библиотекой Эратосфен (III – II вв. до н. э.) доказал, что планета Земля имеет форму шара и правильно рассчитал местоположение экватора. В результате завоевательных походов Цезаря в I в. до н. э. была покорена Галлия, и римские легионы достигли Британских островов. В связи с этим К. Шмитт писал, что «взору предстал

Северо-Запад и открылся выход к Атлантическому океану. Это было первым шагом к сегодняшнему понятию европейского пространства».

Еще более мощные перемены произошли в I в. н. э. «Видимый горизонт, - продолжал К. Шмитт, - раздвинулся к Востоку и к Западу, к Северу и Югу. Завоевательные и гражданские войны заняли собой пространство от Испании до Персии, от Англии до Египта. … Письменными свидетельствами этого расширения пространства является карта мира Агриппы, география Страбона», идея философа Сенеки о достижении находящейся на Востоке Индии через постоянное движение в западном направлении (Там же, с. 862). Однако, несмотря на эти достижения, считал К. Шмитт, «у людей не было глобального представления о планете, на которой они жили, … Земля еще не была для них шаром, и они еще не исследовали великие океаны. Каждый многочисленный народ считал себя центром мира, а сферу своего владения – домом спокойствия, за пределами которого царили войны, варварство, хаос» (К. Шмитт. Новый «номос» Земли // Там же, с. 27).

К. Шмитт считал, что после падения Римской империи, распространения ислама, вторжения арабов и турок наступили «пространственные сумерки и обмеление Европы … Европа стала феодально-аграрным континентальным массивом», вся духовная культура сосредоточилась в руках церкви духовенства, «знаменитые властители и герои этой эпохи не умели ни читать, ни писать» (К. Шмитт. Земля и море / Там же, с. 863). Однако крестовые походы познакомили рыцарей европейских государств со странами Ближнего Востока, с XIII в. началась глубокая культурная трансформация – на севере Италии складывалась новая городская культура, в Европе появились первые университеты, где кроме теологии стали изучать юриспруденцию (римское право) и медицину. Но, как считал К. Шмитт, самые грандиозные по своим последствиям изменения планетарной картины мира произошли в XVI – XVII вв. с началом кругосветных путешествий и открытия Америки Христофором Колумбом в 1492 г. «Теперь, - писал К. Шмитт, - возникает в прямом смысле слова Новый мир, Новый Свет, и в корне меняется

всеобщее мировосприятие … Это первая настоящая пространственная революция во всеобъемлющем смысле слова, охватившая всю землю, весь мир и все человечество». С этого момента, утверждал К. Шмитт, родился **второй «номос» Земли.**

Результатом пространственной революции К. Шмитт считал не просто количественный рост территорий новых частей света и новых океанов. Достижения в таких науках, как математика, физика и астрономия, связанные с именами Н. Коперника, Дж. Бруно, И. Кеплера, Г. Галилея, И. Ньютона изменили представления людей о космическом пространстве, месте Солнца, Земли и других планет. «Для того чтобы революция пространства состоялась, - писал К. Шмитт, - требуется нечто большее, чем простая высадка в неизвестной дотоле местности. Для ее совершения необходимо изменение представлений о пространстве, которое бы охватывало все уровни и области человеческого бытия, искусство, науку, технику. Огромные перемены в географическом облике Земли составляют всего лишь внешний аспект глубокого преобразования… Отныне неотвратимо наступает то, что называли рациональным превосходством европейца, духом европеизма … Он проявляется у народов Западной и Центральной Европы, разрушает средневековые формы человеческого общежития, образует новые государства, флоты и армии, изобретает новые машины и механизмы, порабощает неевропейские народы» (К. Шмитт. Земля и море / Там же, 866-867). Вторая характерная черта второго «номоса» Земли, по мнению К. Шмитта, заключалась в освоении морского пространства. К. Шмитт особо выделил Великобританию, которая преуспела больше других европейских стран и в захвате колониальных территорий, и в установлении гегемонии своего военного и торгового флота на океанских просторах. Таким образом, характерной чертой второго «номоса» Земли стала его европоцентристская структура.

В концепции «номоса» важное значение имеет ответ на вопрос, **кто** захватывает, делит и использует пространство. Как это вытекает из

вышесказанного К. Шмиттом, после первой планетарной пространственной революции и складывания второго «номоса» Земли самыми активными из народов, населявших континенты, стали европейцы. При этом К. Шмитт обращал внимание на двойственное положение европейских государств и народов. Осуществляя беспрецедентные по масштабам захваты, европейские завоеватели оправдывались миссией распространения христианства среди нехристианских народов. В XVIII – XIX вв. задача христианской миссии превратилась в задачу распространения европейской цивилизации среди нецивилизованных в европейском понимании этого слова народов. Но К. Шмитт отмечал и другую сторону. Противопоставляя себя нехристианским народам других континентов, христианско-европейское сообщество, как отмечал К. Шмитт, было «не стадом мирных овечек. Между собой они вели кровавые войны … Вспышки ненависти необычайны, друг друга называли убийцами, ворами, насильниками и пиратами. Отсутствует только одно единственное обвинение, … европейцы-христиане не обвиняли друг друга в людоедстве. В остальном же для обозначения злейшей, смертельной вражды привлекается все богатство языка» (К. Шмитт. Земля и море / Там же, 868). Несмотря на это, подчеркивал К. Шмитт, между собой европейские народы были едины в том, что они рассматривали неевропейскую территорию, как объект своего захвата и использования. Просуществовав более четырех веков, второй «номос» Земли был разрушен первой мировой войной (1914-1918 гг.).

Складывание нового, **третьего «номоса» Земли** Шмитт связывал с **развитием современной техники и выделением воздушного пространства** как третьего «силового поля человеческого господства и деятельности» (после суши и моря – Л. К.) (К. Шмитт. Новый «номос» Земли // там же, с. 29). После окончания второй мировой войны новый «номос» Земли дополнился еще одной характерной чертой – противостоянием Востока и Запада, которые находились в состоянии «холодной войны». Более чем полвека назад К. Шмитт предложил возможные варианты формирования третьего «номоса». Самый простой вариант, по его мнению, заключался в том, что «один из двух партнеров

современного планетарного противостояния завоевывает другого. Тогда победитель станет единственным хозяином мира. В соответствии со своими планами и идеями он будет брать, делить и управлять: сушей, морем и воздухом. В результате возможностей современной техники замкнутое единство мира, кажется, придет само собой» (Там же).

Два других, предложенных К. Шмиттом варианта, основывались на идее равновесия. Их нельзя было назвать оригинальными, и, по сути, они представляли варианты «баланса сил». Второй вариант предполагал объединение усилий Великобритании и США как попытка «поддержать структуру равновесия старого «номоса» и продолжить его современным способом, приспособленным к существующим техническим средствам». Предложенный К. Шмиттом третий вариант был самым абстрактным, но, как показывает современная международная ситуация, реально достижимым: «Возможно, - писал немецкий теоретик, - что сложатся несколько блоков или больших независимых пространств, которые создадут между собой равновесие, а с ним и порядок на Земле». (К. Шмитт Новый «номос» Земли // Там же, с. 29).

2. 2. 3. 3. К. Шмитт о противостоянии Суши и Моря

Проблема противостояния двух стихий–суши и моря–являлась традиционной для многих геополитиков XIX – XX вв. Ф. Ратцель, А. Мэхэн, Дж. Х. Маккиндер и др. построили свои геополитические концепции, отталкиваясь от этой идеи противопоставления двух стихий. К. Шмитт, подобно другим геополитикам, утверждал, что история человечества есть «история борьбы континентальных держав против морских держав и морских держав против континентальных держав» (К. Шмитт. Земля и море / Там же, с. 844). Но он увязал эту проблему противостояния суши и моря со своей концепцией «номоса» Земли и идеей планетарной пространственной революции. Однако при этом К. Шмитт возражал против точки зрения некоторых геополитиков, например, Дж. Х. Маккиндера, которые абсолютизировали угрозу со стороны континентальных государств установить

мировое господство. В связи с этим К. Шмитт писал: «Нельзя сказать, чтобы все это было так уж неверно, однако все это относится к известной эпохе и к определенному международному положению и становится несправедливым тогда, когда из этого пытаются сделать абсолютные и вечные истины. Представление о том, что континентальная держава сможет осуществлять мировое господство на все земном шаре, было для их мировосприятия неслыханным и невыносимым» (Там же, с. 874, 875).

К. Шмитт считал, что библейский миф в книге Иова о борьбе между могущественным морским животным китом Левиафаном и таким же могущественным сухопутным животным Бегемотом, наглядно показал и само противостояние двух стихий, и методы борьбы. Например, Бегемот стремится разорвать Левиафана своими зубами и рогами, а Левиафан стремится зажать своими плавниками нос и пасть Бегемота, что, по мнению К. Шмитта, изображало блокаду, которую проводит морская держава, закрывая морские подходы к континентальной державе с целью вызвать голод.

В реально существовавшем историческом времени К. Шмитт находил массу хорошо известных примеров, начиная с эпохи античности, когда контроль попеременно был то в руках морской державы, то сухопутной. Как и другие геополитики, К. Шмитт отмечал, что в дохристианскую эпоху противоборство Афин с персидской державой (Моря с Сушей), закончилось победой греков, а затем сменилось поражением Афин от континентальной Спарты, Рим (континентальное государство) боролся с Карфагеном (морское государство).

В христианскую эпоху более пяти веков (с XI до XVI вв.) символом морского господства и богатства, выросшего на морской торговле, была республика Венеция. По мнению К. Шмитта, она достигла впечатляющих результатов на поприще большой политики. « Все, что побуждало фанатичных англоманов восхищаться Англией в XVIII – XIX вв., - писал он, - прежде уже было причиной восхищения Венецией: огромные богатства, преимущество в дипломатическом искусстве, с помощью которого морская держава умеет

вызывать осложнения во взаимоотношениях континентальных держав и вести свои войны чужими руками; толерантность в отношении религиозных и философских взглядов, прибежище свободолюбивых идей и политической эмиграции. Сюда относится великолепие роскошных празднеств и красота изящных искусств» (К. Шмитт. Земля и море / Там же, с. 845-846). Столь высокая оценка достижений морского государства Венеции не мешала К. Шмитту видеть стесненность и ограниченность позиций Венеции Адриатикой и Средиземным морем. Для немецкого теоретика настоящим примером «господства посредством моря» стали достижения Голландии, а затем Великобритании в период открытия новых земель, кругосветных путешествий и **освоения** просторов **мировых океанов.**

Подлинным поворотным моментом в истории взаимоотношений Земли и Моря К. Шмитт считал технические достижения, которых достигли голландцы в кораблестроении, навигации и судоходстве в XVI – XVII вв. К. Шмитт писал о «стихийном повороте к морю», который осуществлялся европейскими народами в этот и в последующие периоды и о беспрецедентном успехе в освоении морей и океанов англичан: «Англия стала наследницей … исследователей и первооткрывателей всех остальных народов Европы. Британское владычество над землей посредством моря вобрало в себя все отважные подвиги и достижения в мореплавании, содеянные немецкими, голландскими, норвежскими и датскими моряками. Правда, великие колониальные империи других европейских народов продолжали существовать и в дальнейшем. Португалия и Испания сохранили огромные владения за океаном, но утратили морское господство и контроль за морскими коммуникациями» (К. Шмитт. Земля и море / Там же, с. 859).

К. Шмитт полагал, что никаких аналогий с британским морским владычеством отыскать было невозможно. Оно представляло собой уникальное явление, а именно – «уникальную планетарную революцию пространства» (Там же, с. 860). Эта уникальность определялась следующими факторами. Во – первых, колониальные захваты и раздел заморских территорий европейцами во

времени совпали с грандиозной духовной трансформацией европейского мира, религиозной войной между католицизмом и протестантизмом. К. Шмитт писал, что Испания и Португалия, шедшие первоначально в авангарде колониальных захватов и получившие поддержку Римского Папы, впоследствии были оттеснены голландцами и англичанами. Причина этого, по его мнению, была в том, что последним нужен был духовный союзник, который «по-настоящему покончил бы с образом прежней эпохи». Такой духовной основой морских сил стал кальвинизм – одно из направлений в протестантизме (там же, с. 870, 873).

Во–вторых, уникальность европейской революции пространства заключалась в том, что произошло действительное разделение Суши и Моря после того, как «маленький остров на северо-западной стороне Европы стал центром всемирной империи благодаря тому, что оторвался от земли и сделал решительный выбор в пользу моря. В чисто морском существовании он обрел средство мирового господства» (Там же, с. 875). К. Шмитт считал, что это отделение Британских островов превратило англичан, бывших до XVI в. овцеводами в нацию «пенителей моря». «Остров перестал быть отдельно расположенным фрагментом суши, - писал К. Шмитт, - и превратился в Корабль, лежащий на якоре вблизи континента. На место старого сухопутного Номоса Земли вступил новый Номос, включающий в свою структуру освоенные пространства открытого Моря, но при этом отрывающий открытое море от континентальной массы и противопоставляющий пространство Моря пространству Суши, чтобы создать равновесие с помощью контроля над Сушей со стороны Моря» (К. Шмитт. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря» / В кн.: А. Дугин. Основы геополитики, с. 542).

Как образом моря и нового положения Великобритании у К. Шмитта стал Корабль, так образом Суши, основой сухопутного существования, стал Дом. Для К. Шмитта Дом был синонимом таких понятий, как жилище, собственность, брак, наследство, покой и т. д. Корабль, будучи абсолютно искусственным, техническим средством передвижения в среде, враждебной

человеку, олицетворялся с опасностью, злом, риском, движением. «Преодоление человеком инерционного сопротивления природы, - писал К. Шмитт, - составляющее сущность культурной или цивилизаторской деятельности, резко отличается в случае кораблестроения и освоения Моря и в случае разведения скота и строительства жилищ на суше» (Там же, с. 543). По мнению Шмита, именно эти фундаментальные различия и сущностные характеристики Корабля предопределили то, что еще больше выделило Великобританию от остальных европейских стран – это развитие промышленной революции в XVIII в.: 1735 г. – первая коксовая доменная печь, 1740 г. – первая литая сталь, 1768 г. – первая паровая машина, 1786 г. – механический ткацкий станок, затем пароход и железная дорога. К. Шмитт считал, что техническая одаренность англичан не превышала одаренности других народов, которые независимо от них делали аналогичные открытия – технические открытия делались во все времена и во всех странах. «Но забываются или развиваются они – это зависит от того человеческого контекста, в котором они были сделаны. Я выражусь определеннее, - писал К. Шмитт, - технические открытия, лежащие в основе промышленной революции, только там на самом деле приведут к индустриальной революции, где сделан решительный шаг к морскому существованию» (Там же, с. 545).

Рассматривая эту проблему, К. Шмитт возражал против упрощенного понимания различий сухопутного и морского существования, демонстрируемого некоторыми его коллегами, говорившими о «морских кочевниках» и о кочевниках на лошадях и верблюдах. Он считал, что «неправомерно переносить сухопутные условия на стихию Моря. Жизненное пространство человечества в его сверхприродном, историческом смысле различается по всем параметрам – в зависимости от того, идет ли речь о сухопутном или морском существовании. С какой бы позиции мы не смотрели на это различие – с Моря на Сушу или с Суши на Море – оно проявляется в совершенно иначе структурированном силовом цивилизационном и культурном поле; при этом надо заметить, что культура сама по себе в большей

степени относится к Суше, а цивилизация к Морю, морское мировоззрение ориентировано техноморфно, тогда как сухопутное – социоморфно» (Там же, с. 545-546).

Дальнейшее развитие техники в XX в., по мнению К. Шмитта, сильно изменило прежнее соотношение Суши и Моря. Когда появился самолет, и началось освоение воздушного пространства, у человека появилось новое средство передвижения и новое оружие. Но дело не только в этом. Последствия нового этапа в развитии техники, как считал Шмитт, привели к тому, что «меры и соразмерности вновь изменились, а возможности человеческого господства над природой и другими людьми расширились до необозримых пределов. Производимые военно–воздушными силами революционные изменения пространства суть особенно сильные, непосредственные и наглядные». К. Шмитт высказал предположение о возможности добавить к Морю и Суше новый элемент человеческой активности в мире – Огонь, так как господство человека в воздушном пространстве осуществляется за счет двигателей внутреннего сгорания, которые приводят в действие самолеты. Тогда же, полагал он, к мифическим животным – Левиафану и Бегемоту – стоило бы добавить и третье: большую Птицу (К. Шмитт. Земля и море / Там же, с. 882).

Все это, как он считал, свидетельствовало о начале новой революции пространства и изменение традиционного взгляда на соотношение Земли и Моря. К. Шмитт полагал, что в новых условиях развития транспортных средств, радио и др. море перестало быть враждебной стихией, «как это было в эпоху охотников на китов и корсаров … Сегодня любой владелец судна может в любой день и час знать, в какой точке океана находится его судно. Тем самым мир моря коренным образом изменился для человека. Но если это так, то тогда … исчезает сама основа британского покорения моря и вместе с нею прежний Номос Земли».

К. Шмитт считал, что новый Номос Земли образуется в результате формирования новых отнесенностей человека к старым и новым стихиям. Но это не было простым разрушением старого. «В действительности, - писал К.

Шмитт, - мы переживаем конец прежних отношений земли и моря. Однако человеческий страх перед новым часто столь велик, как боязнь пустоты, даже если новое преодолевает пустоту. Многие видят лишь бессмысленный хаос там, где в действительности новый смысл прокладывает путь соразмерному себе порядку. Старый номос, конечно, уходит, и вместе с ним вся система унаследованных размеров, норм и отношений. Но грядущее все же не является только отсутствием меры или враждебным номосу ничто. И в жестоких схватках старых и новых сил возникают должные меры и составляются осмысленные пропорции» (К. Шмитт. Земля и море / Там же, с. 883).

Вопросы для повторения

1. С какими идеями структурирования пространства выступил Ф. Ратцель?

2. В чем суть взглядов Ф. Ратцеля на географическое положение и значение моря в жизни народов?

3. В чем суть концепции Ф. Ратцеля о государстве как политическом организме?

4. В чем суть идеи Ф. Ратцеля о средиземных морях и меридианальном контроле над пространстве?

5. Какова сущность законов пространственного роста, сформулированных Ф. Ратцелем?

6. Какова суть геополитических взглядов Р. Челлена, и почему его работы получили широкое признание в Германии?

7. Как оценивал Р. Челлен геополитическое положение ведущих европейских держав с точки зрения влияния пространственных факторов?

8. В чем суть концепции «морской мощи» А. Т. Мэхэна?

9. Какие факторы, по мнению А. Т. Мэхэна, влияли на «морскую мощь» государств?

10. Докажите, что концепция Дж. Х. Маккиндера была первой глобальной геополитической моделью.

11. Назовите основные работы Дж. Х. Маккиндера и проследите эволюцию его взглядов в связи с изменениями ситуации в мире.

12. Какие изменения внес Н. Спайкмен в геополитическую модель Дж. Х. Маккиндера?

13. Как повлияли теоретические изыскания Н. Спайкмена на внешнюю политику США после второй мировой войны?

14. В чем суть понятия «политического» в теории К. Шмитта?

15. Что такое «номос» Земли в геополитических построениях К. Шмитта?

16. В чем проблема взаимодействия Суши и Моря в геополитической теории К. Шмитта?

17. Каковы взгляды К. Хаусхофера на природу границ?

18. Раскройте основное содержание концепции континентального блока К. Хаусхофера.

19. Раскройте основное содержание концепции о панидеях в геополитической теории К. Хаусхофера.

2. 3. *Проблема цивилизационной идентичности в геополитике. Геополитические концепции 1990-2000 гг.*

Историческая реальность свидетельствует, что мир многообразен, существовали и существуют различные варианты развития. Непохожие друг на друга человеческие сообщества вступают в контакты, отношения, в том числе на международной арене. Каково их взаимодействие друг с другом, степень отчужденности или близости, каковы перспективы сотрудничества, либо конфронтации? Для решения проблемы, вынесенной в заголовок данного раздела, определенное значение представляет выяснение содержания категориального аппарата, прежде всего самого понятия «цивилизация». Словарь иностранных слов сообщает нам следующую информацию:

цивилизация – от лат. civilis – гражданский - 1) уровень общественного развития, материальной и духовной культуры, достигнутый данным обществом; 2) современная мировая культура. Следует подчеркнуть, что данная категория трудно поддается определению, прежде всего, в силу своей многозначности и универсальности – в литературе встречается более ста определений данного термина.

Для понимания сущности каждой цивилизации и различий между ними большое значение имеет **ментальность.** Это понятие используется разными общественными науками: социологией, философией, политологией, психологией. Первыми применять это понятие в истории стали французские ученые. Во французском философском словаре записано: «Менталитет – это совокупность умственных установок, привычек мышления, фундаментальных верований индивида». Несмотря на всю абстрактность данной категории, ментальность формирует социальное поведение общества, групп, индивидов. Для понимания сущности любой цивилизации необходимо брать в расчет способ восприятия действительности, присущий ее людям. Таким образом, **цивилизация – это сообщество людей, имеющих общие фундаментальные основы ментальности, общие духовные ценности и идеалы, а также устойчивые особые черты в социально – политической организации, экономике, культуре.**

Существуют различные типологии цивилизаций в зависимости от критериев, положенных в основание каждой. Среди попыток систематизировать многообразие цивилизаций наиболее продуктивным представляется подход доктора исторических наук, профессора Л. И. Семенниковой (Л. И. Семеникова. Цивилизации в истории человечества. Учебное пособие. Брянск: «Курсив», 1998). В цивилизационном многообразии Л. И. Семеникова выделяет «магистральные потоки, которые явно просматриваются» и вводит укрупненную единицу анализа – **тип цивилизаций.** Для каждого типа цивилизаций характерны некоторые признаки, определяющие специфические особенности тех или иных сообществ, а именно:

- общие основы ментальности
- общее и взаимозависимое историческое, политическое и экономическое развитие
- взаимопереплетение культур
- наличие общих интересов с точки зрения перспектив развития.

Такой подход объясняет многовариантность развития и существование различных независимых, параллельно развивающихся или хронологически сменяющих друг друга конкретных цивилизаций. На основе названных признаков могут быть выделены три типа цивилизаций:

1) природные сообщества
2) восточный
3) западный

Рассмотрение этих типов поможет понять возможности взаимодействия на международной арене различных стран и народов, принадлежащих к различным типам цивилизаций, а также позволит провести анализ современных геополитических концепций, выдвинутых зарубежными авторами за последние полтора – два десятка лет, и имевшими широкий международный резонанс.

2. 3. 1. Природные сообщества

К этому типу относятся **народы, живущие в рамках природного годового цикла, в единстве и гармонии с природой.** До недавнего времени такой тип был широко распространен на планете, но в настоящее время сохранилось уже незначительное число таких сообществ: аборигены Австралии, индейцы в Америке, многие племена в Африке, малые народы Сибири и Севера Европы. Некоторые исследователи считают подобные сообщества реликтовыми (от лат. relictum – остаток – организм, предмет или явление, сохранившиеся как пережиток от древних эпох), подчеркивают, что культура этих народов примитивна, что она, якобы, утратила свою ценность для человечества, поскольку оно далеко ушло вперед, и может представлять интерес только с точки зрения изучения ранних стадий в развитии

человечества. С такой позицией нельзя согласиться, так как в человеческом сообществе все самоценно, и каждый народ вносит свой вклад в общую копилку культуры человечества. При этом типе цивилизации человек и природа едины, нераздельны, существуют в гармонии. Духовная культура, верования связаны с обожествлением сил природы (Вода, Земля, Огонь и т. д.). Такие духовные системы природных сообществ принято называть **язычеством.** Этот термин является условным и имеет христианское происхождение. Он укоренился в христианской литературе и отражал пренебрежительное отношение христианской церкви к язычникам как к дикарям и варварам. Но на самом деле за этим термином стоит множество духовных систем, которые отражают взаимосвязь человека и природы, человека и космоса. Для язычества характерно многобожие (политеизм).

Народы, существование которых разворачивается в рамках годового природного цикла, ведут преимущественно **кочевой** или **полукочевой** (полуоседлый) **образ жизни.** В социальной организации господствует **коллективизм (родовая или клановая община, племя).** Родовая община, как правило, владеет общей территорией. Человек полностью сливается с коллективом, проявление индивидуализма при этом является, фактически, невозможным. В природных сообществах нет государства, но властные отношения существуют, они регулируют процессы внутри общества. Власть персонифицирована в лице вождя (лидера) и опирается либо на генеалогическое родство – наследственные вожди – (генеалогия – от греч. genealogia – родословная - родословие, история рода), либо на традицию – выборные предводители племени. Вожди занимаются рациональным распределением ресурсов (воды, пастбищ, мест для лова рыбы и т. п.). Кроме того, вожди были обязаны организовывать перекочевки, охрану пастбищ, кочевий, разбирать внутренние конфликты между клановыми группами и отдельными индивидами.

Общественная иерархия в таких сообществах всегда отличалась простотой. Вождь и его род занимали привилегированное положение. Близким

к положению вождя было положение шамана (или колдуна). Эти последние осуществляли связь между людьми и обожествляемыми силами природы. В сказаниях у многих народов вожди и их сородичи (их называли богатырями) описываются как люди особые, более сильные и мудрые, чем простые люди. В природных сообществах существовало рабство, которое носило патриархальный характер.

Хозяйственная деятельность в природных сообществах бывает **двух типов: промысловый тип** (охота, рыболовство, собирание плодов, ягод, других даров природы) и **скотоводческий тип** (кочевое скотоводство). Вся хозяйственная жизнь подобного сообщества подчинена природному циклу. У кочевых народов пастбища считались коллективной собственностью рода, а скотоводство определяло весь строй жизни. Скот давал молоко, мясо, шерсть, кожу. Ремесла были связаны с переработкой продуктов скотоводства: производство войлока, упряжи для коней и верблюдов, обработка шерсти, мехов, кожи. Подвижный образ жизни кочевников определял и тип жилища. Это были различные варианты разборных, легко переносимых конструкций: у оленеводов – яранга, покрытая оленьими шкурами; войлочная юрта у кочевников евразийских степей; шатры и палатки в передней Азии, Северной Африке, Аравии; легкие жердяные жилища к югу от Сахары и т. п. В пределах российского государства скотоводческие кочевые сообщества существовали на протяжении последних полутора тысяч лет на территории нынешнего Алтая, Тувы, тундровой Сибири, а также в Казахстане, Киргизии, Монголии, Маньчжурии. Но с 1920 – 1930 – х гг. большая часть из них была переведена на оседлый образ жизни.

Важнейшей категорией общественного сознания является **представление о времени и цели существования** человеческого сообщества. Важность ее определяется тем, что история есть только там, где есть время. **Народы, относящиеся к природному типу цивилизации, существуют вне исторического времени – в общественном сознании этих народов отсутствуют понятия прошлого, будущего, нет идей о необходимости**

изменений, развития. Для них существует лишь время текущее и время мифическое, в котором живут боги и души умерших предков. Эти народы адаптировались к окружающей среде до той степени, которая необходима для поддержания и возрождения жизни. Цель и смысл своего существования они видят в сохранении хрупкого равновесия между человеком и природой, в сохранении сложившихся обычаев, традиций, приемов труда, не нарушающих единства с природой.

Бесчисленные поколения, сменяя друг друга, бесчисленное число раз повторяли сложившийся образ жизни. **Сущность этого типа цивилизации – неизменность, гармония и единство с природой.** Неизменность однажды установленного порядка вещей поддерживалась системой жестких запретов – **табу.** Благодаря этим запретам сохранялась статичность общества, которая не может быть оценена ни положительно, ни отрицательно, но с которой необходимо было считаться. Одним из основополагающих принципов жизни природных сообществ является **аскетизм (**от греч. asketes – упражняющийся; подвижник – воздержание, отказ от жизненных благ). Человек может взять от природы лишь необходимое для поддержания и возрождения жизни. Аскетическая традиция поддерживается постами, жертвами, самоистязаниями.

Природные сообщества не имели письменной культуры, хотя для памяти использовали различные знаки – узелки, заметки на коре деревьев и т. п. Культура природных сообществ зафиксирована в устной традиции – в мифах, сказаниях, которые передавались из поколения в поколение. Долгое время считалось, что при этом типе цивилизации интеллект человека не развит, не используется. Однако это не так – духовные системы природных сообществ богаты и своеобразны. Исторический опыт свидетельствует о глубоком знании и использовании ими законов природы. Например, астрономические, метеорологические знания, знание природных явлений базировались на опыте многих поколений. Например, сибирские охотники прекрасно знали жизнь тайги, повадки зверей, могли предсказывать погоду. Индейцы Северной Америки хорошо знали звездное небо, расположение планет, ориентировались

по ним во время передвижений. Они изучили окружающую флору не только с целью употребления в пищу растений и плодов, но и использовали их в качестве лекарств.

Важно помнить, что в природных сообществах нет развития, общество движется по замкнутому кругу, и разорвать этот круг можно только извне в результате контактов с представителями других цивилизаций, которые, как правило, разрушали хрупкое равновесие между человеком и природой, вели к деградации природных сообществ, хотя сложившийся порядок вещей мог нарушаться и в результате природных катаклизмов.

2. 3. 2. Восточный тип цивилизаций

Под словом «восточный» имеется в виду не географический восток, а Восток, как символ особого мировосприятия и образа жизни, противоположного Западу. Этот тип цивилизации возник в глубокой древности, в разных вариантах имеет распространение и сейчас. Классический вариант цивилизаций восточного типа представлен обществами Древнего Египта, индуистского, буддийского и конфуцианского Востока. Главные черты этого типа цивилизации сформулированы на примере таких стран, как Индия и Китай. Восточный тип цивилизации отличается следующими чертами:

I. **Ментальность** народов этого типа цивилизации обладает ярко выраженным своеобразием. Общественное сознание носит **харизматический** характер (от греч. Charisma – благодать, особая божественная сила, ниспосылаемая человеку свыше). Действительность воспринимается не только в реальности через чувственный опыт, но и через призму веры в сверхъестественные силы. **Цель существования таких обществ** понимается как **движение к** некоему высшему харизматическому, то есть **божественному идеалу. Сосредоточенность на духовном –** это отличительная черта общественного сознания восточного типа цивилизации. Главная ценность бытия – **постижение высшего сакрального смысла,** а не реализация конкретных целей (сакральный – от лат. sacer, sacri – священный, относящийся

к религиозному культу и ритуалу). В таких обществах лидеры, вожди, монархи обожествлялись.

II. Общества восточного типа цивилизации построены на принципах **коллективизма. Личные интересы полностью подчинены общим: общинным, государственным.** Личностное начало развито слабо. **Важнейшим элементом общественного устройства являлась община.** Именно община, подчиняя себе личность, определяла все стороны жизни: нравственные нормы, духовные приоритеты, культурные предпочтения, принципы социальной справедливости и социальной защиты, норму и характер труда. Поскольку общество восточного типа построено на принципах коллективизма, то классовые категории к ним не применимы. В таких обществах есть бедные и богатые, но общественная иерархия выстраивалась не по классовому принципу, а сословно – корпоративному (сословие – та или иная устойчивая социальная группа, принадлежность к которой определялась рождением). При таком типе цивилизации частная собственность с полными правами не допускалась, преобладали корпоративные формы собственности (общинная, государственная). Речь могла идти о коллективном праве на пользование или владение жизненно важными ресурсами – водой, землей. **Верховным собственником всего выступало государство, власть. Принадлежность к власти (занимаемая должность) опосредованно давала право на собственность,** точнее, на владельческие права, которые не имели четких правовых гарантий.

III. Восточное общество построено на особом типе связей, которые имеют исключительно вертикальный характер, поскольку все связи в обществе были замкнуты на властные структуры. Горизонтальные, независимые от власти связи – экономические, политические, культурные – между общинами отсутствовали. Власть единоличного правителя была ничем не ограничена. Бюрократия, которая управляла от имени правителя, играла колоссальную роль. Простой человек в таком обществе полностью зависел от произвола чиновников. При такой системе неизбежна коррупция (подкуп, продажность

общественных и политических деятелей, должностных лиц), злоупотребления властью.

IV. В таких обществах велика роль централизованного государства. Поскольку общины при всей их многофункциональности были замкнуты, государство связывало их воедино, выполняло функции управления, распоряжения собственностью, контролировало духовную, культурную сферу. Наиболее распространенным типом государства на Востоке была **деспотия** (от греч. despoteia – неограниченная власть, отличающаяся полным произволом и бесправием подданных) – ничем не ограниченная бесконтрольная власть, не стесненная никакими формальными правилами и опирающаяся непосредственно на силу. **Условием существования такой власти было господство государственной и общественной собственности, прежде всего на землю и зависимое положение индивида от системы власти.** Причина такого положения дел–в отсутствии частной собственности, полной зависимостью людей от государства. Государство и общество существовали нераздельно, были слиты. Ни одно лицо–ни богатые, ни бедные–не имели никаких прав, никаких возможностей отстаивать свою личную и имущественную неприкосновенность.

В подобных обществах изменения происходят медленно. В истории понятия «медленно», «быстро» употребляются в сопоставлении со средней продолжительностью жизни человека. Если изменения происходят на протяжении средней продолжительности жизни, если человек является свидетелем этих изменений, то развитие идет быстро, если нет – медленно. Традиция, подкрепленная опытом многих поколений, канонизировалась как высшая общественная ценность. Несколько поколений людей могли существовать практически в одних и тех же условиях. Это приводило к тому, что разрыва между поколениями не было, не было места для проблемы «отцов и детей», новые поколения использовали опыт старших. В силу этого авторитет старшего поколения был очень высок, и молодежь должна была демонстрировать знаки почтения и уважения к старшим.

Общества, относящиеся к восточному типу цивилизации, в отличие от природных сообществ, живут в рамках исторического времени, которое делится на три ступени: в общественном сознании есть представления о прошлом, настоящем и будущем, но они существуют как бы одновременно. Это связано с тем, что на Востоке душа считается бессмертной и постоянно меняет лишь форму своего существования. Поэтому умершие предки (прошлое) существуют в настоящем и влияют на человека. Будущее (не родившиеся потомки) тоже существуют в настоящем. В обществах восточного типа время воспринимается как циклическое. Прошлое поэтизируется, «золотой век» для этих народов всегда в прошлом, именно он дает образцы поступков и действий.

Ментальность народов, относящихся к этому типу цивилизации, обладает ярко выраженным своеобразием – сознание ориентировано на идеалы и духовные ценности, которые формируются, прежде всего, различными религиозными системами. Например, в Китае духовную основу этого народа уже более 2 тыс. лет составляют три религии: даосизм, буддизм, конфуцианство.

Даосизм – учение о Дао – пути естественном и вечном, всеобщем законе спонтанного, независимого от людей возникновения, развития и исчезновения всей Вселенной. Это учение возникло во второй половине I тыс. до н. э. Поведение человека должно быть согласовано с Дао самого человека и с Дао Вселенной. При соблюдении этого принципа главное–бездействие. Именно бездействие, как считается в даосизме, приводит к полной свободе, счастью, успеху, процветанию. Всякое действие может противоречить Дао, может означать пустую трату сил, и приведет к неудаче и гибели. Вселенную нельзя привести в порядок искусственным образом, поэтому мудрый правитель следует Дао, не делая ничего, чтобы управлять страной, и тогда она процветает, пребывая в спокойствии и гармонии. Главная идея в даосизме–равенство и свобода от земных тягот. Мудрец свободен от пристрастия и предвзятости. Он одинаково смотрит и на знатного человека, и на раба, не печалится ни о жизни, ни о смерти, понимая их естественность и неизбежность.

Буддизм – одна из трех мировых религий наряду с христианством и исламом - возник в Древней Индии в VI–V вв. до н. э. Его основатель–Сиддхартха Гаутама (567–487 гг. до н. э.)–Будда, что означает «просветленный»–был сыном царя одного из небольших северо-индийских государств у подножия Гималаев. В буддизме есть несколько направлений. Центральные идеи буддизма сводятся к следующему:

- страдание
- его причина (карма)
- состояние освобождения (нирвана)
- путь к нему

Мир–это страдание, его создают страсти, которые необходимо укротить. «Рождение есть страдание, болезнь есть страдание, соединение с немилым есть страдание, разлука с милым есть страдание …». Причина страдания–в привязанности к жизни. «Качество» жизни определяется кармой, которая каждому воздает по заслугам. Человек, опираясь на нормы этики и традиции, понимая, что хорошо и что плохо, вправе и даже обязан добиваться улучшения кармы. Прекращение страдания связано с обретением нирваны, то есть обретением свободы от внешнего мира и отсутствием желаний. Понятие «нирваны» занимает центральное место в философии буддизма. Прежде всего, нирвана обозначает прекращение цепи перерождений. Переселение душ или **реинкарнация** является уделом всего живущего. Всякое живое существо проходит от одного перерождения к другому, при этом может принимать форму не только человеческую – оно может возродиться животным, растением, злым духом, божеством. Таким образом, смерть не избавляет человека от страданий бытия, ибо за ней следует новое рождение. Можно ли вырваться из этого круга? Можно, так как есть «восьмеричный путь», который ведет к прекращению страданий–это «праведная вера, праведная решимость, праведные слова, праведные дела, праведный образ жизни, праведные стремления, праведные помыслы, праведное созерцание». Следуя этим восьмеричным путем, человек достигает, в конце концов, совершенства – он

становится архатом - святым отшельником, познавшим истину и погружается в нирвану. Нравственный идеал буддизма–не причинение вреда окружающему, что проистекает из общей мягкости и доброты. Но при этом личность ориентирована на отстраненность от реальности и пассивность.

Конфуцианство–учение, основателем которого был знаменитый китайский мудрец Конфуций (Кун Фуцзы – 552 – 479 гг. до н. э.- философ, историк, государственный деятель, основатель китайской государственной религии). Собственно он не выступил с собственным учением, он собрал и прокомментировал пять классических произведений Древнего Китая. В I в. до н. э. конфуцианство стало государственным учением, в IX в. н. э. оно одержало верх над буддизмом в Китае, а в XI в. – над даосизмом, стало государственной религией, хотя и буддизм, и даосизм в Китае продолжали и продолжают существовать. В 1503 г. Конфуций был причислен государством к лику святых.

В центре учения Конфуция проблемы человека, его умственного и нравственного облика. Конфуций разработал концепцию идеального человека, благородного мужа не по происхождению, а благодаря воспитанию в себе высоких нравственных качеств и культуры. Какие же качества он считал необходимыми? Это–гуманность, человечность, любовь к людям, справедливость, верность, искренность и т. д. Конфуций говорил: «Правитель должен быть правителем, а подданный–подданным, отец–отцом, а сын–сыном». Казалось бы, в этих постулатах нет никакой особой мудрости. Однако в них речь шла о важном: в человеческом сообществе каждый играет определенную роль, и человеку не дано ее менять. Конфуций выдвинул тезис о том, что государство - это та же семья, хотя и большая. Ему принадлежит идея разумного управления государством через мудрых и справедливых чиновников. Конфуций утверждал, что добродетельное правление приводит к социальной гармонии.

Таким образом, говоря в целом о восточном типе цивилизации, следует отметить следующее: личность на Востоке не имела собственной ценности. В соответствии с бытовавшими на Востоке представлениями, человек–это

песчинка на берегу океана вечности, от него ничего не зависит. Не случайно, распространенный символ восточной культуры–человек в лодке без весел. Человек должен был подчиняться историческим традициям, природе, государству, управителям и т. д., поэтому весла человеку не нужны. Государственная машина восточного деспотизма была обезличена. Большинство решений носили анонимный или коллегиальный характер, от чиновников требовалось только повиновение. Личная инициатива и ответственность исключались. В таких условиях не могли возникнуть политические партии, борьба идей. Коллективистская солидарность в рамках общины тоже не предполагала разнообразия поведения. Возможности человека влиять на исторический процесс были крайне ограничены, отсюда **фатализм** (от лат. fatalis–роковой, - вера в неотвратимость судьбы, предопределение, рок). Стремление к свободе реализовывалось в духовной сфере, где было возможно отстраниться от земной власти.

Цивилизации, относящиеся к классическому Востоку, необычайно устойчивы. Социальная стабильность обеспечивалась следующими факторами: 1) коллективистской солидарностью; 2) уравнительностью; 3) контролирующей ролью государства; 4) религиозными ценностями. В таком обществе развитие идет циклами. Его исторический путь графически может быть изображен в виде пружины, где каждый виток – это один цикл развития, шаг от одного витка к другому–поступательное движение. Характерно, что при таком медленном, циклическом развитии государства такого типа имеют богатейшую духовную жизнь, высокоразвитую науку, культуру: развивается философия, тончайшее искусство, совершаются открытия, поражающие мир. Общеизвестно, что в Китае раньше, чем в Европе изобрели и стали применять бумагу, книгопечатание (наборное книгопечатание в Китае началось с XI в.), порох (XI в.), компас (XII в.) и т. д. В Китае раньше, чем в Европе стали применять водяные двигатели, многоверетенные прялки и другие технические новшества.

Но размеренный ритм жизни классического Востока был нарушен в результате военной экспансии государств, принадлежащих к западному типу

цивилизации. Первыми объектами колониальной политики европейских стран в XVII – XVIII вв. стали Филиппины, Индонезия, Цейлон, Индия и др. Многие из них лишились политической независимости. Китай оказался яблоком раздора, борьба за него привела к разделу этой страны на сферы влияния и изменения статуса Китая – он стал полуколониальной державой. Хозяйство, экономика и ресурсы колониальных и полуколониальных стран было обескровлено эксплуатацией и грабежом. Колониальная система рухнула только во второй половине XX в.

Исламская цивилизация

Исламская или мусульманская цивилизация, хотя и отличается от классического Востока, является составной частью восточного типа цивилизации. В ней присутствуют такие фундаментальные черты обществ восточного типа, как
- харизматический характер общественного сознания;
- колоссальная роль религии и ее служителей;
- слитость государства и общества;
- коллективизм;

С начала VII в. для аравийских бедуинов закончилось время затерянности на периферии истории. Менее чем за сто лет они создали огромное государство – Арабский халифат. Под его властью оказались территории от Атлантического океана до границ Китая: от Испании через Северную Африку, Закавказье, Иран, Афганистан и часть Индии. Что же вывело кочевые арабские племена на авансцену истории? Что создало арабо – мусульманскую цивилизацию? Сильнейшим стимулом явилось принятие новой системы духовных ценностей, то есть новой религии – **ислама.** Ислам является одной из мировых религий, он возник в Западной Аравии в 622 г., последователи этой религии называют себя мусульманами. Основателем ислама и первой общины мусульман был **Мухаммед (Магомет) Ахмат Абд Аллах** (около 570–632 гг). Согласно мусульманской традиции, он – пророк единого Бога – Аллаха и его посланник,

через которого Бог передал людям духовные тексты. Главная священная книга мусульман–**Коран** (точнее аль-Куран, что в переводе с арабского означает «чтение», «чтение вслух»), она состоит из 114 глав, которые называются сурами. В исламе различают два основных направления – суннизм и шиизм. **Суннизм – ортодоксальное правоверное направление в исламе, не допускающее ни рассуждений, ни суждений по аналогии. Основное правило – не задавать вопросов и не делать сравнений, подчиняться признанным авторитетам.** Шиизм – направление в исламе, возникшее во второй половине VII в. в рамках оппозиции власти халифов. **Шииты признают Коран словом Божиим, но подвергают его иносказательному толкованию, они имеют свое священное предание и свои праздники в честь мучеников.**

Основной догмат Корана–безусловное единобожие – «нет Бога, кроме Аллаха». В этом смысле учение ислама испытало на себе влияние иудаизма и христианства. Исламское учение предстает как абсолютно универсальное, дающее ответы на все вопросы жизни. В качестве первоосновы ислам включает и **свод законов–шариат.** Они касаются не только отправления культа, но и домашней, семейной жизни и даже государственной. В исламе широко представлены и правовые вопросы. Это и уголовное, и гражданское право, общегосударственные установления, правила ведения войны. Все законоустановления преследовали цель возвышения ислама. Учение ислама имеет законченный характер, не подлежит никаким изменениям и усовершенствованиям. Задача верующих – постичь учение в его неизменном виде. Ислам требует выполнения всех установленных обрядов. В шариате (мусульманском праве) обрядность разработана до мельчайших подробностей, например, зафиксировано более трехсот правил совершения молитвы. Несоблюдение хотя бы одного из правил, например, вида одежды и места совершения молитвы, делает связь с Богом несовершенной, а молитву недейственной. Вся жизнь человека даже в мелочах должна была соответствовать религиозным требованиям, чтобы даже при незначительных проступках человека не покидала мысль об Аллахе.

Ислам не делает различия между религиозной организацией и государством. Халиф обладал верховной светской и духовной властью и был призван обеспечить выполнение требований Корана. Вся земля являлась собственностью государства в лице халифа, остальные имели лишь право владения. Для мусульманской цивилизации характерна корпоративность на основе родовой или клановой общины и, как следствие, потребность в сильной власти. Власть султана, шаха, хана, халифа в государстве была абсолютной, для населения на местах таким непререкаемым авторитетом были наместники верховной власти. Ремесленное производство регламентировалось государством и обслуживало, в основном, его потребности. Городские ремесленники были объединены в цеховые корпорации. Никто не имел право работать вне цеха и не мог производить тех изделий, которые не предусматривались цеховым уставом. Ремесленникам были строго предписаны места продажи изделий и покупки сырья. Им не позволялось покупать даже нитки в количестве больше установленной нормы. Цены на ремесленные изделия были регламентированы, государство контролировало торговлю. Закон устанавливал количество лавок на каждом рынке, количество и качество продаваемых товаров и цены на них.

Следует отметить двойственность положения ислама относительно контактов с представителями немусульманского мира. С одной стороны, исламский мир жил замкнуто и имел ограниченные контакты с немусульманами. С другой стороны, ислам испытал на себе сильное влияние христианства и иудаизма. Это проявилось в том, что в отличие от старых восточных религий – индуизма и буддизма – для ислама характерно представление о линейно текущем времени и присущая христианству идея развития. Культура мусульманского Востока также переняла много от древнегреческой культуры. Арабский Восток знал переводы работ Аристотеля, Эвклида, Гиппократа. Во многом за счет этого арабский мир резко вырвался вперед по сравнению с остальными странами, и арабская цивилизация достигла расцвета в IX – XII вв. Арабская астрономия, медицина, алгебра, философия были, бесспорно, на порядок выше европейской

науки того времени. Арабский «ноль», добавленный к индийской цифровой системе, произвел революцию в математике.

Бесспорным является также и то, что мусульманская религия наложила свой отпечаток на науку, искусство, литературу, образование. Мусульманские школы–**медресе**–существовали при больших мечетях и служили целям пропаганды ислама. Ислам запрещал и запрещает изображать живые существа. В результате этого получило широкое распространение роспись в виде растительного и геометрического орнамента, резьбы по дереву, камню, рельефные работы по гипсу, мрамору, мозаичные работы. Монументальные архитектурные сооружения–мечети и дворцы – в Самарканде, Бухаре, Стамбуле, Багдаде и др. до сих пор поражают воображение. Казалось бы, арабо-мусульманская цивилизация пойдет по пути, отличному от классического Востока. Однако этого не случилось. В исторической перспективе мусульманский мир потерял динамизм в своем развитии, рационалистическая тенденция в культуре оказалась подавленной. Вместе с тем следует отметить увеличение мусульманского мира за счет кочевых народов Средней Азии, Казахстана и Поволжья. Они приняли ислам, но еще долго сохраняли традиции своего типа цивилизации.

2. 3. 3. Западный или прогрессивный тип цивилизации

Запад понимается как символ определенных ценностей и образа жизни, а не географическая категория. Этот тип цивилизации можно обозначить как тип прогрессивного развития (от лат. progress – движение вперед, развитие от простого к сложному, от низшего к высшему), при котором возникла самоподдерживающаяся рыночная экономика, светское правовое государство, демократическое общественное устройство, развитые системы жизнеобеспечения–здравоохранение, светское образование и светская культура, социальная помощь и социальные гарантии, система распределения и перераспределения материальных благ и др.

Этот тип цивилизации представлен наиболее ярко античной цивилизацией Древней Греции и Древнего Рима, современной европейской цивилизацией. Соединенные Штаты Америки, Канада, Австралия, Новая Зеландия и некоторые другие страны не являются самостоятельными цивилизациями, а представляют собой варианты европейского пути. Все названные общества ассоциируются с понятием Запада (западный тип), поскольку есть нечто общее, что их больше объединяет, чем разъединяет. Употребляется обобщенное понятие «западное общество» или «западная цивилизация». Этот тип цивилизации связан с постоянными изменениями в жизни человека. Общество может кардинально измениться на протяжении жизни одного поколения. В XIX–XX вв. изменения набрали огромную скорость. Развернулся ускоряющийся процесс изменения природной среды, предметного мира, в котором живет человек. Жизнь так резко меняется, что опыт старшего поколения быстро устаревает и отвергается молодыми. Налицо разрыв между поколениями, проблема «отцов и детей», старшее поколение не понимает молодых, молодые не принимают образа жизни старших. Прошлое воспринимается лишь как материал для извлечения уроков, для патриотизма и национальной гордости, но само общество, новые поколения устремлены в будущее, ориентированы на движение вперед.

Античный мир

Античные общества начали возникать в Средиземноморье в VIII–VI вв. до н. э. и просуществовали более тысячи лет. Эти общества объединяют в античную или греко–римскую цивилизацию. Чем же примечательны **античные общества, что выделяло их и отличало от их современников**, до и в последующее время**? В античной цивилизации на первый план**

1) вышли частнособственнические отношения, неизвестные или слабо развитые в окружающем мире;

2) оформилось частное товарное производство, преимущественно ориентированное на рынок;

3) появился первый в истории образец народовластия–демократия. Демократия и республиканская форма правления впервые были теоретически обоснованы и претворены практически в жизнь в Древней Греции.

Эллины сознавали принципиальное отличие их способа организации общества от окружающего мира. В глазах греков демократия была одним из главных критериев различия между Европой и Азией. Народовластие в Древней Греции ассоциировалось со свободой, а единовластие, характерное для обществ, ее окружавших, с рабством и насилием.

Общественное и государственное устройство античной цивилизации наиболее ярко проявилось в **полисной организации** (Классический античный полис сложился в VII–VI вв. до н. э. В это время общины свободных собственников по всей Греции провозгласили и закрепили в документах суверенитет над определенной территорией и ввели равенство граждан перед законом. Властные полномочия между народным собранием граждан и верховным советом (в Риме сенатом) распределялись в разных полисах по–разному). **Город определял лицо этой цивилизации,** играл ведущую роль во всех сферах жизни–экономической, политической, культурной. Полисная структура предполагала политическую и экономическую независимость общины свободных собственников и производителей–граждан полиса. Каждый гражданин имел право участвовать в решении государственных и общественных вопросов, прежде всего путем голосования в народном собрании. **Экономическая жизнь полиса строилась на базе частной собственности. Важнейшим правом граждан было право на собственность.** Например, римлянин считал себя полноправным и свободным, только если был хозяином, не работавшим на другого. Ведущее положение занимала частная собственность на землю, но и ремесло и торговля также развивались на частнособственнической основе.

Греко-латинская цивилизация впервые поставила и разрешила сложнейший вопрос: **как достичь гармонии в обществе, найти разумное**

сочетание общественных интересов и интересов личности? Ответ был найден – нужны законы. **Законы должны охранять права граждан и неукоснительно соблюдаться как властью, так и гражданами.** Таким образом, правовое государство как теория и как практика также возникли в античности. И греки, и римляне были законопослушны. **Важнейший вопрос о взаимодействии индивида и коллектива решался в пользу личности, ее свободы. Права и интересы личности выдвигались на первый план.** В античном обществе господствовала атмосфера состязательности, стремление к славе, известности поощрялось обществом. Жажда самоутверждения индивида в соревновании с равными себе проявлялась в разных областях: в стремлении отличиться на войне, на охоте, в атлетических соревнованиях, на пирах и т. д. Люди стремились развить все заложенные природой способности – физические, интеллектуальные, художественные, все, что могло прославить человека, выделить его как неповторимого индивида. И в Древнем Риме, и особенно в Древней Греции общинное устройство разрушалось и утверждался индивидуализм.

Общественное сознание античного мира носило в целом рациональный характер. Системы духовных ценностей Греции и Рима были схожими. Неслучайно римляне отождествляли своих богов с греческими богами: Юпитера с Зевсом, Марса с Аресом, Венеру с Афродитой и т. д. Боги античного общества обладали сверхъестественной силой, но при том были жизнелюбивы и не очень обременяли обязательствами своих приверженцев. Вера в богов носила печать трезвой практичности. От богов требовали конкретной помощи в делах и соблюдали ритуалы, чтобы эту помощь получить. Особенно это характерно для римского общества. Античная религия не вызывала священного трепета, мало затрагивала чувства верующих. В целом греко – римское общество в значительной мере было светским. Государство также было светским, произошло отделение науки от религии. Развивались такие отрасли знания, как философия, математика и механика, астрономия, агрономия и др., а также светская культура–театр, скульптура, архитектура. Развитие наук

привело к появлению **атеизма** (безверия, безрелигиозности). В целом в античной цивилизации не сложилось мощной единой духовной основы, которая бы сплачивала общество.

Демократия в греко-латинском мире была по преимуществу прямой. Обладание гражданскими правами давало возможность полноправного участия в народном собрании, высшем органе власти. Равенство всех граждан предусматривалось как принцип равных возможностей и свободы слова. Были выработаны и элементы представительной власти, появились разные политические интересы, политика, как отношения в сфере власти, произошло выделение политической элиты. Однако демократия в античном мире носила ограниченный характер. Из сферы действия демократии были исключены женщины, свободные иноземцы и рабы, так как не имели права владеть землей и, следовательно, не могли обладать гражданскими правами. Гражданами могли быть только собственники.

В античном мире были заложены основы **гражданского общества.** Оно предусматривает право каждого гражданина участвовать в управлении, предусматривает признание его прав, свобод, личного достоинства. Государство не вмешивалось в частную жизнь граждан или вмешивалось очень мало. Торговля, ремесла, сельское хозяйство, образование, семья – все это функционировало независимо от власти, но в рамках закона, гарантом закона выступало государство. Свободные граждане могли объединяться в различные организации, клубы, союзы, имевшие неполитические цели и неподконтрольные государству.

Античный мир развивался стремительно на фоне остального мира, имел впечатляющие успехи в области экономики, политики, культуры за относительно короткий исторический период. Но для своего развития он нуждался в колоссальных и разнообразных ресурсах. Ресурсы обретались путем мощной экспансии. Эта экспансия охватила юг Азии (вплоть до Индии), Север Африки, Европу. Начал складываться колониальный тип империи. Демократические нормы действовали только в метрополии. Завоеванные

территории были донорами, подвергались поборам, реквизициям, прямому грабежу. Возросли масштабы рабства, а также имущественная и социальная дифференциация среди свободных граждан. Завоеванные территории Рим превращал в провинции и встал на путь построения империи. Государственное устройство республиканского типа ушло в прошлое. Если сначала империя была надстройкой над множеством полисов и самоуправляющихся частей, то позднее они оказались в подчинении бюрократических структур, которые не зависели от воли управляемых.

Монархическая система власти в Риме приобрела деспотические черты. В сознании граждан все больше крепло убеждение в сверхчеловеческой природе императорской власти. Идея прогресса сменилась идеей неподвижности, идеей вечной империи. В III в. кризисные явления вышли на поверхность: гражданские и внешние войны, экономический упадок, беспрерывная смена императоров. Римская империя разделилась на две – Восточную (Византия) и Западную. Развитие их пошло разными путями: в Византии утвердился восточный тип развития на основе ортодоксального христианства (православие). На Западе власть римского императора слабела, города приходили в упадок, центр экономической жизни переместился в деревню. В 476 г. Западная Римская империя перестала существовать. Рим погиб под ударами варваров и под грузом противоречий, которые для античного общества того времени оказались неразрешимыми.

Современная европейская цивилизация

Термин «европейская цивилизация» в настоящее время отражает единство народов европейского континента, общность европейских ценностей. Европа была и остается ядром западной цивилизации. Прежде всего, представляется необходимым выяснить вопрос о духовной основе этой цивилизации. Здесь следует подчеркнуть, что такой духовной основой является **христианство** (Строго говоря, различные направления в христианстве создали несколько интересных цивилизаций)**.** Христианство возникло в начале I в. н. э. в восточных провинциях Римской империи. Первоначально оно отражало

протест наиболее угнетенных слоев общества, их веру в лучшее будущее. По сравнению с уже существовавшими религиями в христианстве центральной стала **идея греховности человека и идея спасения.** Согласно христианским догматам, люди грешны перед Богом, и это уравнивает всех – греков и иудеев, римлян и варваров, рабов и свободных, богатых и бедных. Но люди могут очиститься от греха. Это произойдет в том случае, если они осознают, что грешны и направят свои помыслы в сторону очищения от грехов, поверят в божественного Спасителя, который был послан на землю Богом и принял на себя грехи человеческие. Иисус Христос (от греч. Christos – помазанник, спаситель) искупил грехи людей своей мученической смертью и указал путь к спасению. Этот путь–вера в великого и единого в трех лицах Бога, благочестивая жизнь, покаяние в грехах и надежда на царствие небесное после смерти.

Таким образом, христианство возникло как протест против римского господства и, естественно, вызвало враждебное отношение со стороны правящих кругов Рима. Только в IV в. н. э. император Константин пришел к выводу, что вместо того, чтобы бороться с христианством и церковью, лучше использовать их в интересах государства. Особый законодательный акт– **Миланский эдикт 313 г. положил конец гонениям, и христианство было узаконено как государственная религия.** К X в. почти вся Европа стала христианской. Возникновение в VII в. ислама преградило распространение христианства в страны Востока. В христианстве существует три направления – **православие, католицизм и протестантизм.** Они стали духовной основой трех цивилизаций – **византийской, европейской средневековой, западной.**

Византийская цивилизация возникла как синтез античной традиции и ортодоксального христианства (от греч. orthodox – правоверный, т. е. неуклонно придерживающийся какого-либо учения). Византийская империя считала себя прямой и законной наследницей Рима. Константинополь был основан императором Константином и объявлен столицей Римской империи в 324 г. Первоначально город называли Новым Римом, а его жителей

римлянами. Они возражали против того, что Римская империя пала. Напротив, они считали, что империя продолжает существовать с центром в Константинополе. Столица Восточной Римской империи была построена на месте старой греческой колонии Визант, возникшей в VII в. до н. э., и постепенно государство стало называться **Византией.** Византия, переживая взлеты и падения, просуществовала более тысячи лет и погибла под ударами турок в 1453 г. Как государство, она имела сложную территориальную и этническую структуру. Ее территория располагалась на трех континентах – Европе, Азии и Африке. В ее состав входили Балканский полуостров, Малая Азия, Сирия, Палестина, Египет, часть Месопотамии, ряд опорных пунктов в Крыму (Херсонес, на территории современного Севастополя), и на Кавказе (в Грузии), некоторые районы Аравии, Далмации. Но значительную часть времени в ее составе преобладали греческие области (собственно греческие на полуострове Пелопоннес и в Малой Азии). Состав населения был пестрый: греки, фракийцы, армяне, грузины, арабы, евреи, славяне и т. д. Империя строилась на принципах доминирования греков. Завоеванные народы включались в состав единого государства, но сохраняли свою самобытность, обычаи, культуру, местные языки.

Все стороны жизни византийского общества определяло православие, сформировавшееся в IV–VIII вв. н. э. Христианство возникло как единое универсальное учение. Однако с разделением Римской империи на Западную и Восточную (Византия) в 395 г., постепенно наметилось разделение христианства на два направления: восточное (православие) и западное (католицизм). Это разделение окончательно было закреплено в 1054 г. и сохраняется до сих пор. Западное христианство постоянно менялось, в нем возникали различные направления. Православие провозгласило верность древности, неизменность идеалов. Например, на одном из первых Вселенских соборов в Византии в IV в. был принят так называемый Символ Веры, кратко излагающий существо христианского вероучения и сохраняющийся в православии без изменений до сих пор.

Византия, являвшаяся источником распространения православия, в отличие от Рима, не смогла обеспечить единство православного мира. Постепенно православие разделилось на 15 самостоятельных (автокефальных) церквей. Восточная ветвь христианства не имеет до сих пор единого центра, подобного Ватикану и Римскому Папе в католицизме. Особенности православия, как системы духовных ценностей в определенной мере нашли отражение уже в самом названии восточной ветви христианства. Православие – «правильное» вероисповедание, «правильная, истинная» церковь. Православная духовность свое наивысшее выражение нашла в традициях **аскетизма,** то есть отречения от жизненных благ, удобств и удовольствий во имя духовного совершенствования.

Западная ветвь в христианстве–**католицизм** (от греч. katholikos – всеобщий, вселенский). Источником вероучения католичество считает Библию в латинском переводе (Священное писание) и религиозную традицию (Священное предание). В католичестве утверждается, что путь спасения верующий человек может найти только в лоне церкви, отсюда уделяется большое внимание укреплению церковной организации и дисциплины. Католическая церковь смогла скопить значительные богатства – монастыри и городские соборные церкви имели крупные земельные владения. Церковь получала с верующих доход в виде десятины. В целом, церковь определяла все стороны жизни средневекового общества в Европе: семья рассматривалась как священный религиозный союз, церковь в определенной степени контролировала экономику, поскольку налагала запреты на определенные формы экономической деятельности, культура носила исключительно религиозный характер. Развитие в этих условиях шло медленно. Повсеместно царило общинно–корпоративное устройство: цехи, гильдии, рыцарские ордена, церковные и сельские общины. Целые столетия текла бедная, однообразная жизнь. Уровень образованности и грамотности по сравнению с эпохой Рима был очень низким. Даже короли в большинстве своем были неграмотны.

Воспетый историками король франков Карл Великий (конец VIII–начало IX вв.) был образованнее других: знал латинский и греческий языки, но не умел писать.

В IX–XI вв. эта средневековая европейская цивилизация вступила в период кризиса. Началась полоса раздробленности, локальных войн. Многочисленные герцогства, графства, епископства, самоуправляющиеся городские коммуны, республики претендовали на роль самостоятельных государств. Любые попытки инакомыслия подавлялись католической церковью, для чего ею была создана **инквизиция** (от лат. inquisitio – расследование). Началась полоса многовековой «охоты на ведьм». Но остановить процесс распада было невозможно. Средневековое европейское общество начало стремительно разрушаться уже в XII в. **Переломным можно считать XIII век.**

Период с XIII по XVII вв. был временем войн, революций, социальных и религиозных движений. В это время в Европе начался процесс становления цивилизации, аналогичной греко–латинской цивилизации. Процесс этот шел прерывисто–за революцией часто следовала контрреволюция, за реформами–контрреформы, но все же побеждала прогрессивная тенденция. Развернулся процесс рационализации сознания, стали складываться более широкие представления о мире. Система образования стала отделяться от церкви – в XII –XIII вв. появились первые университеты в Италии, Франции, Англии. Усиленно изучались римские законы и судебные порядки (римское право). Наиболее знамениты были школы в Болонье (римское право), в Салерно (медицина), в Париже (философия и богословие). В университетах собирались студенты из разных стран, преподавание велось на латыни. В середине XV в., благодаря золотых дел мастеру и резчику Гуттенбергу, в европейских странах появилось книгопечатание.

Рассматриваемый период был временем преодоления раздробленности и складывания национальных государств на новой основе. В 1215 г. английский король Иоанн Безземельный подписал **Великую хартию вольностей. Она**

заложила основы государственной защиты прав личности, ограничила права короля, дала привилегии (вольности) рыцарям, свободным крестьянам, горожанам. В 1265 г. собрался парламент в Англии, и эту дату с полным правом можно считать началом европейского парламентаризма. В XIV–XVII вв. в европейских странах осваивался опыт, накопленный античной цивилизацией, и это время вошло в историю как **эпоха Возрождения.** Возник Гуманизм– мощное литературно–философское движение, культура приобретала светский характер, творчество деятелей Возрождения было проникнуто верой в безграничные возможности человека, его воли и разума.

На фоне отмеченных изменений, имевших место в европейских странах, происходили изменения в положении католической церкви. К началу XVI в. католическая церковь казалась пораженной тяжелой болезнью, и отношение к ней, как к «церкви испорченной», становилось более определенным. Торговля индульгенциями, этими грамотами о прощении грехов, была лишь одним, но наиболее вопиющим признаком «болезни» католической церкви. Духовенство погрязло в пороках. Между тем именно на этом этапе европейское общество нуждалось в духовной опеке и попечительстве. У людей усиливалось чувство незащищенности–страшились грядущего конца света, смерти; неурожаи, голод, войны, эпидемии чумы и новой болезни–сифилиса считались карой за пренебрежение заповедей Божьих. Расцветала вера в пророчества и астрологические предсказания.

Верующие искали твердой опоры. Вот почему, когда в октябре 1517 г. профессор теологии в Виттенбергском университете Мартин Лютер выставил у дверей церкви 95 тезисов против торговли индульгенциями, это послужило толчком к мощному социальному и политическому движению. Это движение стало центральным явлением европейской истории этого периода и получило название **Реформация** (от лат. reformatio–преобразование, исправление). То, что сделал Мартин Лютер было попыткой мирного исправления католической церкви, ее освобождения от злоупотреблений и заблуждений. В результате рухнуло единство католической церкви. Реформация породила новое

направление в христианстве–**протестантизм. Именно он стал духовной основой западной цивилизации.** От католичества отошла значительная часть населения Европы: Англия, Шотландия, Дания, Швеция, Норвегия, Голландия, Финляндия, Швейцария, часть Германии, Чехия и др.

Крупнейшими деятелями Реформации, основателями учений и церквей, существующих и поныне, были **Мартин Лютер, Ульрих Цвингли, Жан Кальвин.** Наибольшим влиянием обладали лютеранство и кальвинизм. Название протестантизм происходит от слова «протест», который был предъявлен последователями Лютера против решения возобновить преследование против него. В чем же суть взглядов лидеров Реформации?

М. Лютер утверждал, что **душа человека спасается** не посещением служб, не заступничеством церкви, не таинствами, но **верой.** Между Богом и человеком нет посредников. Догмат о спасении одной лишь верой, дополнялся положением о том, что единственным источником религиозной истины является Священное писание. Лютер отвергал истинность Священного предания. Эти два догмата разрушили все здание средневекового католицизма. Ненужными становились пышный культ, таинства (из семи таинств церкви – крещение, миропомазание, причастие или евхаристия, священство, брак, соборование или елеосвещение М. Лютер признавал лишь два–крещение и причастие). Духовный авторитет Римского Папы тоже был не нужен, также как и особое сословие духовенства.

Ж. Кальвин развил дальше догмат о спасении верой, придав ему фаталистический оттенок, а именно: человек не может знать, какова его судьба, его предопределение, он должен быть уверен, что является Божьим избранником. В этой уверенности – высшая покорность, но она проявляется не в пассивности и бездействии. Напротив, она проявляется в профессиональных успехах, в стремлении к процветанию. Профессия человека, считал Кальвин, часть его религиозного долга, успех в профессии, богатство, преуспевание – это все признак предызбранности к спасению. Таким образом, **протестантизм дал духовную санкцию на прибыль как цель экономической деятельности**

человека. Однако, следует помнить о различиях, которые имели место в учениях М. Лютера и Ж. Кальвина.

- Лютер утверждал, что подданные обязаны повиноваться любым властям, в том числе и нарушающим заповеди Божьи. Кальвин проповедовал права органов сословного представительства и право сопротивляться тирану;

- Лютеранская церковь подчинялась руководству светской власти; кальвинистская же, устроенная на республиканских началах, оставалась автономной;

- Лютер громил в своих проповедях ростовщиков и банкиров, берущих проценты; Кальвин был убежден, что пренебрегать выгодами богатства – грех, что собственность–дар Божий, а мирской труд–главный долг верующих. **Важнейшим принципом протестантской деловой этики стало скромное личное потребление, но процветающее дело.**

Таким образом, Реформация была не просто идеологией, она была религией, которая соответствовала мироощущению горожан XVI в., а именно их желанием свободы хозяйственной деятельности и жизни вообще, их стремлениям к определенности во всем, в том числе в вопросе спасения и посмертного воздаяния.

Становление современной европейской цивилизации связано с разделением светской и духовной (религиозной) сфер жизни и появлением такого феномена, как **идеология** (от греч. idea – понятие, представление; logos–слово, учение; следовательно, идеология–система взглядов, идей: политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, которые выражают интересы каких–то социальных групп и классов). **Светское общество в своей повседневной деятельности не может существовать без целей, ценностей и идеалов.** Эту задачу и призвана решить идеология, которая разрабатывается лучшими умами общества. В обществе может быть представлено несколько идеологий: господствующая идеология, которая поддерживается властью; кроме того, существуют идеологии отдельных социальных слоев и классов, которые не противоречат господствующей

идеологии. Наконец, в обществе могут существовать идеологии, которые отвергают господствующую идеологию, противостоят ей.

При наличии разнообразных идеологий, систем взглядов в западном типе цивилизации, следует особо выделить идеологию **индивидуализма.** В странах западного типа исторически сформировался устойчивый баланс интересов личности и общества при безусловном приоритете личности и ее интересов. Индивидуализм, в отличие от эгоизма, делает акцент на самоценности индивида, его свободе, праве самому определять, чем заниматься. Но одновременно индивидуализм предполагает также ответственность человека за себя, за свою семью. При этом не отрицается наличие коллективных интересов – интересов общества в целом. Пределы, рамки индивидуализма определяются нормами общественной морали и законами страны.

Каковы основные черты ментальности европейских народов? Для общественного сознания характерно представление о линейном, быстро текущем времени, которое состоит из ступеней: прошлого, настоящего и будущего. Но восприятие их отличается от ментальности народов восточного типа цивилизации. Прошлое: оно свершилось, в нем ничего нельзя изменить, из него лишь можно извлечь уроки. Настоящее: человек – активно действующее лицо в настоящем, он может и должен влиять на ход событий, жизнь общества. Будущее: оно лишь предстоит, оно неизвестно. Но человек своей активной деятельностью в настоящем может в той мере, в какой ему это доступно, подготовить будущее. Важно, что при этом типе развития общественное сознание воспринимает мир только в реальности, рационально. Общество признает необходимость постоянного развития, движения вперед. Прогрессивный тип развития требовал и требует постоянного притока ресурсов, рабочей силы и т. д. Устойчивый динамизм этот тип цивилизации приобрел в эпоху Великих географических открытий и колониальных войн. Фактически, потенциал всей планеты был подключен для того, чтобы создать то, что сегодня называется Западом. Следовательно, прогрессивный тип

развития не является, строго говоря, достижением только западного сообщества, это – результат деятельности всего человечества. При этом Европа, эксплуатируя колонии, привносила в разные части света очаги своего типа развития. Постепенно **Европа вышла за географические рамки своего континента (прогрессивный тип развития утвердился в Австралии, на американском континенте) и превратилась в Запад - западную цивилизацию.**

Характерные черты западной цивилизации

I. **Высокий нравственный престиж труда и его результатов**. Уже в XIII в. экономическая доктрина католической церкви начала претерпевать изменения. Раньше считалось, что труд – это наказание Божье за грехи, теперь же стала распространяться точка зрения о полезности труда и его высоком нравственном значении. Труд рассматривался как высокое нравственное и религиозное служение, а не просто как добывание средств к жизни. Отсюда высокая заинтересованность в результатах труда.

II. **Рынок как способ функционирования экономики, ее регулятор. Развитая частная собственность**. В XI–XIV вв. в Западной Европе широкое развитие получила торговля. Торговые, экономические связи создавали основу для единства раздробленной Европы. С XV в. хозяйственная деятельность горожан строилась на новых основаниях–**свобода торговли и предпринимательства получила правовые гарантии.** Появились рыночные формы организации экономической деятельности–банковские конторы, векселя, ломбарды и т. д. Становление рыночной экономики устойчиво связывается с понятием **капитализм,** которое происходит от слова **«капитал»** (лат. capitalis–главный), которое появилось в XII – XIII вв. и означало ценность, запас товаров, какую – либо массу денег; деньги, приносящие прибыль. В XVII в. начали употреблять слово «капиталист», то есть обладатель денежного капитала. Более широкое распространение понятие «капитализм» получило в середине XIX в. Этот термин трактуют по – разному:

- Одни ученые основное свойство капитализма видели в возникновении свободного от каких – либо ограничений рынка товаров, труда и капиталов;

- Другие считали, что при капитализме главная, определяющая черта и в организации производства, и в отношении к труд - это рациональность, эффективность и прибыльность;

- В отечественной науке понятие «капитализм» употреблялось в трактовке К. Маркса и означало последнюю классовую формацию, основанную на частной капиталистической собственности и эксплуатации наемных рабочих.

Понятие «капитализм» в разной трактовке было широко распространено в общественных науках во второй половине XIX–первой половине XX вв. Однако в современных условиях сфера использования этого понятия сужается, оно применяется в основном к периоду, когда господствовали свободная конкуренция и фабрично – заводское производство.

III. **Классовая структура общества, развитые формы классовой организации: профсоюзы, партии, программы, идеологии и т. д.** Корпоративная структура средневекового общества разрушалась по мере становления современной цивилизации. В XIV–XV вв. пришла в упадок цеховая организация, распалась и крестьянская община. Появившиеся на их месте частная собственность, рыночная экономика привели к разделению общества на классы, и, следовательно, формированию классовых интересов. Понятие «классы» (от лат. classis–разряд) в современной России находится под сильным влиянием марксистской традиции. Достаточно распространено определение, данное В. И. Лениным: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которым они располагают» (Словарь иностранных слов. – М.: Сирин, 1996, с. 229). Несмотря на почти повсеместную критику и отказ от

марксистской концепции, у такого подхода есть сторонники. Более современное определение гласит, что классы – «социальные группы, чье положение в обществе существенно различается по основным параметрам, причем эти различия имеют устойчивый и неустранимый характер, до такой степени отражающий его сущность, что правомерно говорить о классовой сущности общества» (Социальная политика: Толковый словарь. Издание второе, доработанное / Общ. ред. д.э.н., проф. Н. А. Волгин. Отв. ред. д.э.н., проф. Б. В. Ракитский. М.: Изд-во РАГС, 2002, с. 179). Некоторые российские исследователи придерживаются той точки зрения, что классы возникли в западных странах при переходе к фабрично–заводскому, индустриальному обществу и исчезают, размываются, начиная со второй половины XX в. по мере становления постиндустриального общества.

IV. Важную роль в классовых обществах играют **политические партии** (от лат. pars, partis–часть, группа;-политически активная и организованная часть класса, социального слоя или группы, которая выражает и формулирует его интересы). Партии возникают в обществах с ярко выраженной социально–классовой дифференциацией, что предопределяет многовариантность, плюрализм политического поведения. Первые политические партии возникли в античную эпоху в Древней Греции и Древнем Риме. Однако они очень далеки от современных представлений о политической партии. Партии в нынешнем понимании–это достаточно широкие объединения. Они имеют программу действий, организационные принципы и созданную на их основе партийную структуру. Наконец, они имеют свой электорат (от лат. elector–избиратель;-круг избирателей, голосующих за какую–либо политическую партию на парламентских, президентских или муниципальных выборах). Такие партии возникли впервые в Западной Европе, затем в других частях света в эпоху буржуазных революций. Появление парламентов и парламентаризма привело к превращению политических партий в основной субъект политики. Те партии, которые пользуются влиянием в массах, имеют

свои фракции в парламентах, направляют своих представителей в правительства, добиваются реализации своих целей.

V. **Наличие развитых, независимых от власти (горизонтальных) связей:** экономических, социальных, культурных, духовных и др. между отдельными индивидами. Результатом этих связей является наличие **гражданского общества** (гражданское общество–это сообщество граждан, объединенное многообразными экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между его членами, независимые от государства, но взаимодействующие с ним.

VI. **Правовое демократическое государство.** Государство в классовом обществе неизбежно предоставляет наибольшее влияние имущим и образованным слоям. Но главное заключается в том, что государство выступает в качестве регулятора социальных отношений, инструмента для разрешения социальных конфликтов, для обеспечения гражданского мира. Формой современного государства западного типа цивилизации является демократия (от греч. demos–народ, kratos–власть; - народовластие - это такой политический строй, в котором на практике осуществляется **равноправие** граждан, и различные формы народовластия закреплены в законах). Демократия предполагает согласие управляемых граждан на то, чтобы ими управляли. Это достигается через участие населения в выборах органов власти различного уровня. Вмешательство государства в гражданскую жизнь ограничено законом. Для того, чтобы государство не увеличивало сферу своего влияния, существует **разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную.** Каждая ветвь власти независима, но по отношению друг к другу они оказывают сдерживающее и уравновешивающее влияние. Демократическое общество предусматривает открытость, различные гражданские и политические свободы, свободу высказываний любых взглядов, кроме взглядов, разрушительных для общества. Демократическое государство охраняет человеческое достоинство и права личности. Его главный принцип – правит закон, а не люди. Однако все вышеизложенное не означает, что демократия является идеальной формой

правления. При демократии, к сожалению, также возможны злоупотребления власти по отношению к обществу, гражданам, нарушение законов и использование служебного положения. Тем не менее, именно демократия является наиболее адекватной политической формой государств западного типа цивилизации.

Противоречия западного типа цивилизации

Путь западной цивилизации не был безоблачным. На этом пути появлялись глубокие противоречия, часть из которых разрешалась в ходе исторического развития, другая часть накапливалась и создавала угрозу разрушения общества. К числу последних относились противоречия, связанные с сущностными характеристиками этого типа цивилизации. **Главными противоречиями были следующие: частная собственность, рыночные отношения, которые порождали имущественную и социально – классовую дифференциацию и связанное с ней социально–политическое неравенство.** Именно проблема социально – политического неравенства создавала острейшие социально–классовые конфликты и взрывы, которые потрясали западную цивилизацию на всем пути ее развития. Уже на ранних этапах истории западной цивилизации, в эпоху Древней Греции и Древнего Рима, возникли мечты об обществе социальной справедливости и социального равенства. Своеобразным итогом развития этих идей стало христианство.

С развитием буржуазного общества, с переходом от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике произошла массовая пролетаризация населения и образование нового класса абсолютно неимущих, а следовательно, экономически и социально зависимых людей – фабрично – заводских рабочих, пролетариев. Наличие большого числа неимущих граждан крайне обостряло социальные противоречия, расширяло социальную базу для протеста против обделенности и социальной несправедливости. В этом плане знаменателен XIX век. Он был полон социальных потрясений, в которых рабочий класс заявлял о себе как политическая сила, выступающая за ликвидацию социально–классового неравенства, за ликвидацию частной собственности. Появилась

теория, которая выступала против ценностей западной цивилизации и которая доказывала, что можно перейти к более справедливому обществу на стадии фабрично – заводского производства. Этой теорией был **марксизм,** ставший идеологией индустриальных рабочих. Марксизм стал учением, выдвинувшим альтернативу западному типу развития. Главные его черты сводились к следующему:

1) Сохранялась идея прогресса, вечного движения вперед к вершинам благосостояния и процветания;

2) Отказ от христианства как системы духовных ценностей западного типа цивилизаций, провозглашение атеизма–абсолютного безбожия, безрелигиозности.

3) Ликвидация частной собственности, рынка и связанной с ними социально–классовой дифференциации, создание общества без классов с общественной формой собственности.

4) Отмирание государства и связанных с ним учреждений, создание самоуправляющегося общества в масштабах всей западной цивилизации.

5) Отказ от индивидуализма, приоритет коллективизма, подчинение личных интересов интересам общества (коллектива).

К. Маркс предполагал, что при реализации его теории человечество получит общество разума, справедливости и равенства. Предлагалось ликвидировать то, что двигало западную цивилизацию: индивидуализм, частную собственность, рынок, демократию. Что же предлагалось взамен, какой механизм должен был двигать новое общество? Предполагалось, что в новом, коммунистическом обществе все граждане будут трудиться добровольно и сознательно по способностям и удовлетворять свои нужды по потребностям, создавая тем самым благополучие общества. Таким образом, К. Маркс, с одной стороны, раскрыл механизм создания и функционирования буржуазного общества, вскрыл причины появления противоречий, которые разрушали западную цивилизацию; с другой стороны, он предложил взамен лишь умозрительную, утопическую идею.

Однако западную цивилизацию разрушали и дестабилизировали не только социально–классовые конфликты - были и другие разрушительные факторы. Эпоха образования в Европе национальных государств, Великие географические открытия, которые изменили прежние представления об окружающем мире, оправдание колониальной экспансии, применение насилия в отношении угнетенных народов, возвеличивание «цивилизаторской миссии» европейских держав в колониях все это привело к появлению **национализма.** В 1853 г. французский социолог Жозеф Артюр де Гобино опубликовал работу «О неравенстве человеческих рас», в которой изложил свою расовую теорию. Он утверждал извечное превосходство белой расы над всеми остальными. Националистические идеи превращались в сложившиеся стереотипы массового сознания. Это грозило разрушением гуманистической культуры, различными катаклизмами и не только Европе, но и всему миру.

Гуманистические ценности западной цивилизации оказались под угрозой исчезновения и под воздействием других факторов, а именно: факторов, которые позволили Западу резко вырваться вперед из остального мира. В данном случае имеются в виду промышленная революция и технический прогресс. Задача индустриального общества заключалась в том, чтобы максимально увеличивать производительность, перерабатывать сырье в определенные продукты и вовлекать в этот труд большое количество людей. Человек превращался в придаток машины по мере дальнейшего совершенствования техники. Работник действовал в жесткой производственной системе: конвейеры, непрерывное производство, разделение операций на простейшие. Кроме того, индустриальное общество формировало огромную армию специалистов в области естественных наук и техники, которые обслуживали производство. Происходила индустриализация жизни самого человека – механический транспорт, бытовая техника, жесткий ритм жизни, подчиненный производству, огромные скопления людей в больших городах, которые превращали народ в безликие массы. В этих условиях человек обезличивался, размывались индивидуалистические ценности, значимость

человека и его жизни падала. В общественном сознании утверждались приоритеты техники, естественных знаний. Поскольку гуманистические ценности нельзя просчитать и выразить в виде формулы, они все больше выглядели как эфемерные предрассудки (от греч. ephemeros – однодневный; - мимолетный, скоропроходящий, нереальный).

В начале XX в. кризис Запада стал реальностью. Насколько близко подошла западная цивилизация к гибели, показала уже первая мировая война. Во всех воюющих странах была свернута демократия, государство активно вмешивалось в сферу производства и распределения, широко применялись меры внеэкономического принуждения. Война поставили под ружье 75 млн. человек во всех воюющих странах, оторвала наиболее активную часть обществ европейских стран от созидательного труда. Война привела к массовому уничтожению людей, масштабным разрушениям. Человеческая жизнь потеряла самоценность. В ходе первой мировой войны впервые были применены пулеметы, танки, боевые отравляющие газы. Казалось, западная цивилизация переродилась во что-то другое.

Первая мировая война материализовала силы политического радикализма, которые грозили разрушением западной цивилизации и предлагали альтернативы западным ценностям. Это были **фашизм (радикально – правые силы) и коммунизм (радикально – левые силы).** Они имели разную социальную основу, но одинаково отвергали рынок, демократию, индивидуализм. Что касается коммунистической идеологии, о марксизме было сказано выше. Но не коммунизм был главной опасностью для западной цивилизации. Сила, которая угрожала не только европейским народам, но и всему человечеству, был фашизм и его разновидность – национал – социализм. Фашизм явился отражением и порождением главных противоречий западного пути. В нем переплелись и национализм, доведенный до расизма, и идея о регулируемом, технократическом государстве, и идея социального равенства, и тоталитаризм. Первый фашистский режим был установлен в Италии в 1922 г. (режим Б.Муссолини). В 1933 г. с приходом к власти А. Гитлера фашистский

режим установился в Германии. Коричневое пятно стало расползаться по карте Европы.

Разрушение западной цивилизации шло так быстро, что к началу 1940 – х гг. от нее остались лишь островки: Великобритания, Канада, США. Казалось, феномен прогрессивного типа развития исчезает. Однако и в эпоху глубокого кризиса между двумя мировыми войнами существовала и развивалась линия на обновление западной цивилизации. Эта линия была связана прежде всего с именем английского экономиста Дж. М. Кейнса. **Дж. М. Кейнс** предложил путь смягчения противоречий, присущих западной цивилизации. Он утверждал, что наличие большого слоя неимущих граждан, резкая социально–имущественная дифференциация опасны для общества. Государство должно оказывать неимущим слоям поддержку, перераспределять часть национального дохода, отнимая у богатых в виде налогов в пользу бедных. Государство должно страховать общество от голода, безработицы, нищеты. По мнению Кейнса, государство вообще должно активнее вмешиваться в общественные процессы, не допускать раскола общества, должно регулировать экономические процессы, чтобы общество не превратилось в игрушку рыночной стихии. К этому выводу Кейнса и его последователей подтолкнул мировой экономический кризис 1929 – 1933 гг. Были предприняты попытки реализовать идеи Кейнса на практике. Они связаны с именем американского президента Франклина Д. Рузвельта (1933–1945 гг.). Ф. Д. Рузвельт предложил для преодоления «великой депрессии» политику, вошедшую в историю под названием «новый курс». Американский президент ввел общественные работы для безработных, пособие по безработице и пенсии, другие меры социальной защиты. Тогда, в 1930 – е гг., было неясно, получит ли более широкое распространение такая политика. Это во многом зависело от исхода второй мировой войны. Совместными усилиями стран антигитлеровской коалиции фашизм был разгромлен. Это открыло путь для обновления западной цивилизации. Хотя это обновление шло непросто, в условиях «холодной войны», конфронтации, гонки вооружений, тем не менее в 70-е гг. XX в. стало очевидно: **западная цивилизация**

приобрела новый облик. Новые характерные черты современной западной цивилизации сводятся к следующему:

1) **Изменились формы владения частной собственностью.** Произошел переход от преимущественно индивидуализированных форм к коллективным формам владения собственностью. Преобладающими стали коллективные формы владения собственностью и капиталом: акционерные, кооперативные общества и т. п. При этом собственность продолжает оставаться частной со всеми ее признаками и гарантиями.

2) **Уменьшилось число абсолютно неимущих и бедных, не имеющих собственности.** Путем продажи акций мелким вкладчикам, в том числе рабочим и служащим, поддержки мелких предпринимателей был сформирован **средний класс.** В современных индустриально развитых странах средние слои составляют до 80 % населения. Таким образом, была достигнута цель сглаживания социального неравенства.

3) Ввиду изменения социальной структуры общества **резко сократилась база для движений политического радикализма, их влияние резко упало.** Дело в том, что средние слои, будучи собственниками, заинтересованы в стабильности общества, в демократии, охране личности. Ушли в прошлое идеи пролетарской революции, диктатуры пролетариата. Однако социалистическая идея, как идея социальной справедливости, осталась, утрачивая классовый характер и обретая ценность гуманистического идеала.

4) **Возросли производительность и качество труда в результате научно–технической революции,** в результате возросло совокупное национальное богатство. Это позволило создать **высокий уровень социальной защиты личности,** достичь высокого уровня благосостояния для большей части населения за счет перераспределения национального богатства в пользу менее обеспеченных слоев общества.

5) **На новый уровень поднялась демократия.** Это связано с тем, что много было достигнуто в обеспечении прав личности. **Права личности стали**

главным лозунгом, под которым развертывалась борьба за демократию во второй половине XX в.

6) Опыт совместной борьбы с фашизмом, крушение колониальных империй, экономическое развитие требовали **интеграции,** объединения, а не разъединения по национальным квартирам. Практическим воплощением этих интеграционных тенденций в Европе в послевоенный период явилось создание Европейского сообщества (ЕС). Некоторые исследователи считают эту тенденцию к объединению Европы и мира как необратимую.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что западная цивилизация во второй половине XX в. сумела преодолеть кризис и приобрела новый облик.

Модернизация обществ восточного типа

Чем быстрее развивалась западная цивилизация, тем очевиднее становился разрыв в уровнях развития между Востоком и Западом. Запад, эксплуатируя весь мир, вырвался далеко вперед, особенно в индустриальную эпоху. Например, к концу XIX в. Великобритания владела 55 колониями, и 400 млн. человек в четырех частях света считались подданными британской короны. В 1850 г. страна производила текстиля и железа больше, чем все остальные государства мира вместе взятые. Существенные различия наблюдались и в сфере культуры. Например, первый университет в Европе, который давал светское образование, появился в XII в. Прошло семь столетий до того времени, когда подобное учебное заведение было открыто на Востоке.

Восток застыл в своем политическом, а главное – социально–экономическом развитии. Поэтому рано или поздно должна была встать проблема ускорения развития обществ восточного типа. Такое ускорение получило название модернизации. **Модернизация**–это реконструкция социально–экономических, политических, культурных и других основ жизни общества путем различных нововведений и усовершенствований. **В более узком смысле под модернизацией понимается промышленная революция и**

индустриализация, складывание общенационального рынка и единой системы хозяйствования. Модернизация может развиваться по двум путям: 1) модернизация является результатом внутреннего развития; по этому пути шли страны Западной Европы в XVI – XVII вв. и Соединенные Штаты Америки; 2) модернизация может быть своеобразным ответом на вызов других стран с более мощной, динамичной экономикой; по этому пути шли Германия, Россия и другие страны в XIX – начале XX вв.

Теория модернизации возникла на Западе и опирается на западный опыт. В соответствии с этими теориями **модернизация должна решать следующие задачи:**

I. В социальной области – четкая специализация людей, общественных и государственных учреждений по видам деятельности. При таком подходе положение человека в обществе зависит от его личных качеств, усердия, образования, профессиональной квалификации. Человек, в принципе, независимо от происхождения, национальности и т. п. может занять любое место в обществе.

II. В экономической области – осуществление индустриализации, то есть создание крупной промышленности, производящей прежде всего орудия и средства производства, утверждение частной собственности и рыночных отношений. Благодаря этому возникает самоподдерживающаяся экономика, которая имеет внутренние, собственные стимулы для развития.

III. В политической сфере–переход к светскому государству, введение разделения властей, включение населения в политический процесс через выборы, партийную деятельность и т. п., внедрение демократии. Такое устройство предполагает плюрализм политического поведения. Демократия обеспечивает согласование индивидуальных, групповых, общественных интересов, и позволяет обществу самому развиваться в политической сфере.

IV. В культурной и духовной областях – проводится **секуляризация (**от лат. saecularis–светский, то есть нерелигиозный, освобождение от

церковного влияния сферу образования, науки, художественного творчества), распространение грамотности, религиозной терпимости и свободы совести.

Исторический опыт модернизаций богат и разнообразен. Страны Азии, Африки и Латинской Америки испытали сильное давление со стороны колониальных держав. Они были втянуты в рыночные отношения через развитие частной собственности, социально–классовой дифференциации. Формировались группы людей, получивших образование на Западе–они были привержены европейской культуре и европейским ценностям. Стала появляться возможность сравнения собственных традиций с западным стандартом уровня жизни, прав личности, политического плюрализма и т. д. Из этого слоя людей, хорошо знавших Запад, как правило, и выдвигались лидеры национально–освободительного движения, которые мечтали об освобождении для своих стран от колониальной зависимости, мечтали о процветании своих народов. Европейский образец стал ориентиром для колониальных стран, а также стран, которые не были колониальными, но подвергались влиянию Запада. В XIX в. во многих странах восточного типа развернулись реформы, с которыми связывались надежды на то, что Восток впишется в европейские стандарты. Но дело в том, что социальная база для таких преобразований была крайне узкой. Большинство населения продолжало существовать в рамках вековых традиций.

Дальше всех в реформах во второй половине XIX в. продвинулась Япония. Эта страна была закрыта, изолирована от западного влияния и явно не относилась к числу колониальных стран. В результате реформ был открыт путь для частнопредпринимательской деятельности, собственность была юридически защищена, развернулось промышленное строительство. В 1889 г. от имени императора был опубликован текст Конституции. Япония стала конституционной монархией, появился парламент. В первой половине XX в. попытки реформ в восточных странах продолжались. Особенно активными эти попытки были в ходе революций в начале XX в. Азиатские страны стремились освободиться от колониальной и полуколониальной зависимости

и одновременно искали пути изменения общественного устройства, пути дальнейшего развития. Например, в Китае после революции была провозглашена республика во главе с президентом Сунь Ятсеном. Однако это не затронуло основ общественного устройства. Процесс модернизации в Китае в первой половине XX в. шел трудно, с постоянными откатами назад.

Следует также иметь в виду, что модернизация обществ восточного типа совпала с нарастающим кризисом западной цивилизации. Это, естественно, осложняло процесс модернизации, потому что внедрение элементов западной цивилизации вело к воспроизводству противоречий западных обществ. Стало также очевидно, что простое заимствование и насаждение сверху западных образцов невозможно. Искусственно насажденные западные элементы оказывались несовместимыми с фундаментальными ценностями восточных обществ и или разрушали их, либо отторгались им.

Модернизация восточных стран в наибольших масштабах развернулась после второй мировой войны. Особенностью этого периода в модернизации было то, что она развивалась наряду с сохранением главных цивилизационных ценностей, что давало возможность этим сообществам сохранить себя под давлением ценностей другого типа цивилизации. Толчком к этой модернизации послужила деколонизация Востока, освобождение стран Азии и Африки от колониальной зависимости. Пути модернизации выбирались разные. Можно выделить три наиболее часто встречающихся варианта.

I вариант модернизации. ***Введение и приспособление элементов прогрессивного типа развития к собственным условиям в полном объеме: рынок и все, что ему сопутствует; демократия и правовое государство.*** Модернизация по этому варианту шла, конечно, непросто и принесла успех тем странам, у которых уже был наработан определенный багаж еще до второй мировой войны. Этим странам помогло то, что сама западная цивилизация обновлялась, и то, что страны Востока получали помощь от

западных стран. На Востоке есть две демократии с парламентом и с развитыми партийно–политическими системами: это Япония и Индия. Однако при внешнем сходстве с западными, эти демократии очень сильно от них отличаются. Дело в том, что в отличие от западных, политические партии в Японии, например, жестко организованы и в них царит строгая дисциплина. Партии, по существу, контролируют каждого своего члена. Партия, которая побеждает на выборах, приобретает такое влияние, что это приводит к фактической однопартийности - диктатуре одной партии.

Для Востока характерно особое отношение к национальному лидеру. Политика во многом персонифицирована. Исход политической борьбы в восточных странах в большей степени определяет авторитет личности, а не что–либо другое, например, программа какой–либо политической организации. Из этого проистекает такое явление, как занятие высших государственных должностей по принципу наследования. Классический пример такой практики–занятие должности премьер – министра Индии: Джавахарлал Неру – его дочь Индира Ганди – его внук Раджив Ганди. Аналогичная ситуация была и в Пакистане: политический капитал убитого экстремистами премьер – министра Зульфикара Бхутто послужил основанием для прихода на этот пост его дочери – Беназир Бхутто.

Даже в такой современной стране, как Япония, очень сильны традиционные ценности, прежде всего коллективизм, подчинение интересов личности коллективу. До сих пор в Японии община играет большую роль на разном уровне и в разных формах. Сами японцы называют свой капитализм «корпоративным», то есть коллективным. Господствующим является принцип «Корпорация превыше всего». В японской компании, начиная от управляющего и до рабочего, все руководствуются прежде всего интересами фирмы. Для европейца или американца такая ситуация непонятна, а для японца это–закон, который не может быть нарушен. В противном случае, выпадая из корпоративной общины, человек лишается мощной социальной поддержки и защиты. В процессе модернизации Японии пришлось

преодолевать многие трудности и проблемы. Несмотря на это, Япония сумела их преодолеть и, пройдя индустриальную стадию, первой из восточных стран вошла в постиндустриальную эпоху–создала у себя информационное общество. В Японии существуют мощные слои мелких и средних собственников, которые служат опорой демократии и рыночного развития.

II вариант модернизации. ***Внедрение организационно–технологических элементов индустриального общества, рыночных отношений при сохранении общественной системы восточного типа.***

При данном варианте модернизации рынок дает механизм для прогрессирующего развития, но при этом сохраняются традиционные ценности. Примерами такой модернизации могут служить некоторые ближневосточные страны, демонстрирующие процветание, основанное на богатых природных ресурсах, прежде всего нефти. Такие государства, как Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты имеют развитый индустриальный потенциал, современное производство и быт, университеты и библиотеки, развитую инфраструктуру. Например, в столице Объединенных Арабских Эмиратов Аду – Даби в 2005 г. была торжественно открыта самая роскошная и комфортабельная гостиница в мире, которую невозможно оценить в привычной шкале гостиничных «звезд». Отель включает в себя 344 номера–дворца, объединенных под 144 мозаичными куполами. Номера оборудованы плазменными кинотеатрами, беспроводной связью и компьюторными узлами. Гостиница располагает двумя курортными комплексами, пляжем, протяженностью 1,3 км, 20 ресторанами с национальными кухнями, конференц–залом на 1200 мест и 40 офисными помещениями. Этот отель «Каср аль-Имарат» («Дворец Эмиратов») считается архитектурным символом ОАЭ и воплощением прогресса, достигнутого страной во всех областях. Наряду с этими достижениями бедуины ведут привычный, традиционный образ жизни, а женщины обязаны закрывать свое лицо. Другие страны, реализующие этот вариант модернизации, имеют, возможно, достижения более скромные, но все же значительные. Например, в

Южной Корее мелкая частная собственность была введена только в 1949 г.. Тогда же началось внедрение рыночных отношений. В настоящее время эта страна с развитой рыночной экономикой, занимающая важные позиции в Азиатско–Тихоокеанском регионе и в мире в целом. Однако при развитой рыночной экономике в стране отсутствуют развитые формы демократии, что ведет к конфликтам между властью и значительной частью населения. Как показывает опыт, рынок и демократия взаимосвязаны, и те страны, которые избрали второй вариант модернизации, как считают некоторые исследователи, рано или поздно перейдут к первому варианту модернизации. Подобный переход осуществила Турция, начавшая модернизацию по второму варианту, а затем перешедшая на первый вариант.

III вариант модернизации. ***Перенесение только организационно–технологических структур индустриального общества при отрицании рынка и демократии. Знаменем этого варианта модернизации стала социалистическая идея в марксистском варианте. Этот вариант предполагает индустриальный прогресс в условиях социального равенства и коллективизма.***

Такой вариант модернизации создавал индустриальную базу, научный потенциал, слой квалифицированных специалистов. Что касается социализма, то, как показал опыт, социализм как реальное общество невозможен. В обществе, модернизируемом по третьему варианту, на первый план выдвигались технократы, которые под флагом социализма создавали технизированное общество. Ввиду того, что отсутствовали рынок и демократия, не было механизмов саморазвития, и роль государства усиливалась еще больше. Государство брало на себя функции приумножать индустриальный потенциал, готовить кадры, осуществлять контроль. Все ресурсы направлялись на обслуживание индустриального потенциала. При таком варианте прогресс предусматривал высокий темп развития, который обеспечивался за счет насилия. Система власти из авторитарной превращалась в тоталитарную. Государство ограничивало права и свободы,

бюрократия становилась всесильной, коммунистические правители обожествлялись. Наиболее яркие примеры модернизации этого типа демонстрировали Китай эпохи Мао Цзедуна, Северная Корея.

Модернизация такого типа активно поддерживалась Советским Союзом. СССР оказывал всестороннюю помощь–безвозмездные кредиты, оружие, подготовка кадров, строительство заводов, гидросооружений, больниц и т. п. Но как показал исторический опыт, этот вариант оказался тупиковым, поскольку общество не имело механизмов саморазвития, а насилие в безграничных размерах разрушало общества. Поэтому большинство стран, которые развернули модернизацию на основе социалистической идеи, вынуждены были отказаться от этого пути.

2. 3. 4. Мондиализм как одно из направлений современной зарубежной геополитики.

Ф. Фукуяма и его концепция о «конце истории» и «борьбе за признание»

После окончания второй мировой войны наступила Потсдамская геополитическая эпоха, которая характеризовалась противостоянием двух общественно–политических систем, состоянием «холодной войны» и претензиями Соединенных Штатов Америки на мировое господство. Локальные войны и конфликты, конфронтация в различных регионах земного шара были составной частью глобальной борьбы, которую вели друг с другом СССР и США. В такой ситуации Соединенные Штаты нуждались в мировой стратегии и адекватной модели мира. Широкое распространение в США на этом этапе получили работы различных авторов, которые основывались на идеях классической геополитики, выдвинутых А. Мэхэном, Дж. Х. Маккиндером. Различные геополитические сочинения предлагали в том или ином варианте разновидности политики «баланса сил». **Это направление в американской геополитике получило название атлантистской линии или атлантизма**.

По прошествии нескольких десятилетий изменения, произошедшие в мире после окончания «холодной войны», «бархатных революций» в Центральной и Восточной Европе, после распада СССР требовали соответствующего идейно–политического обоснования. Активно разрабатывались новые геополитические модели, в которых участвовали бы не две основные силы, а только одна. Такое направление геополитической мысли получило название **мондиализм** (от фр. monde–мир, мондиалистский-мировой). **Смысл мондиализма сводится к утверждению неизбежности полной планетарной интеграции, перехода от множественности государств, народов, наций и культур к «униформному миру».** Строго говоря, концепция мондиализма возникла задолго до победы Запада в «холодной войне». Истоки идеи общего планетарного единства можно найти в учении Огюста Конта (1798-1857 гг.) и Готхольда Э. Лессинга (1729–1781 гг.). Мондиалистские, по сути своей, идеи развивали умеренные европейские социалисты. О едином мировом государстве говорили и коммунисты, и представители либерально–буржуазных кругов. Практическим воплощением этих идей в XX в. стали такие организации, как Лига Наций после первой мировой войны и Организация Объединенных Наций с ее многочисленными структурами после второй мировой войны.

По мере сосредоточения всей концептуальной и стратегической власти над Западом в Соединенных Штатах Америки, именно США стали главным штабом мондиализма. Здесь создавались структуры, параллельные официальной власти, в которые входили консультанты, советники, аналитики из центров стратегических исследований. Их неофициальный статус давал им больше свободы в исследованиях и высказывании суждений. **Организационно развитие мондиализма** в США прошло следующие этапы.

I) В 1921 г. американский миллионер Дж. П. Морган создал Совет по международным отношениям (Council of Foreign Relations) для выработки американской стратегии в мировом масштабе с целью полной унификации планеты и создания мирового правительства.

II) В 1954 г. Совет по международным отношениям был расширен за счет привлечения европейских аналитиков, финансистов, политиков и интеллектуалов. В результате этого возникла Бильдербергская группа.

III) В 1973 г. Бильдербергская группа была преобразована в «Трехстороннюю комиссию» или «Трилатераль», поскольку наряду со штаб–квартирой в США и Европе появился еще один центр–на Дальнем Востоке. Целью «Трехсторонней комиссии» было объединение трех больших пространств, лидирующих в техническом развитии и рыночной экономике:

- Американское пространство (Северная и Южная Америка);
- Европейское пространство;
- Тихоокеанское пространство, контролируемое Японией.

Общей линией всех мондиалистских проектов был переход к единой мировой системе при преобладании ценностей Запада. **В теоретическом плане наиболее значительными из мондиалистских проектов** последних десятилетий были следующие:

I) Теория конвергенции, выдвинутая в 1970 – х гг. (от лат. convergere – приближаться, сходиться), предполагала необходимым преодолеть дуализм «холодной войны» через создание нового культурно–идеологического типа, который был бы промежуточным между социализмом и капитализмом, вобравшим в себя некоторые черты и того, и другого. Основанием для таких ожиданий было убеждение в общей культурной ориентации двух систем, основанных на традициях Просвещения и Гуманизма.

II) Концепция о «конце истории», выдвинутая в конце 1980–х гг. американским политологом Ф. Фукуямой в условиях, когда в СССР была объявлена «перестройка» и советским руководством проводилось реформирование страны, а в странах Центральной и Восточной Европы прошли «бархатные революции», изменившие общественно- политический строй в этих странах и разрушившие социалистическое содружество.

Фрэнсис Фукуяма родился в октябре 1952 г. в Чикаго. В 1974 г. он окончил Корнуэльский университет, а в 1977 г. получил степень доктора политических наук в Гарварде. Карьера Ф. Фукуямы началась в Управлении политических исследований RAND – Corporation, где он работал с перерывами в 1979 – 1980 , 1983 – 1989 и в 1995 – 1996 гг. Об этом периоде сам Фукуяма писал так: «Многие годы я работал в РЭНД, которая была основана американскими военно–воздушными силами в 1948 году как частный, некоммерческий исследовательский институт для разработки проблем национальной безопасности. РЭНД следовало бы классифицировать как часть американского гражданского общества, однако это едва ли справедливо, поскольку б'ольшая часть работы корпорации выполняется по контракту для министерства обороны или вооруженных сил. Хотя то, что эти исследования ведутся в квазиавтономной некоммерческой организации, позволяет ей проявлять немного больше гибкости в отношении персонала, программы исследований и изоляции от политического давления, теоретически же те работы могут осуществляться непосредственно органами федерального правительства. То же верно и для всех некоммерческих исследовательских лабораторий в США, которые основаны Национальным научным фондом, Национальным институтом здоровья или министерством обороны» (Ф. Фукуяма. Великий разрыв. Изд – во АСТ: Ермак. – М., 2004, с. 416).

В 1981–1982 и 1989 гг. Ф. Фукуяма входил в состав группы по политическому планированию госдепартамента США, а затем был назначен заместителем директора отдела, который специализировался на проблемах стран Ближнего Востока и бывшего СССР. С 1996 г. он работал профессором политологии в университете Дж. Мэйсона в г. Фэрфаксе, штат Вирджиния, а также занимал пост декана факультета международной политической экономии Школы перспективных международных исследований Пола Нитце университета Джона Хопкинса. Ф. Фукуяма входит в состав президентского совета по биоэтике, в попечительские советы Национального фонда демократии, фонда «Новая Америка» и в консультативные советы журналов

«National Interest» и «Journal of Democracy». Известность Ф. Фукуяме как яркому публицисту и блестящему политическому аналитику принесла его статья «Конец истории?», опубликованная в 1989 г. в журнале «National Interest» и перепечатанная в более чем 30 странах мира, включая СССР (Ф. Фукуяма. Конец истории? // Вопросы философии, 1990, № 3, с.138-148). Не меньшую известность приобрели и две его книги, ставшие мировым бестселлером, - «Конец истории и последний человек» (Русский перевод этой книги появился в России спустя более чем десятилетие после выхода в свет оригинала на английском языке – Ф. Фукуяма. Конец истории и последний человек / Пер. с анг. М. Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004, 588 с.) и «Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния» (1995 г.). Эта книга была признана лучшей по теории бизнеса журналом «European», а журнал «Newsweek» включил ее в список десяти лучших книг по проблемам предпринимательства. Проблемам современного западного общества, анализу связей между ростом благосостояния и кризисом семейных и социальных приоритетов посвящена книга Ф. Фукуямы «Великий разрыв» (1999 г.) (Ф. Фукуяма. Великий разрыв / Пер. с анг. общ. ред. А. В. Александровой. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004, 474 с.). Последней на сегодняшний день известной работой Фукуямы стала книга «Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции».

Для понимания современных мондиалистских теорий большой интерес представляет, конечно, концепция о «конце истории». Ф. Фукуяма писал свою имевшую большой успех статью с осознание перемен, переживаемых человечеством в конце XX в. Речь шла о взаимодействии и взаимовлиянии ценностей различных типов цивилизаций, точнее о влиянии одной из цивилизаций–западной-на все остальные (Идеалами и принципами либеральной демократии, выработанными западноевропейским и американским обществом с XVIII в., были свободные выборы основных институтов власти, принцип разделения властей, правовое государство, органы которого были

эффективны и в то же время подконтрольны общественности, права и свободы граждан). Какая же существует связь между концом истории и взаимодействием цивилизаций? Что понимал Ф. Фукуяма под «концом истории»? «Мы, - писал он, - свидетели не просто конца холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конца истории, как таковой, завершения идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет–либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном материальном мире до победы еще далеко. Но … именно этот идеальный мир и определит в конечном счете мир материальный» (Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, 1990, № 3, с. 134-135).

Сам американский политолог, высказавший неожиданную гипотезу о конце истории–следует помнить о вопросительном знаке в заголовке его статьи, о котором многие его читатели и критики забывают – не претендовал на пальму первенства и прямо писал о том, что идея о конце истории была высказана почти два века назад. Первым утверждение о конце истории высказал великий немецкий философ **Г. В. Ф. Гегель** в утвердительном, а не в вопросительном смысле. **Именно гегелевскую философию Ф. Фукуяма использовал в качестве методологической основы своего анализа.**

Будучи свидетелем войн наполеоновской Франции, которые были внешнеполитическим продолжением Великой Французской революции, Г. В. Ф. Гегель пришел к выводу о конце истории после битвы при Йене в 1806 г., в результате которой Пруссия потерепела поражение от Наполеона. Для Гегеля это была победа идеалов Французской революции–принципов свободы и равенства–над прусской монархией. **Гегель полагал, что в некий момент история достигает кульминации, а именно в тот момент, когда побеждает окончательная, разумная форма общества и государства. Либеральные ценности западной цивилизации воспринимались именно в таком качестве.**

Ф. Фукуяма рассматривал эту проблему через призму соотношения идеального и материального мира и подчеркивал, что гегелевская философия была искажена и дискредитирована, в частности, К. Марксом и его последователями, которые утверждали, что историческое развитие определяется взаимодействием материальных сил, а вся сфера сознания– религия, искусство и сама философия полностью определяются преобладающим способом производства. Фукуяма считал важным и актуальным «спасти Гегеля от интепретаторов-марксистов и воскресить его как философа, идеи которого могут иметь значение для современности» (Там же, с. 135).

Для достижения этой цели Ф. Фукуяма обратился к авторитету известного немецкого социолога М. Вебера и малоизвестного в США и в России А. Кожева–«блестящего русского эмигранта …, который оказал большое влияние на интеллектуальную жизнь европейского континента, среди учеников которого были такие будущие светила, как Жан-Поль Сартр и Раймон Арон» (Там же). Именно благодаря М. Веберу и А. Кожеву, как считал Ф. Фукуяма, Гегель с его глубоким философским наследием стал доступен и понятен людям, жившим в XX веке. Именно эти авторы донесли до своих современников мысль Гегеля, что **противоречия, которые движут историю, существуют прежде всего в сфере человеческого сознания, то есть на уровне идей, идеологий**, под которыми понимались не только политические идеи, но и религия, культура, нравственные ценности; что **сознание творит материальный мир, и является не следствием, а причиной всего.**

Ф. Фукуяма разделял мнение А. Кожева, который считал, что гегелевская разумная форма общества и государства уже воплотилась в либерально-демократических странах послевоенной Западной Европы. Эти государства либеральны, поскольку через систему законов защищают неотъемлемое право человека на свободу, и они демократичны, поскольку существуют с согласия подданных. В результате двух мировых войн, революций и переворотов **XX век, как считал Фукуяма, стал временем**

пространственного распространения принципов либерально-демократического государства, которые уже не могли быть улучшены. Доказатедьством этого являлся «ошеломляющий успех Азии» за последние несколько десятилетий и превращение азиатско-тихоокеанского региона в экономически процветающий и перспективный район. Фукуяма объяснял впечатляющие достижения «молодых тигров Азии» не только действием свободного рынка и возможностью для народов этого региона «свободно следовать материальным интересам». Гораздо более важным для него было то, что «культурное наследие дальневосточных обществ, этика труда, семейной жизни, бережливость, религия, - все это не накладывает ограничений на экономическое поведение людей в отличие от ислама» (Там же, с. 138).

Еще более впечатляющим доказательством истинности того, что сознание и культура обуславливают экономическое поведение людей, считал американский политолог, являлись реформы, проводившиеся с конца 1970-х – 1980-е гг. в Китае и Советском Союзе. Фукуяма возражал против мнения, что побудительным толчком к этим реформам явилась недостаточность нематериальных иделогических стимулов, что «для целей преуспеяния следует апеллировать к низшим формам личной выгоды». Ведь плановая экономика и в Советском Союзе, и в Китае просуществовала многие десятилетия и достаточно продемонстрировала свои изъяны. Ф. Фукуяма был убежден, что причины реформ «следует искать в сознинии элиты и ее лидеров», что перемены не были «неизбежным следствием материальных условий, в которых эти страны находились накануне реформы, Напротив, изменение произошло в результате того, что одна идея победила другую». Для Ф. Фукуямы это было бесспорно, так как история знает массу примеров, когда люди переносили «любые материальные невзгоды во имя идей, существующих исключительно в сфере духа, идет ли речь о священных коровах или о Святой Троице» (Там же).

Конечно, Ф. Фукуяма понимал, что ни Китай Дэн Сяопина, ни Советский Союз времен Горбачева, не являлись либеральными демократиями, но, по его мнению, двигались именно в этом направлении и не было никакой

необходимости переводить все народы на либеральные рельсы: «… ***в конце истории,*** - писал он, - нет никакой необходимости, чтобы либеральными были все общества, достаточно, чтобы были забыты идеологические претензии на иные формы общежития … в Советском Союзе Горбачев позволил сказать то, что они понимали в течение многих лет, а именно, что магические заклинания марксизма-ленинизма–бессмыслица, что советский социализм–не великое завоевание, а по существу грандиозное поражение», и перспективы «восстановления власти после разрушительной работы Горбачева, - полагал американский политолог,-возможно лишь на основе новой и сильной идеологии, которой, впрочем, пока не видно на горизонте» (Там же, с. 144). Справедливости ради следует заметить, что в современной России, отделенной от событий, описанных Ф. Фукуямой почти двумя десятилетиями, так и не появилось какой-либо внятной и принятой обществом идеологии.

Победа принципов либеральной идеологии над своими идейными противниками–коммунизмом и фашизмом–подвели Ф. Фукуяму к вопросу: **остались ли у либерализма еще какие-нибудь идеологические конкуренты** и проблемы, которые не могут быть разрешены в либеральном обществе. В качестве вероятных конкурентов он назвал религию и национализм. Что касается **религии**, то Ф. Фукуяма признавал, что «люди глубоко несчастны от безличия и духовной пустоты либеральных потребительских обществ», что эта пустота является «идеологическим дефектом либерализма», но при всем при том был убежден, что религия, несмотря на все ее оживление, не станет перспективой либеральных обществ. Дело в том, что сам либерализм появился в обществах, основанных на религии, которые «обнаружили свою неспособность обеспечить даже минимальные условия для мира и стабильности». Поэтому Ф. Фукуяма писал, что в современном мире создание теократического государства в качестве альтернативы либерализму предлагается только исламом, и, следовательно, является малопривлекательным для немусульман, что делает такой вариант маловероятным – менее же «организованные религиозные импульсы с успехом

удовлетворяются в сфере частной жизни, допускаемой либеральным обществом» (Там же).

Национализм, по мнению Ф. Фукуямы, представлял собой серьезную деструктивную силу, неоднократно демонстрировавшую свою мощь в двух мировых войнах. Но американский политолог с оптимизмом утверждал, что в конце XX в. националистические движения «хотя и могут представлять собой источник конфликта для либеральных обществ, этот конфликт вытекает не из либерализма, а скорее из того факта, что этот либерализм осуществлен не полностью» (Там же, с. 145).

Обращаясь к сфере **международных отношений**, Ф. Фукуяма исходил из того, что **«конец истории» распространяется и на эту сферу.** Тезисно взгляды Ф. Фукуямы на эту проблему сводятся к следующему:

А) Опираясь на концепцию о «конце истории», мир можно разделить на две части. Первая часть, принадлежащая истории–б*ольшая часть третьего мира в течение многих лет будет оставаться ареной конфликтов, возникающих главным образом на этнической и националистической почве. С этой частью мирового сообщества Ф. Фукуяма связывал терроризм и национально-освободительные войны.

Б) Другая часть государств, принадлежащих к постистории–это крупные развитые государства, «ответственные за б*ольшую часть мировой политики». Ф. Фукуяма считал, что эти государства в XIX в. проводили империалистическую политику, покоящуюся на определенном идеологическом базисе: «самые «либеральные» европейские общества были нелиберальны, поскольку верили в законность империализма, то есть в право одной нации господствовать над другими нациями, не считаясь с тем, желают ли эти нации, чтобы над ними господствовали. Оправдание империализму у каждой нации было свое: от грубой веры в то, что сила всегда права, в особенности, если речь шла о неевропейцах, до признания Великого Бремени Белого Человека, и христианизирующей миссии Европы. Но каким бы ни был тот или иной идеологический базис, каждая «развитая» страна верила в приемлемость

господства высшей цивилизации над низшими. Это привело во второй половине столетия к территориальным захватам и в немалой степени послужило причиной мировой войны» (Там же, с. 146).

Ф. Фукуяма считал, что ситуация в Европе изменилась кардинально после второй мировой войны. Победа над фашизмом, по его мнению, означала, что «европейский национализм был обезврежен и лишился какого-либо влияния на внешнюю политику, … модель великодержавного поведения XIX века стала настоящим анахронизмом … Международная жизнь в той части мира, которая достигла конца истории, в гораздо большей степени занята экономикой, а не политикой или военной стратегией» (Там же). Ф. Фукуяма отдавал должное европейцам, которые пошли дальше американцев «в отрицании законности применения силы в международной политике».

В) Дестабилизирующим фактором мировой политики Ф. Фукуяма считал существование коммунистических государств, так как коммунистическая и либеральная идеологии антагонистичны, для марксистско-ленинской идеологии характерен экспансионизм и именно это обстоятельство, по его мнению, подталкивало страны Запада к укреплению своей обороны и «отражению мировой коммунистической опасности». В связи с этим наибольшие опасения у Ф. Фукуямы вызывали СССР и Китайская Народная Республика. Ф. Фукуяма выражал надежду на то, что исчезновение марксизма-ленинизма в Китае и Советском Союзе будет означать «крах его как жизнеспособной идеологии, имеющей всемирно-историческое значение, и … окончательно подорвет ее притензии на авангардную роль в истории. Ее гибель одновременно … снизит вероятность серьезного межгосударственного конфликта» (Там же, с. 148).

Г) Особое внимание Ф. Фукуяма уделил Советскому Союзу, в котором, на момент написании им статьи, под руководством М. С. Горбачева проводилась политика «перестройки». По его мнению, СССР находился на распутье: либо вступить на дорогу, которую избрала после второй мировой войны Западная Европа и большинство азиатских стран и двигаться в сторону

либерально-демократических ценностей, либо, опираясь на идею собственной исключительности, отказаться от этого. Фукуяма понимал, какое значение это может иметь для Запада, учитывая территорию и военную мощь СССР. Внушающим оптимизм обстоятельством было для Ф. Фукуямы то, что либеральная советская интеллигенция, собравшаяся вокруг М. С. Горбачева, «пришла к пониманию идеи конца истории за удивительно короткий срок». Кроме того, официальной доктриной М. С. Горбачева стало «новое политическое мышление». Для американского политолога это означало сдвиг СССР в сторону либерализма, так как было ориентировано на создание такого мира, в котором «доминируют экономические интересы, отсутствуют идеологические основания для серьезного конфликта между нациями и в котором, следовательно, применение военной силы становится все более незаконным» (Там же, с. 147).

Все вышеизложенное давало американскому политологу сделать вывод о том, что крупные государства мира, которые могли бы участвовать в серьезных конфликтах, уже ориентированы на общецивилизационные и универсальные либерально-демократические ценности, что, собственно, и подтверждало тезис о конце истории. Это вызывало грусть у Ф. Фукуямы: «Конец истории печален, - писал он. – Борьба за признание, … идеологическая борьба, - вместо всего этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителей. В постисторический период … я ощущаю в самом себе и замечаю в окружающих ностальгию по тому времени, когда история существовала. Какое-то время эта ностальгия все еще будет питать соперничество и конфликт. Признавая неизбежность постиндустриального мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 г., с ее североатлантической и азиатской ветвями. Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?» (Там же, с. 148).

Несмотря на убежденность в том, что теоретическая истинность либерально-демократических идеалов абсолютна и улучшить их нельзя, Ф. Фукуяма демонстрировал некоторую неуверенность – его знаменитая статья начиналась с вопросительного знака в заголовке и заканчивалась вопросительным знаком в последнем предложении. Можно было предположить, что изменения в мире, произошедшие на рубеже 80-90-х гг. XX в. и вызвавшие глобальные перемены, отразятся и на взглядах и настроениях Ф. Фукуямы. Действительно, в 1992 г. американский политолог опубликовал солидную монографию «Конец истории и последний человек». Более десяти лет спустя она была переведена на русский язык и издана в России (Ф. Фукуяма. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 с. Издатели сопроводили публикацию комментарием, что это «одно из самых известных произведений Ф. Фукуямы, ставшее международным бестселлером и переведенное на несколько десятков языков»).

В предисловии к своей книге сам Ф. Фукуяма признавал, что «дальние истоки книги лежат в статье, названной «Конец истории?», но вместе с тем, книга «не есть повторение моей статьи и не является попыткой продолжить дискуссию с ее многочисленными критиками и комментаторами» (Ф. Фукуяма. Конец истории и последний человек, с. 9). Несмотря на насыщенность книжного пространства последними мировыми событиями, главный вопрос, который волновал Ф. Фукуяму, был все тот же: действительно ли в конце XX столетия можно говорить об истории «не как последовательности событий, пусть даже серьезных и великих, а об Истории с большой буквы, понимаемой как единый, логически последовательный эволюционный процесс, рассматриваемый с учетом опыта всех времен и народов, … Истории, которая в конечном счете, приведет большую часть человечества к либеральной демократии?» (Там же, с. 8, 10). Ф. Фукуяма дал положительный ответ на этот вопрос. Он называл «хорошими новостями» распад СССР, ослабление позиций как крайне правых, так и крайне левых сил, и на этом фоне упрочение позиций

либеральной демократии, которая остается «единственным логически последовательным политическим стремлением и … овладевает различными регионами и культурами во всем мире» (с. 11).

Цель своей книги Ф. Фукуяма определил так: «Поднимая снова вопрос, существует ли на свете Универсальная История человечества, я возобновляю дискуссию, которая возникла в начале девятнадцатого века … Хотя идеи, которые я выдвигаю, были сформулированы такими философами, как Гегель и Кант, … я надеюсь, что приводимые мною аргументы имеют самостоятельную ценность. В данном томе довольно нескромно делаются не одна, а *две* отдельные попытки дать контуры такой Универсальной Истории» (с. 11-12). Первая попытка Ф. Фукуямы найти основу направленности истории свелась к выводу, что экономическое развитие человечества имеет свою конечную направленность к капитализму с его либерально-демократическими ценностями, а не к социализму. Но изучение этого аспекта оказывается недостаточным для достижения целей, поставленных американским политологом, так как «человек не является просто экономическим животным» (с. 14). Следовательно, это предопределяет второй аспект исторического процесса, который Ф. Фукуяма позаимствовал в нематериалистическом взгляде Гегеля на историю, как **«борьбу за признание»** (выделено мною – Л. К.).

Ф. Фукуяма вслед за Гегелем считал, что человек имеет разные потребности. Первая группа потребностей – естественные потребности и желания – присуща человеку, как и животному – это потребности, направленные во вне – еда, питье, жилье, а главное – самосохранение. Вторая группа потребностей отличает людей от животных – это желание быть «признанным», «признанным человеком, то есть существом, имеющим определенное достоинство» (с. 15). Именно это позволяет человеку преодолеть страх за свою жизнь и рискнуть ради высших, абстрактных принципов и целей, либо бороться за престиж. Ф. Фукуяма считал, что жажде признания сопутствуют такие эмоции, как гнев (если с человеком обращаются как с имеющим меньшую ценность, чем он сам о себе думает), стыд (который

испытывает человек, когда он сам не оправдывает представления о своей ценности) и гордость (когда человека ценят в соответствии с его самооценкой). **Гегель полагал, что именно жажда признания и сопутствующие ей эмоции и являются двигателем исторического процесса.**

Отталкиваясь от этой посылки, ***Ф. Фукуяма переносит идею о борьбе за признание на сферу международной политики, что и является предметом настоящего анализа.*** Все войны, которые пережили люди, национализм, империализм, создание мировых империй, «политика с позиции силы», по его мнению, были воплощением борьбы за признание на уровне не личностей, а государств. На личностном уровне жажда признания, утверждал Ф. Фукуяма, была решена в ходе Великой Французской и Американской революций в процессе создания либеральной демократии, которая гарантировала признание человеческого достоинства для всех граждан и обществом, и государством через предоставление прав и свобод (с. 17). В сфере межгосударственных отношений этот принцип выразился в признании либеральными демократиями легитимности существования друг друга и, следовательно, отказа от претензий признать себя выше других, и признания себя, равными другим. Такая позиция, считал Ф. Фукуяма, делает минимальным риск возникновения войн между либеральными демократиями, но цинично признавал допустимым для либеральных демократий «вести войну с государствами, которые демократиями не являются и не разделяют фундаментальных ценностей демократии» (с. 21). Но здесь возникает ряд вопросов: если отношения между либеральными демократиями для Ф. Фукуямы были достаточно ясны, что же можно ожидать от тех стран, которые к ним не относятся? Насколько реально даже в исторической перспективе добиться того, чтобы большинство стран стали либеральными по образцу европейских стран и США? Каков может быть их стиль поведения на международной арене, какие факторы его определеяют?

Говоря об участниках международных отношений, американский политолог выстроил определенную иерархию с точки зрения международной

безопасности, где наиболее безопасным регионом он назвал Западную Европу, так как здесь «требование национального признания … одомашнено и согласуется с универсальным признанием» (с. 21).

Следующий уровень – это модернизирующиеся страны Азии и Латинской Америки. Ф. Фукуяма признавал, что процесс индустриализации и складывание либеральной демократии тесно взаимосвязаны, и в результате создаются похожие рыночные формы – «экономическая гомогенность», при которой происходит разрушение традиционных культур, «переваривание их» новыми ценностями. Однако, не все страны, вставшие на путь модернизации, достигают намеченной цели: «Хотя многие народы хотят иметь у себя капиталистическое процветание и либеральную демократию, не каждый из них сможет усвоить то и другое» (с. 357). Другими словами, Ф. Фукуяма пришел к выводу, что есть страны, которым по каким-то причинам не дано быть либеральными. Такой вывод означал, что такие страны будут представлять какой-то альтернативный либерализму вариант. Ф. Фукуяма полагал, что вероятнее всего такие альтернативные варианты могут создать две различные группы народов: «те, кто в силу культуральных причин постоянно терпит экономический крах и те, кто будет непомерно успешен в капиталистической игре» (с. 358).

К числу первых Ф. Фукуяма относил, прежде всего, исламские страны. Некоторые исламские государства начали модернизацию с целью «ассимилировать западную практику» в XIX–начале XX вв. Наибольшие усилия были предприняты Турцией. Ф. Фукуяма подчеркивал, что «почти все исламские страны так и не достигли того экономического и политического успеха, на который рассчитывали реформаторы девятнадцатого и начала двадцатого столетий. До пришествия нефтяного богатства в шестидесятых-семидесятых годах двадцатого века ни одна исламская страна не могла составить конкуренции Западу в экономическом или военном смысле» (с. 359). В таких условиях естественной реакцией мусульманских стран стало возрождение исламского фундаментализма, ставшее особенно заметным после

Иранской революции конца 70-х гг. XX в. Ф. Фукуяма считал, что возрождение исламского фундаментализма было «ностальгическим стремлением к прежним, более чистым ценностям, которые существовали в далеком прошлом». Для американского политолога сила исламского фундаментализма была тем больше, чем глубже «было ранено достоинство исламского общества двойной неудачей: не вышло ни сохранить преемственность традиционной общественной структуры, ни успешно ассимилировать технику и ценности Запада» (с. 359-360). Для Ф. Фукуямы было очевидно, что ценности исламской цивилизации оказались, если можно так выразться, «не по зубам» модернизации и именно культура исламского мира была сдерживающим фактором в этом процессе.

Второй вариант антилиберальной альтернативы Ф. Фукуяма связывал с азиатскими странами, сумевшими провести модернизацию успешно. Ф. Фукуяма развивает более пространно тезис, отмеченный еще в статье «Конец истории?», а именно, что азиатские страны своим успехом обязаны именно *сохранению* традиционных черт собственных культур. Отмечая недемократичность и нелиберальность нравов и многих правил, по которым живут народы азиатских стран – получение личностного статуса не благодаря своим личным качествам, а благодаря принадлежности к общепризнанной группе, почитание семьи и авторитета родителей, переносимое из сферы частной жизни в сферу политических отношений и экономической деятельности, групповой конформизм и гармония–Ф. Фукуяма признавал их жизнеспособность (сноска: «…давно предсказанный крах традиционных азиатских ценностей перед лицом современного консюмеризма (от англ. consumer – потребитель) что-то очень медленно материализуется. Это, возможно, связано стем, что общество азиатских стран обладает определенной силой, с которой его члены не спешат расстаться, особенно глядя на предлагаемые альтернативы. Пусть американские рабочие не должны распевать гимн своей компании, выполняя физические упражнения, но одной из наиболее частых жалоб на жизнь в современной Америке стало именно указание на то,

что не хватает *общественной жизни*. Распад общественной жизни в современной Америке начинается в семье, которая в течение последних лет шестидесяти распадается и атомизируется, что хорошо знакомо всем американцам…А ведь это именно ощущение общины предлагают общества азиатских стран, и для многих выросших в этой культуре социальный конформизм и ограничения индивидуализма – цена весьма невысокая» - с. 367-368) и право на существование (сноска: «В современном мире наблюдается любопытный двойной феномен: победа универсального и однородного государства наряду с упорством народов. С одной стороны, имеется прогрессирующая гомогенизация человечества, вызванная современной экономикой и технологией…С другой стороны, повсюду наблюдается сопротивление этой гомогенизации, и новое утверждение…культурной идентичности, укрепляющей в конечном счете барьеры между людьми и странами…В то время как число приемлемых форм экономической и политической организации последние сто лет постоянно уменьшается, возможные интерпретации оставшихся форм–капитализма и либеральной демократии–продолжают разнообразиться. Это наводит на мысль, что даже пусть идеологические различия между государствами уходят на задний план, остаются другие существенные различия, уходящие в культурную и экономическую плоскость»-с. 370). Эти соображения подвели Ф. Фукуяму к выводу, что «существующая система государств в ближайшее время не коллапсирует в *буквально* универсальное и однородное государство. Нация останется основным полюсом идентификации, пусть даже все больше и больше наций будут принимать одни и те же формы экономической и пролитической организации». Из этого принципиального признания вытекала и задача, которую поставил перед собой Ф. Фукуяма – «рассмотреть, как будут выглядеть отношения между такими государствами и как они будут отличаться от знакомого нам международного порядка» (с. 370).

Для Ф. Фукуямы проекция принципов либерально-демократического государства на сферу международных отношений означала «конец отношений

господства и рабства *между нациями*–конец империализма, а с ним и ослабление вероятности войны, основанной на империализме» (с. 371). Главными оппонентами американского политолога в данном контексте выступали сторонники школы «политического реализма» или «политики с позиции силы». Это направление сформировалось в Соединенных Штатах Америки после второй мировой войны. Наиболее известными представителями этого направления были теолог Р. Нибур, дипломат Дж. Кеннан, профессор Г. Моргентау, бывший госсекретарь Г. Киссинджер, их последователи и ученики. Несколько разделов в книге «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуяма посвятил критическому анализу взглядов школы «политического реализма». Основные направления, по которым Фукуяма критиковал школу «политического реализма», были следующие:

- Утверждение «политических реалистов», что напряженность, агрессия и война коренятся в неизменной природе *человека*, и что они не могут быть изменены теми или иными конкретными формами и видами человеческих обществ;
- Игнорирование «политическими реалистами» всех «соображений внутренней политики» и выведение всех конфликтов и войн «только из структуры международной системы», для которой характерны анархия, и где любое государство испытывает чувство угрозы со стороны другого государства.

Ф. Фукуяма считал, что мотивы поведения государств на международной арене не сводятся *единственно* к обеспечению самосохранения: «Некоторые государства ищут *не только* самосохранения … они ищут признания собственной ценности или достоинства на династической, религиозной, националистической или идеологической почве, и при этом заставляют другие государства сражаться или покоряться. Поэтому исходной почвой войны между государствами…является престиж, международный конфликт начинается с борьбы за признание между государствами, которая есть изначальный источник империализма. Поэтому реалист ничего не может

вывести из голых фактов распределения сил в системе государств. Такая информация приобретает смысл, только если сделать определенные допущения о природе обществ, составляющих систему, а именно: что, по крайней мере, некоторые из них стремятся не только к самосохранению, но и к признанию» (с. 385-386).

- Несовместимость доктрины «политического реализма» с концепцией *легитимности* (от лат. legitimus–законный; признание или подтверждение законности каких-либо прав, полномочий, действий и т. д.). Наиболее ярким образчиком связи между силой и концепцией легитимности для Ф. Фукуямы был опыт изменений в Восточной Европе на рубеже 1980-1990-х гг. Распад Варшавского договора, объединение Германии привели к такому сдвигу баланса сил, который не наблюдался ранее в мирное время. Но при этом, считал Ф. Фукуяма, не произошло никаких перемен в материальном балансе, так как «ни один танк в Европе не был уничтожен в бою или даже перемещен…Сдвиг произошел целиком за счет изменений стандартов легитимности…И не важно, сколько танков и самолетов есть у страны, если ее танкисты и летчики не желают стрелять в гражданских демонстрантов…Реалисты, которые рассматривают только способности, но не намерения, оказываются в невыигрышном положении, когда намерения меняются столь радикальным образом» (с. 389).

- Слабость «политического реализма», проистекающая из того, что *«он не учитывает историю».* Доказательством этого для Ф. Фукуямы было то, что «реализм рисует международные отношения как изолированные в лишенном времени вакууме, иммунные к происходящим вокруг эволюционным процессам. Но эта кажущаяся одинаковость международной политики от Фукидида до «холодной» войны на самом деле маскирует значительные отличия в образе действий, с помощью которых государства добиваются усиления, контролируют силу и реагируют на нее» (с. 390).

Отстаивая свою точку зрения в полемике с «политическими реалистами», Ф. Фукуяма утверждал, что империализм и война – это пережиток

ранних эпох эволюции человека, «атавистические пережитки аристократических обществ», а также «проекция национализма в мировом масштабе». Ф. Фукуяма считал национализм явлением недавним и случайным, порожденныи индустриальным обществом. Закат национализма, как такового, по мнению американского политолога, наиболее наглядно демонстрировали европейские страны, пережившие ужасы двух мировых войн. От борьбы за признание европейские страны обратились к экономической деятельности, создав общества потребления, и в качестве альтернативы национализму выдвинули всеобщее равное и взаимное признание. Ф. Фукуяма подчеркивал, что в рамках Европейского Сообщества продолжают существовать отдельные виды национализма, «уже весьма одомашненные разновидности, и они куда как далеки от той силы, что увлекла народы в две мировые войны» (с. 408). Ф. Фукуяма считал, что национализм в либеральных странах ждет судьба религии, которая за несколько веков оказалась отодвинута из политической жизни европейцев в сферу частной жизни. «Национальные группы, - писал Ф. Фукуяма,-могут сохранять свой язык и чувство идентичности, но эта идентичность будет выражать себя главным образом в культуре, а не в политике. Пусть французы смакуют свои вина, а немцы – свою колбасу, но это все будет делаться в сфере частной жизни» (с. 409).

Наиболее вероятными регионами сохранения национализма в обозримом будущем Ф. Фукуяма считал бывшие социалистические страны Восточной Европы и СССР и страны третьего мира. Американский политолог оптимистично утверждал, что хотя «окончательная политическая нейтрализация национализма может не произойти при жизни нашего поколения или следующего,…этот факт…не отменяет перспективы, что она когда-нибудь случится» (с. 415).

В своей монографии Ф. Фукуяма развил дальше тезис, высказанный им еще в статье «Конец истории?», о разделе мира на историческую и постисторическую части. Взаимодействие на международной арене постисторического, либерального мира и исторического мира с его

религиозными, национальными и идеолгическими конфликтами, в котором по-прежнему будет проводиться «политика с позиции силы», будет, по мнению Ф. Фукуямы, незначительным. Однако он выделил несколько направлений, по которым постисторический и исторический миры будут сталкиваться:

1) Нефть, добыча которой, по-прежнему, будет сосредоточена в историческом мире. Ф. Фукуяма считал, что нефть в современном мире «остается единственным товаром, производство которого достаточно сосредоточено для того, чтобы ее рынком можно было манипулировать в политических целях, и обрушение этого рынка приведет к немедленным опустошительным последствиям в постисторическом мире» (с. 418).

2) Проблема иммиграции «из бедных и нестабильных стран в богатые и безопасные». Любые попытки ограничить поток мигрантов наталкиваются на проблему дефицита в либеральных странах некоторых видов неквалифицированного или малоквалифицированного труда, «которого в третьем мире неисчерпаемые запасы». Ф. Фукуяма усматривал в проблеме миграции еще один аспект – «трудности при попытке сформулировать любой справедливый принцип недопущения иностранцев, который не был бы расистским или националистическим, то есть не нарушал бы универсальный принцип прав, которому привержены либеральные демократии» (с. 419).

3) Проблема предотвращения распространения опредленных технологий (ядерное оружие, баллистические ракеты, химическое и биологическое оружие и др.) в исторический мир, поскольку для него характерны конфликты и насилие. Ф. Фукуяма допускал, что в данном контексте постисторические демократии должны быть готовы защищать себя от внешних угроз и продвигать дело демократии в страны, где ее пока еще нет.

Учитывая реальные события, произошедшие в различных регионах как западного, так и восточного полушария за истекшие более чем десять лет после публикации книги Ф. Фукуямы в США, следует подчеркнуть его высокий профессионализм и аналитические способности. Однако вызывают обоснованные возражения утверждения Ф. Фукуямы о неспособности

Организации Объединенных Наций обеспечить мировой порядок потому, что в ней много нелиберальных государств. Надежды на поддержание мира Ф. Фукуяма в большей степени связывал с Североатлантическим блоком, а не с ООН. По этому поводу он писал, что структура, избавленная от «фатальных недостатков прежних организаций … более похожа на НАТО, чем на ООН – то есть лига по-настоящему свободных государств, собранных воедино своей общей приверженностью к либеральным принципам» (с. 426). Ф. Фукуяма считал оправданным для НАТО применять силу против недемократических стран, если либеральные государства усмотрят угрозу своей безопасности.

Вызывает также возражение вывод Ф. Фукуямы о том, что «либеральный международный порядок…возник в период «холодной» войны под защитным зонтиком таких организаций, как НАТО, Европейское Сообщество и др., предварительным условием членства в которых является либеральность» (Там же). Не выдерживает критики и вывод Ф. Фукуямы об исключительно мирном поведении Соединенных Штатов Америки и других «демократических стран», которые подаются как защитники «демократии в мире и ее распространения туда, куда это возможно и позволяется расчетом». Ф. Фукуяма откровенно писал о том, что после крушения коммунизма в Восточной Европе и Советском Союзе, именно этот регион привлекает внимание либеральных американских политиков, так как решается вопрос о том, «кто станет наследником восточноевропейского коммунизма». Для Ф. Фукуямы своеобразной гарантией упрочения позиций Запада на международной арене является процветание либеральной демократии в воссоединенной Германии и «экономически доминирующей Японии».

Критикуя «политических реалистов» за отсутствие историзма в их подходах, когда международные отношения рассматривались ими как «иммунные к происходящим вокруг эволюционным процессам», Ф. Фукуяма, фактически, впал в аналогичную ошибку, говоря о либерализме. Провозглашая «конец истории» и связывая его с торжеством либеральных ценностей буржуазных революций XVIII–XIX вв., Ф. Фукуяма обходил молчанием тот

факт, что сам либерализм за истекшие два века претерпел изменения и в XX в. вобрал в себя идеи и принципы, свойственные социалистическому идеалу и социалистическому направлению общественно-политической жизни (Более подробно об эволюции либерализма см. Макаренко В. П. Главные идеологии современности. – Ростов н/Д: Издательство «Феникс», 2000, с. 7-43; Замошкин Ю. А. «Конец истории»: идеологизм и реализм // Вопросы философии, 1990, № 3, с. 148-155). Правомерно задать вопрос: насколько обоснованы претензии Ф. Фукуямы считать либеральную идеологию и ценности общечеловеческими, и возможно ли вообще создать некую универсальную идеологию, совершенную и приемлемую для различных стран и народов, составляющих человечество.

3. 3. 5. Теория «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона

Глобальные перемены, вызванные распадом СССР и мирового социалистического содружества, окончание «холодной войны», начало нового этапа геополитического развития человечества требовали теоретического осмысления происходящего. В желающих проделать эту работу недостатка не было. Однако резонанс от различных зарубежных публикаций был разным. Наибольшее внимание специалистов и читающей публики вызвала теория «столкновения цивилизаций» профессора Гарвардского университета (США) Сэмюэла Хантингтона, изложенная им в журнале «Foreign Affairs» в 1993 г. (Русский перевод: С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций? // ПОЛИС, 1994, № 1). (сноска: Сэмюэль Филлипс Хантингтон родился в Нью-Йорке в 1927 г. Изучал политическую философию в престижном Йельском университете, где получил степень бакалавра в 1946 г. Продолжил образование в чикагском университете и получил там степень магистра в 1948 г. В 1951 г. защитил диссертацию и получил степень доктора философии в Гарвардском университете, где преподавал до 1958 г. В 1959-1962 гг. работал заместителем и директором Института изучения войны и мира при Колумбийском университете. Затем вновь работал в Гарварде, занимал различные административные и научные посты. В 1970 г. С. Хантингтон основал

ежеквартальный журнал «Внешняя политика» («Foreign Policy»). До 1977 г. являлся со-редактором журнала, ставшего одним из наиболее авторитетных мировых политологических изданий. Как считают некоторые его биографы, его карьера типична для современных высококвалифицированных западных интеллектуалов, сочетающих преподавание в университетах, деятельность в правительственных структурах, руководство научными центрами, активную научно-исследовательскую деятельность и публикацию исследований, многие из которых получили широкую известность не только в США, но и в других странах. В 1967-1971 гг. Хантингтон возглавлял кафедру политологии в Гарвардском университете. В 1973 г. работал заместителем директора Центра международных отношений; в 1977-1978 гг. – координатором отдела планирования Совета национальной безопасности при презеденте США; в 1978-1989 гг. – директором Центра международных отношений. С 1989 г. С. Хантингтон занял пост директора Института стратегических исследований им. Джона Олина при Гарвардском университете. Показателем высокой оценки его трудов в политологии явилось его избрание вице-президентом (1984-1985 гг.), а затем президентом (1986-1987 гг.) Американской Ассоциации политических наук. С 1996 г. С. Хантингтон возглавил Гарвардскую Академию международных и региональных исследований. Его монографии, часто вызывавшие неоднозначные оценки, принесли ему всемирную известность. Наиболее известными научными трудами С. Хантингтона являются: «Солдат и государство: теория и практика взаимоотношений гражданских властей и военных» (1957 г.), «Всеобщая оборона: стратегические программы в национальной политике» (1961 г.), «Политический порядок в меняющихся обществах» (1968 г.), «Американская политика: мощь дисгармонии» (1981 г.), «Третья волна: демократизация в конце двадцатого века» (1991 г.), «Столкновение цивилизаций и создание мирового порядка» (1996 г.), «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» (2004 г.). Как отмечали комментаторы, «Столкновение цивилизаций» стала одним «из самых популярных геополитических трактатов» 90-х гг. XX в., которая по-новому

описывала политическую реальность и давала «прогноз глобального развития всей земной цивилизации».

Что же послужило побудительным мотивом для С. Хантингтона выдвинуть свою гипотезу? Сам он объяснял это наличием нескольких парадигм мировой политики, сформулированных его коллегами в период с конца 1980-х гг. и в последующий период. Эти концепции мировой политики имели, по мнению С. Хантингтона, определенные концептуальные недостатки и вызывали у него интеллектуальную неудовлетворенность. С. Хантингтон проанализировал четыре направления историографии международных отношений, которые сложились достаточно давно, и представители которых пытались дать трактовку современному им этапу развития.

Наибольшее количество критических замечаний С. Хантингтон адресовал сторонникам «единого мира», самым последним манифестом которых стала теория о «конце истории» Ф. Фукуямы. С. Хантингтон отмечал, что подобные теории возникают в переломные эпохи с их ожиданием возникновения единого мира. Однако в конкретной ситуации периода окончания «холодной войны» иллюзию гармонии, считал С. Хантингтон, рассеяли многочисленные этнические конфликты, возрождение неокоммунистических и неофашистских движений, усиление религиозного фундаментализма и др. Свой вердикт подобным взглядам гарвардский профессор резюмировал следующим образом: « Парадигма гармоничного мира слишком оторвана от реальности, чтобы быть полезным ориентиром в мире после «холодной войны» (С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеевой, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003, с. 32).

Второй подход, характеризующийся различением «мы» и «они», существует давно и использует пары «Восток-Запад», «Север-Юг», центр-периферия. В мусульманской традиции существует деление на «обитель мира» (дар аль-ислам) «обитель войны» (дар аль-гарб) и др. Американские авторы, придерживающиеся такого подхода, поделили мир на «зоны мира» и «зоны

беспорядка». В первую зону вошли Запад и Япония, составляющие примерно 15 % мирового населения, во вторую – все остальное человечество. С. Хантингтон писал в связи с этим: «В зависимости от того, какое определение дается этим частям, состоящая из двух частей картина мира может в какой-то мере соответствовать реальности» (Там же). Слабыми сторонами такой концепции, по мнению С. Хантингтона, было различение по степени экономического благосостояния (богатый Север и бедный Юг) или акцентированиеразличий в основополагающих ценностях и стиле жизни (Восток-Запад). Такой подход представлялся С. Хантингтону малопродуктивным, поскольку «богатые страны могут вести торговые войны друг с другом». Что касается разделения мира по культурному признаку, оно представлялось С. Хантингтону «еще менее полезным», так как, если Запад является в какой-то степени единым, то у не-западных обществ «мало общего в религии, социальной структуре, общественных организациях и превалирующих ценностях». Из этого С. Хантингтон делал вывод: «Мир слишком сложен, чтобы его можно было в большинстве случаев просто разделять в экономическом плане на Север и Юг и в культурном – на Восток и Запад» (Там же, с. 34).

Третья концепция, анализируемая С. Хантингтоном, это теория «политического реализма», которую он оценивал достаточно высоко и считал, что эта «парадигма представляет нам ориентиры в более реалистической картине глобальной политики, чем одно- или двухполюсные концептуальные схемы» (с. 35). Реализм этой концепции виделся С. Хантингтону в том, что в ней основными действующими лицами на международной арене выступали отдельные государства, главной целью которых являлось обеспечение внешней безопасности своих стран. Для достижения этой цели они наращивают свою мощь, вступают в альянсы с другими государствами, участвуют в международных организациях и т. д. Однако продолжением этих достоинств были недостатки теории «политического реализма», как они виделись С. Хантингтону. Он считал, что интересы государств определеяются не только с

точки зрения мощи, но «также и с точки зрения многого другого» - системы ценностей, культуры, законов, международных норм. Кроме этого, полагал С. Хантингтон, «эта многоцентровая модель не поможет нам понять, насколько глобальная политика после «холодной войны» будет отличаться от глобальной политики во время и до «холодной войны». Причина этого в том, писал американский политолог, что хотя «страны остаются ключевыми игроками на поле международной политики, они также могут утратить суверенитет, государственные функции и власть. Сейчас международные институты отстаивают право судить о том, что государства могут делать на своей территории, и ограничивать их в этом. В определенных случаях (наиболее это заметно в Европе) международные институты приобрели важные функции, ранее принадлежавшие государству…В мировом масштабе сейчас имеет место тенденция утраты власти центральным аппаратом государственного управления из-за передачи оной субгосударственным, региональным, провинциальным и местным политическим образованиям» (с. 37).

Еще одну модель глобальной политики С. Хантингтон назвал «всемирной анархией» или «всемирным хаосом». Наиболее убедительно, как он отмечал, она была описана в книге Зб. Бжезинского «Вне контроля». Согласно этому подходу современный мир характеризуют «усиление межплеменных, этнических и религиозных конфликтов; появление международных криминальных мафиозных структур; рост числа беженцев до десятков миллионов; распространение ядерного и другого оружия массового поражения; расползание терроризма» (с. 38). Однако, несмотря на узнаваемость описанного положения дел на международной арене, признавал С. Хантингтон, эта «картина всеобщей и недифферецированной анархии дает нам мало ключей к пониманию мира и не помогает…предвидеть тенденции в этой анархии,…разрабатывать руководящие принципы для государственных политиков» (Там же).

С. Хантингтон исходил из того, что в мире **одновременно** разворачиваются **две тенденции – дробления и интеграции**. Ни одна из

рассмотренных им выше концепций, по его мнению, не располагала для их изучения адекватным познавательным потенциалом. Эти концепции невозможно было соединить ввиду их несовместимости. С. Хантингтон писал: «Мир не может быть одновременно единым и фундаментально разделенным на Восток и Запад или Север и Юг. Не может и национальное государство быть краеугольным камнем международных отношений, если оно дробится или разрывается разрастающейся гражданской войной. Либо мир един, либо их два, либо это 184 государства, либо это бесконечное количество племен, этнических групп и национальностей» (с. 39). В такой ситуации, считал он, необходима парадигма, «которая будет рассматривать более значительные события и давать лучшее понимание тенденций». С. Хантингтон предложил рассматривать мир в парадигме взаимодействия нескольких цивилизаций, что «обеспечивает довольно простую и ясную систему понимания мира и определения того, что важно и что неважно среди многочисленных конфликтов, предсказания будущего развития, а также дает ориентиры политикам» (Там же).

С. Хантингтон признавал, что идея цивилизаций принадлежит не ему. Список ученых – выдающихся историков, социологов, антропологов, которые изучали истоки, возникновение, подъем, взаимодействие, достижения, закат и падение цивилизаций, полон блестящих имен: Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Освальд Шпенглер, Питирим Сорокин, Арнольд Тойнби, Фернан Бродель и др. Опираясь на предшественников, Хантингтон работал над своей концепцией несколько лет. Впервые он публично изложил свои идеи о роли цивилизаций в современном мире в лекции, прочитанной им в Американском институте предпринимательства в Вашингтоне в октябре 1992 г. Затем при финансовой поддержке Фонда Смита-Ричардсона подготовил сообщение для проекта института им. Дж. Олина «Изменение среды безопасности и американских национальных интересов». Летом 1993 г. журнал «Foreign Affairs» опубликовал статью С. Хантингтона под названием «Столкновение цивилизаций?». По словам редакторов журнала, эта статья вызвала больший резонанс, чем любая

другая, напечатанная ими с 1940-х гг. Сам виновник этого ажиотажа признавал, что после этой публикации стал участником бесчисленных семинаров и дискуссий с представителями правительственных, академических, предпринимательских и иных кругов в США.

Но статью обсуждали не только в США, она была переведена на различные языки, включая русский, и отклики и комментарии приходили из десятков стран. С. Хантингтон стал участником обсуждения своей статьи во многих странах: Аргентине, Бельгии, Великобритании, ФРГ, Испании, Китае, Корее, Люксембурге, России (январь 1995 г.), Саудовской Аравии, Сингапуре, Тайване, Франции, Швеции, Швейцарии, Южно-Африканской Республике и Японии. Впоследствие он признавал: «С учетом того, какой интерес вызвала статья, а также количества споров вокруг нее и искажений изложенных фактов, мне видится желательным развить поднятые в ней вопросы…Одним из конструктивных путей постановки вопроса является выдвижение гипотезы. Статья, в заглавии которой содержался проигнорированный всеми вопросительный знак, была попыткой сделать это». Все вместе взятое подтолкнуло Хантингтона к написанию книги, в которой он дал «более полный, более глубокий и подтвержденный документально ответ на вопрос, поставленный в статье» (Там же, с. 7-8). В 1996 г. в свет вышла книга «Столкновение цивилизаций и создание мирового порядка» уже без вопросительного знака в заголовке (сноска: В ней американский политолог дал исторический экскурс и характеристику современного состояния цивилизаций, характер их взаимоотношений в разные периоды истории, подверг критике возможность создания универсальной цивилизации на Земле, проанализировал роль и место Запада в исторической ретроспективе и на современном этапе, а также структурировал цивилизационное пространство и поставил проблему возможного столкновения цивилизаций).

Закономерно встает вопрос: что же такое «цивилизация»? По мнению С. Хантингтона, существует различие в восприятии самого этого понятия. Цивилизацию можно рассматривать как единственную и как одну из многих.

Идею цивилизации разработали французские философы XVIII в. Они считали, что цивилизационное общество отличалось от примитивного тем, что было городским, оседлым и грамотным. «Концепция цивилизации, - писал С. Хантингтон, - установила стандарты, по которым судят об обществах, и в течение девятнадцатого столетия европейцы потратили немало интеллектуальных, дипломатических и политических усилий для того, чтобы разработать критерии, по которым о неевропейских обществах можно было судить как о достаточно «цивилизованных», чтобы принять их в качестве членов международной системы, в которой доминировала Европа» (с. 47). Однако впоследствие ученые отказались от идеи, что есть некий стандарт цивилизации. Получило распространение мнение, что существует много цивилизаций, каждая из которых цивилизованна по-своему.

С. Хантингтон считал, что цивилизация является культурной общностью наивысшего ранга и самым широким уровнем идентификации: «Цивилизация – это самые большие «мы», внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных «них» (с. 51). Он выделял следующие черты, отличавшие одну цивилизацию от другой:

- Язык
- История
- Религия
- Обычаи
- Социальные институты
- Субъективная самоидентификация людей

Говоря о различных уровнях идентификации, Хантингтон приводил следующий пример: житель Рима может охарактеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира.

По мнению С. Хантингтона, важным было то, что цивилизации являются культурными, а не политическими единствами и, следовательно, «не занимаются поддержанием порядка, восстановлением справедливости, сбором налогов, ведением войн, заключением союзов и не делают ничего из того, чем

заняты правительства. Политическое устройство отличается у разных цивилизаций, а также в разное время в пределах какой-либо из них» (с. 53). Он считал, что политические формы цивилизации могут быть разными – города-государства, империи, федерации, конфедерации, национальные государства, многонациональные государства. В вопросе о количестве цивилизаций в настоящее время и в обозримом будущем он высказал мнение о существовании следующих цивилизаций:

- Западная
- Конфуцианская *)
- Японская
- Исламская
- Индуистская
- Православно-славянская
- Латиноамериканская и, возможно, африканская

(сноска: *) Следует обратить внимание на то, что по сравнению со статьей, в своей монографии Хантингтон внес некоторые коррективы по поводу китайской цивилизации. «Все ученые, -писал американский политолог, - признают существование либо одной отдельной китайской цивилизации, которая возникла, по крайней мере, в 1500 г. до н. э. (возможно, даже на тысячу лет раньше), или двух китайских цивилизаций, одна из которых сменила другую в первые столетия христианской эпохи. В своей статье в журнале «Foreign Affairs» я назвал этй цивилизацию конфуцианской. Более точным термином, однако, будет «синская цивилизация». Несмотря на то, что конфуцианство является основной составляющей китайской цивилизации, китайская цивилизация – нечто большее, чем учение Конфуция, и не ограничивается также Китаем как политической целостностью. Термин «синский», который употребляли многие ученые, подходяще описывает общую культуру Китая и китайских сообществ в Юго-Восточной Азии и везде вне Китая, а также родственные культуры Вьетнама и Кореи» - с. 54-55).

2. 3. 5. 1. С. Хантингтон об «универсальной цивилизации»

Акцентируя внимание на полицивилизационности мира в 1990-е гг., Хантингтон категорически **отрицал возможность создания** в современном мире некоей **универсальной цивилизации**, подразумевая под этим термином «культурное объединение человечества и все возрастающее принятие людьми всего мира общих ценностей, верований, порядков, порядков, традиций и институтов». Он считал понятие «универсальной цивилизации» идеей, которую Запад использовал в своем противостоянии незападным культурам. В XIX в. Запад использовал концепцию «бремени белого человека», чтобы оправдать распространение западного политического и экономического господства над не-западными обществами, а в конце XX в. использовал концепцию универсальной цивилизации для оправдания западного культурного господства над другими обществами. По мнению С. Хантингтона побудительным импульсом к оживлению идеи «универсальной цивилизации» в конце XX в. послужили три обстоятельства.

1) Окончание «холодной войны» и распад СССР стал восприниматься многими как триумф либеральной демократии во всем мире. Однако С. Хантингтон не разделял этого оптимизма и указывал на «ошибку выбора», что «единственной альтернативой коммунизму является либеральная демократия и что смерть первого приводит к универсальности второго». Американский политолог считал, что реальными и жизнеспособными альтернативами либеральной демократии в современном мире является религия – «самая главная сила, которая мотивирует людей», а также многочисленные формы авторитаризма, национализма, корпоративизма или рыночного коммунизма (как в Китае). «Наивной глупостью, - писал С. Хантингтон, - является мысль о том, что крах советского коммунизма означает окончательную победу Запада во всем мире, победу, в результате которой мусульмане, китайцы, индусы и другие народы ринутся в объятия западного либерализма как единственной альтернативы. Деление человечества времен «холодной войны» позади. Более фундаментальные принципы деления человечества – этнические, религиозные

и цивилизационные – остаются и становятся причиной новых конфликтов» (с. 91-92).

2) С. Хантингтон также опровергал достаточно широко распространенное мнение, что «усиливающееся взаимодействие между народами – торговля, инвестиции, туризм, СМИ, электронные средства связи вообще – порождают общую мировую культуру». По его мнению, все вышеперечисленное «облегчает перемещение денег, товаров, людей, знаний, идей и представлений о жизни по всему миру». Но результатом более тесного общения, полагал он, является то, что «люди все чаще придают наибольшую важность своей цивилизационной идентичности» и определяют себя при помощи того, что отличает их от других в данных обстоятельствах (с. 93).

3) С. Хантингтон выступал также против отождествления современного общества, возникшего в результате модернизации, и западной цивилизации. «Модернизация, - писал он, - включает в себя индустриализацию, урбанизацию, растущий уровень грамотности, образованности, благосостояния и социальной заботы, а также более сложные и многосторонние профессиональные структуры. Это – продукт потрясающей экспансии научных и инженерных знаний» (с. 94). Первыми на путь модернизации в XVIII в. вступили европейские страны, в XX в. их примеру последовали страны, принадлежащие к другим цивилизациям. Утверждение, что модернизация последних приведет к универсализации западной культуры, С. Хантингтон считал ошибочным, так как сущностные черты западной цивилизации, отличающие ее от других, сводятся не к модернизации. Как писал Хантингтон, «Запад был Западом задолго до того, как он стал современным» (с. 96). Он выделил следующие черты, предопределившие своеобразие западной цивилизации:

- классическое античное наследие, включая греческую философию, римское право, латынь;

- западное христианство, вначале католицизм, позднее протестантство – «самая важная историческая особенность западной цивилизации», - подчеркивал С. Хантингтон;

- противоборство церкви и власти в западной цивилизации, не отмеченные в других цивилизациях, в конце концов, привели к разделению духовной и светской власти, что явилось, по мнению Хантингтона, неоценимым вкладом в развитие свободы на Западе;

- традиция господства закона, то есть правовое государство, как отмечал С. Хантингтон, «лежала в основе конституционализма и защиты прав человека, включая право собственности, против применения деспотической власти» (с.99);

- социальный плюрализм, под которым С. Хантингтон понимал наличие гражданского общества. Эта западная черта резко контрастировала «с бедностью гражданского общества, слабостью аристократии и силой централизованных бюрократизированных империй, которые одновременно существовали в России, Китае и на Оттоманских землях, а также в других незападных обществах» (с. 99);

- гражданское общество имело своим следствием создание представительных органов, «которые во время модернизации развились в институты современной демократии…Ни одна другая современная цивилизация не имеет даже сравнимой тысячелетней истории в области представительных органов», отмечал С. Хантингтон. Представительство на национальном уровне дополнялось органами самоуправления на местах, которые начали возникать в итальянских городах, начиная с 9 в. (с. 100);

- индивидуализм и традиции индивидуальных прав и свобод, которые начали развиваться в XIV-XV вв., по мнению С. Хантингтона, не имеют равных среди других цивилизаций и сделались отличительной чертой Запада среди цивилизаций XX в. Осознание этого присуще жителям и Запада, и не-Запада.

С. Хантингтон подчеркивал, что перечисленные отличительные характеристики западной цивилизации порой отсутствовали («многие деспоты

в западной истории регулярно игнорировали господство закона и распускали представительные органы»), какие-то названные черты могли проявляться в других цивилизациях. «По отдельности ни один из этих факторов не был уникален для Запада. Однако их сочетание было уникально, и это дало Западу его отличительные особенности. Эти концепции, принятые практики и общественные институты просто были более широко распространены на Западе, чем в других цивилизациях. Они–то, что сделало Запад Западом, причем уже давно. И они же во многом стали факторами, которые позволили Западу занять ведущую роль в модернизации самого себя и всего мира, - делал вывод С. Хантингтон.

Однако, отвергая возможность создания «универсальной цивилизации», С. Хантингтон признавал возможным использовать сам термин, но в определенном контексте. Чтобы избежать семантической путаницы термина, он выделил в нем несколько аспектов. Во-первых, он считал, что у людей разных цивилизаций существуют фундаментальные ценности, общие представления о добре и зле, правильном и неправильном, например, что убийство – это зло, а семья–в той или иной форме–это базовый социальный институт. «Если под универсальной цивилизацией, - писал Хантингтон, - имеется в виду это, то это глубоко и чрезвычайно важно, но отнюдь не ново и не существенно» (с. 74). Второе смысловое значение понятия «универсальная цивилизация» С. Хантингтон возводил к узкому пониманию термина, которое было распространено в XVIII в., когда можно было обозначить «то общее, что есть у цивилизованных обществ, например, города и грамотность … в этом смысле универсальная цивилизация действительно зарождается … в этом смысле постоянно, в течение всей истории человечества, расширялась, и рост цивилизованности был вполне совместим с существованием множества цивилизаций» (с. 76).

Третий аспект термина «универсальная цивилизация» Хантингтон связывал с так называемой «давосской культурой» (В швейцарском городе Давосе ежегодно проходит всемирный экономический форум, который

собирает около тысячи бизнесменов, банкиров, правительственных чиновников, интеллектуалов и журналистов из десятков стран). Для представителей этой «давосской культуры» характерны университетские степени по точным и общественным наукам, бизнесу, праву; они бегло говорят по-английски, работают на правительства, корпорации и академические учреждения, и часто выезжают за пределы своей родной страны. С. Хантингтон признавал, что «люди из Давоса» контролируют практически все международные институты, многие правительства мира, а также значительную долю мировой экономики и военного потенциала, но составляют очень небольшой процент мирового населения и, следовательно, не могут претендовать на звание «универсальной цивилизации» (с. 76).

С. Хантингтон обращал внимание также на такой аспект понятия «универсальная цивилизация», как распространение западной модели потребления и массовой поп-культуры по всему миру. Но не джинсы, кола и гамбургеры, по мнению профессора, олицетворяют западную цивилизацию. Ее суть, писал он, - это «Magna Carta (Великая Хартия Вольностей 1215 г.), а не Magna Macdonald*s». С. Хантингтон аргументировал тем, что американцы потребляли миллионы японских товаров – автомобилей, телевизоров, фотоаппаратов и др. и «при этом не «ояпонились», и даже стали более враждебно настроены по отношению к Японии. Только наивная заносчивость, - продолжал он,-могла заставить жителей Запада предположить, что представители не-Запада «озападятся», потребляя западные товары. И о чем в самом деле, - задавал вопрос С. Хантингтон, - говорит миру о Западе то обстоятельство, что его жители идентифицируют свою цивилизацию с газированными напитками, потертыми штанами и жирной пищей?» (с. 78).

С. Хантингтон опровергал также утверждение сторонников «универсальной цивилизации» о возникновении универсального языка, как одного из центральных составляющих элементов любой цивилизации, имея в виду, прежде всего, то, что значительная часть мирового населения умеет говорить по-английски. Он считал, что доказательств такой точки зрения не

существует, а имеющиеся источники показывают обратное: сокращение доли населения мира, говорящего на пяти крупнейших европейских языках – английском, французском, немецком, португальском, испанском. За период с 1958 по 1992 гг. процент населения, говорящего на английском языке сократился с 9,8 % до 7,6 %, а говорящего на арабском языке - вырос с 2,7 % до 3,5 %. «Язык, - резюмировал Хантингтон, - не являющийся родным для 92 % мирового населения, не может быть мировым языком. С другой стороны, однако, его модно назвать именно так, если это язык, который используется людьми различных языковых групп и культур для общения друг с другом» (с. 81). В разные эпохи люди использовали в качестве языка общения разные языки: во времена античности и средневековья это была латынь, в течение нескольких веков на Западе – французский язык, в настоящее время – английский язык. «Люди, которым необходимо общаться друг с другом, вынуждены искать способ сделать это, - признавал С. Хантингтон. – Дипломаты, бизнесмены, ученые, туристы и обслуживающие их службы, пилоты авиалиний и авиадиспетчеры – все они нуждаются в каком-нибудь средстве эффективного общения друг с другом, и сейчас они это делают преимущественно по-английски». Английский язык, подчеркивал С. Хантингтон, является ***межкультурным*** средством общения, а не универсальным языком. Английский язык может быть поставлен в тот же ряд, где христианский календарь является всемирным инструментом измерения времени, арабские цифры – всемирным способом счета, метрическая система, большей частью, всемирной системой измерения. Таким образом, делал вывод С. Хантингтон, английский язык в настоящее время – средство общения, а не источник идентичности или общности (с. 81, 82-83).

2. 3. 5. 2. С. Хантингтон о взаимоотношениях цивилизаций

Поскольку проблема, вынесенная в заголовок книги Хантингтона, естественно, предполагала анализ развития взаимоотношений между цивилизациями, гарвардский профессор проследил это взаимодействие за

достаточно длительный период времени – более чем за три тысячи лет и пришел к определенным выводам.

В древности цивилизации были разделены временем и пространством, что имело своим результатом либо отсутствие контактов, либо их случайность, либо ограниченность. Это было характерно для ранних цивилизаций в долинах Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Желтой реки. «Связь и коммерческие взаимоотношения, - отмечал С. Хантингтон, - затруднялись расстояниями, которые разделяли цивилизации, и ограниченным количеством транспортных средств, способных пересечь эти расстояния» (с. 62). С течением времени контакты становились более оживленными, особенно в Восточном Средиземноморье, Юго-Западной Азии и Северной Индии. Переломным, по мнению С. Хантингтона, стало начало XVI в., которое было связано с «возрождением европейской культуры». С. Хантингтон выявил следующие типы межцивилизационных контактов:

А) Культурная диффузия, то есть передача идей и технологий от одной цивилизации к другой. Процесс этот занимал подчас целые столетия. Например, распространение буддизма в Китае произошло шесть веков спустя после его возникновения в Северной Индии. Книгопечатание, изобретенное в Китае в VIII в., и печатные машины с подвижными литерами - в XI в., достигли Европы только в XV в. Бумага была изобретена в Китае во II в., и отсюда стала распространяться в Японию - в VII в., в Центральную Азию – в VIII в., в Северную Африку – в X в., в Испанию – в XII в., в Северную Европу – в XIII в. Порох также был китайским изобретением, сделанным в IX в., через несколько веков он попал к арабам, а от них в XIV в. – в Европу.

Б) Покорение, уничтожение или порабощение одной цивилизацией народов другой цивилизации. С. Хантингтон считал, что «эти контакты были кровопролитными, но короткими, и носили эпизодический характер».

В) Непрерывное, всепоглощающее однонаправленное воздействие Запада на все остальные цивилизации, начиная с конца XV – начала XVI вв. и установление системы «господство – зависимость». С. Хантингтон

понимал под Западом прежде всего европейскую христианскую цивилизацию, которая сложилась в VIII-IX вв. Путь этой цивилизации он охарактеризовал следующим образом: на протяжении нескольких веков она «плелась позади многих других цивилизаций по своему уровню развития». Китай, исламский мир с VIII по XII вв., Византия с VIII по XI вв. далеко опережали Европу по накопленному богатству, размерам территорий и военной мощи, а также художественным, литературным и научным достижениям. Однако между XI и XIII столетиями европейская культура начала бурно развиваться. Как отмечалось выше, С. Хантингтон особо выделял в качестве переломного рубежа конец XV – начало XVI вв. В последующие двести пятьдесят лет «все западное полушарие и значительные территории в Азии находились под управлением или господством европейцев. Против европейского владычества в конце XVIII в. восстали сначала Соединенные Штаты Америки, а затем б*ольшая часть Латинской Америки, и добились независимости. Однако в XIX в. европейцы расширили зону своего влияния за счет захвата Африки и, фактически, всей Азии. К началу XX в. практически весь Ближний Восток, за исключением Оттоманской империи, был под прямым или косвенным контролем Европы.

Динамику территориальных захватов европейцев иллюстрируют следующие цифры. В 1800 г. европейцы контролировали 35 % поверхности суши, в 1878 г. – 67 %, к 1914 г. – 84 %. После раздела Оттоманской империи в 1920-х гг. между Великобританией, Францией и Италией этот процент стал еще выше. Особенно преуспела в деле колониальных захватов Великобритания. Динамика территориального и демографического роста Британской империи, «над которой никогда не садилось солнце», была впечатляющей: в 1800 г. Британская империя имела площадь 1,5 млн. кв. миль с населением 20 млн. человек. Спустя столетие, в 1900 г. площадь составляла 11 млн. кв. миль (рост в более чем 7 раз), а население насчитывало 390 млн. человек (рост почти в 20 раз) (с. 65).

С. Хантингтон подчеркивал, что в результате этой европейской экспансии, были полностью уничтожены андская и мезоамериканская цивилизации, покорены индийская, исламская и африканская цивилизации. Китай также оказался в зависимости от западных стран. С. Хантингтон считал, что смогли противостоять наступлению Запада и поддержать самодостаточное независимое существование только «русская, японская и эфиопская цивилизации». Таким образом, делал он вывод, «на протяжении четырехсот лет отношения между цивилизациями заключались в подчинении других обществ западной цивилизации … Цивилизация как термин означала западную цивилизацию. Международный закон был западным международным законом, который происходил из традиций Греции. Международная система была западной вестфальской системой суверенных, но «цивилизованных» национальных государств и подконтрольных им колониальных территорий» (с. 66, 67).

С. Хантингтон утверждал, что такое положение дел стало меняться в XX в., и этап однонаправленного влияния одной цивилизации на все остальные сменился этапом «интенсивных, непрерывных и разнонаправленных взаимоотношений между всеми цивилизациями», начался переход от европейской международной системы к постевропейской многоцивилизационной системе (с. 69). Если для предыдущего этапа было характерно столкновение основных политических идеологий, порожденных Западом–либерализма, социализма, анархизма, марксизма, коммунизма, социал-демократии, консерватизма, национализма, фашизма и христианской демократии–то к концу XX в. «внутрицивилизационное столкновение политических идей, порожденных Западом, сейчас вытесняется межцивилизационным столкновением культур и религий». **Центральной осью мировой политики в XX в. и в ближайшее время,** как считал С. Хантингтон**, стал конфликт между Западом и остальным миром.** Каково же положение противоборствующих сторон? С. Хантингтон отмечал двойственность и противоречивость положения Запада. Она выражалась в том, что по отношению

к другим цивилизациям Запад находился на вершине своего могущества. Внутри западной цивилизации, полагал американский политолог, военный конфликт немыслим. Если не считать Японии, у Запада нет экономических соперников. Важнейшие решения по вопросам политики и безопасности принимаются Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Францией, важнейшие решения по экономическим проблемам – США, Германией и Японией. «Запад, - отмечал С. Хантингтон, - единственная цивилизация, которая имеет значительные интересы во всех других цивилизациях или регионах, а также имеет возможность влиять на политику, экономику и безопасность всех остальных цивилизаций или регионов». Наряду с этим для позиций западных стран характерно:

- владение и управление международной банковской системой;
- доминирование на международных рынках ценных бумаг;
- доминирование в аэрокосмической индустрии;
- доминирование в области международных коммуникаций;
- доминирование в области высокотехнологичных вооружений;
- ведение наиболее современных технических исследований и разработок;
- контроль над передовым техническим образованием;
- способность осуществлять крупную военную интервенцию;
- контроль морских линий (с. 116).

С. Хантингтон откровенно высказал мнение, что для сохранения своей мощи и влияния, Запад использует в своих интересах и международные организации: «Решения, принятые Советом Безопасности ООН или Международным валютным фондом и отражающие интересы Запада, подаются мировой общественности как соответствующие насущным нуждам мирового сообщества. Само выражение «мировое сообщество» превратилось в *эвфемизм,* заменивший выражение «свободный мир». Оно призвано придать общемировую легитимность действиям, отражающим интересы США и других западных стран. При помощи МВФ и других международных организаций

Запад реализует свои экономические интересы и навязывает другим странам экономическую политику по собственному усмотрению» (с. 282).

Однако вторая сторона медали, как отмечал С. Хантингтон, заключается в упадке Запада. Хотя Запад, по его мнению, сохранит свое господство и в XXI в., «однако постепенные, неотвратимые и фундаментальные перемены также имеют место в балансе власти между цивилизациями, и могущество Запада по сравнению с мощью других цивилизаций будет и дальше снижаться» (с. 117). С. Хантингтон пришел к такому выводу на основе статистических данных по таким показателям, как

- Территория и население
- Экономический продукт
- Военный потенциал

Изменения по такому показателю, как территории, находящиеся под контролем цивилизации на протяжении XX в. (в % от общемировой) коснулись нескольких цивилизаций: сократились территории западной (на 37 %) и православной (на 17 %), остались практически без изменений территория синской, японской, латиноамериканской цивилизации, возросла территория, находящаяся под контролем исламской цивилизации (более чем в 3 раза), индусской и африканской. Доля мирового населения в структуре цивилизаций (в %) в начале и в конце XX в. сократилась в цивилизациях: западной (на 70 %), православной (на 28 %); возросла доля африканской, синской, индуистской, латиноамериканской и исламской цивилизаций. С. Хантингтон обращал снимание на еще одну демографическую проблему – «старение» населения на Западе, в Японии и в России, и, как следствие, «все б*ольшая доля неработающего населения тяжелой ношей ложится на плечи тех, кто еще продуктивно трудится. Другие цивилизации отягощены большим количеством детей, но дети - это будущие рабочие и солдаты» (с. 123).

Что касается экономических показателей, то и здесь доля цивилизаций в валовом мировом продукте во второй половине XX в. демонстрировала сокращение западной (с 64,1 % в 1950 г. до 48,9 % в 1992 г., то есть в 1,3 раза),

православной (с 16 до 6,2 % - в 2,5 раза) и рост доли синской цивилизации с 3,3 % до 10 % - в 3 раза, исламской – с 2,9 до 11 % - рост в 3,8 раза. С. Хантингтон предупреждал, что «валовые цифры по экономическому объему производства отчасти затеняют качественное превосходство Запада. Запад и Япония почти полностью господствуют на рынке высоких технологий. Однако, технологии начинают рассеиваться, и, если Запад желает сохранить свое превосходство, ему следует сделать все, что в его силах, чтобы предотвратить это рассеивание. Но замедлить это распространение технологий среди других цивилизаций с каждым днем все труднее». С. Хантингтон делал пессимистический вывод о том, что «двухсотлетний «всплеск» Запада в мировой экономике подойдет к концу» к середине XXI в. (с. 125-126).

При анализе взаимоотношений цивилизаций, полагал С. Хантингтон, важное значение имеет **структура цивилизаций.** В складывающемся новом порядке цивилизаций, он отмечал своеобразную цивилизационную неоднородность. Эта неоднородность выражалась в разном статусе, который могли иметь страны в той или иной цивилизации. С. Хантингтон выделял

-стержневые государства

- расколотые страны

- разорванные страны

- страны-участницы

- страны-одиночки.

Обладание тем или иным статусом играло большую роль для страны в процессе межцивилизационного и внутрицивилизационного общения. Например, **стержневая страна** в цивилизации, считал С. Хантингтон, обеспечивает порядок. «Цивилизация – это большая семья, - писал он, - и стержневые государства как старшие члены семьи поддерживают своих родственников и обеспечивают порядок» (Там же, с. 240). Примерами стержневых стран для С. Хантингтона были Япония, которая является единственным и одновременно стержневым государством японской цивилизации. В синской, православной и индуистской цивилизациях

доминирующими стержневыми странами являются Китай, Россия и Индия. Непростая ситуация, по его мнению, складывается для Запада, у которого в настоящее время есть два стержня – США и франко-германский стержень в Европе. Именно стержневые страны цивилизаций, утверждал американский политолог, являются участниками конфликтов «на глобальном или макроуровне» (Там же, с. 324). Но некоторые цивилизации вообще не имеют стержневых стран. Это характерно для Латинской Америки, Африки и исламского мира. По мнению С. Хантингтона, отсутствие исламского стержневого государства представляет собой серьезную проблему в равной степени, как для самих мусульман, так и для немусульман.

Наряду со стержневой страной в цивилизацию могут входить **страны-участницы.** Это страны, которые в культурном отношении полностью отождествляют себя с какой-то одной цивилизацией. Кроме этого, цивилизация может включать в себя так называемые **разорванные страны.** Разорванные страны, считал С. Хантингтон, можно узнать по двум моментам: их лидеры позиционируют свои страны как «мостик» между двумя культурами, а наблюдатели описывают их как двуликих Янусов. Например, «Россия смотрит на Запад и на Восток». Для разорванной страны характерно наличие одной господствующей культуры, которая соотносится с какой-то одной цивилизацией, но ее лидеры стремятся к другой цивилизации. «Люди из разорванных стран, - писал С. Хантингтон, - соглашаются с тем, кто они, но не соглашаются с тем, какую цивилизацию считать своей» (Там же, с. 209). Это обычно относится к странам незападной культуры. Элита этих стран хочет одновременно и модернизироваться, и вестернизироваться. Примерами разорванных стран для С. Хантингтона были Россия, Турция и Мексика.

Более серьезная ситуация складывается для обществ, где большие группы населения принадлежат к различным цивилизациям и где проходят линии разломов между цивилизациями. В таких цивилизационно неоднородных странах, состоящих из двух или более этнических, расовых или религиозных групп, главную проблему представляет проблема поддержания своей

целостности, так как основная, преобладающая группа в стране, как считает С. Хантингтон, «попытается сделать свой язык, язык и символы государственными. По его мнению, эффект линий разлома между цивилизациями оказался особенно сильным в Советском Союзе и Югославии, где «с коллапсом коммунизма культура вытеснила идеологию», они разделились на новые целостности, и «там, где образовавшиеся целостности все еще состоят из полицивилизационных групп, проявляется вторая фаза разделения». Хантингтон считал закономерныи притягивание таких отколовшихся или могущих отколоться частей к цивилизационным магнитам других обществ: например, протестанская и католическая Прибалтика – к Европе, а на Украине – разделение не формальное, но фактическое на униатский националистический, говорящий по-украински запад и православный русскоязычный восток и др.

С. Хантингтон наделил некоторые страны статусом **стран-одиночек.** Это такие страны, которые не имеют культурной общности с другими общностями. Примерами таких стран-одиночек являются Япония, Эфиопия и Гаити. Ни одна страна в мире не разделяет самобытную культуру Японии, японские мигранты ни в одной стране не составляют значительной доли населения и не ассимилировались в культуре этих стран. С. Хантингтон считает Эфиопию обособленной от окружающих ее преимущественно исламских народов своим доминирующим языком, своей доминирующей религией – коптским православием, своей имперской историей.

Внутрицивилизационные отношения С. Хантингтон уподобил концентрическим кругам вокруг стержневой страны или стран. Каждый круг отражает степень их отождествления с данной цивилизацией и интеграцией в нее.

Отстаивая идею о неизбежности столкновения Запада и незападных цивилизаций, С. Хантингтон придерживался точки зрения о уже начавшемся конфликте глобального уровня между Западом и исламом. В перспективе он считал вероятным конфликт глобального уровня между Китаем и США,

поскольку эти страны придерживаются разных моделей международной политики: в США широкой популярностью и поддержкой пользуется принцип «баланса сил», а в китайской модели наиболее распространенным и традиционным образцом политического поведения было «примыкание к сильному», основанное на принципе иерархии сил.

С. Хантингтон писал, что хотя «в нарождающейся эпохе столкновения цивилизаций представляют величайшую угрозу миру во всем мире», но «международный порядок, основанный на цивилизациях, является самой надежной мерой предупреждения мировой войны» (Там же, с. 532).

Вопросы для повторения

1. Каковы характерные черты природных сообществ?

2. Каковы духовные ценности и идеалы восточного типа цивилизации?

3. Назовите основные восточные религии, в чем их особенности?

4. Какое значение придается личности в обществах восточного типа цивилизации?

5. Как формировалась мусульманская цивилизация? Какие факторы этому способствовали?

6. В чем заключалось принципиальное отличие античных обществ от современных им обществ других типов цивилизаций?

7. В чем выразилось усвоение европейскими народами опыта античного мира?

8. Каковы характерные черты западного типа цивилизации?

9. Дайте определения и соотнесите следующие понятия: «глобализация», «модернизация», «вестернизация».

10. Справедливо ли утверждение Ф. Фукуямы о конце идейной эволюции человечества?

11. Дайте оценку утверждению С. Хантингтона о противостоянии и возможном столкновении Запада и Незапада.

Гл. III. Эволюция геополитического пространства

3. 1. Геополитические эпохи

Общеизвестно, что политическая карта мира и отдельных континентов в разное время выглядела по–разному. Менялись границы государств, их названия, соотношения сил между ними, зоны их влияния. На авансцену истории выходили то одни, то другие действующие лица. Их побудительным мотивом чаще всего была заинтересованность в экономических, политических, территориальных приобретениях. По мнению К. С. Гаджиева, главными участниками международных отношений на протяжении тысячелетий были империи или крупные военно–политические державы. Например, в эпоху античности характер и конфигурацию международной системы определяли отношения между двумя империями, Римской и Персидской. Мировая политика проходила как непрерывная череда укрепления и упадка могущественных империй, появления одних, их смену другими. Очень часто казавшееся внешне единым и мощным государственное образование на деле было конгломератом отдельных провинций, владений и т. п. Как правило, чем удаленнее от центра была периферия, тем большей степенью свободы и самостоятельности она обладала.

В период феодализма (VIII-XV вв.) система международных отношений на европейском континенте характеризовалась взаимодействие множества мелких, независимых друг от друга частей. По данным исследователей в 1500 г. в Европе насчитывалось 500 государственных образований (для сравнения: к 1900 г. их число сократилось примерно до 25. - К. С. Гаджиев. Указ. Соч., с. 118). Сложная сеть королевств, княжеств, герцогств и др. дополнялась появлением новых центров власти, какими стали города. Города были центрами ремесла, торговли, накопления капитала; опираясь на это, возникли различные центры независимого правления. Значительная часть этих карликовых государственных

образований входила в объединение под названием **Священная Римская империя,** которая просуществовала в той или иной форме с VIII до начала XIX в. Однако власть императора Священной Римской империи была ограничена двумя факторами: 1) сложной системой власти упомянутых феодальных государств Европы; 2) с другой стороны, католической церковью. Известно, что на протяжении всего средневековья католическая церковь постоянно стремилась подчинить себе светских феодалов. Именно эти два фактора в то же время позволяли отождествлять Европу и христианский мир в целом. Но единство христианского мира было поколеблено в связи с новыми процессами. Фундаментальные изменения в международной политике стали происходить, когда на смену аморфным империям пришли национальные государства с прочными экономическими связями, которые обеспечивались европейскими городами, с едиными для каждого централизованного государства налоговой системой, постоянной армией и едиными для всех уголков государства органами власти.

Господству и власти римско–католической церкви был брошен вызов начавшейся в XVI в. Реформацией. Она охватила такие страны, как Германия, Швейцария, Великобритания, Нидерланды, Шотландия и привела к появлению нового течения в христианстве - протестантизма. Именно протестантизм наиболее адекватно отражал новые реалии развивающихся буржуазных отношений.

В политической сфере изменения в Европе за период с XV по XVIII вв. выразились также в том, что сформировались две формы политического режима - абсолютная монархия во Франции, Пруссии, Австрии, Испании, России и конституционная монархия в Великобритании и Голландии. Абсолютизм свидетельствовал о появлении крупного централизованного государства, появившегося за счет поглощения более слабых государств. Власть над подданными и территорией была

сосредоточена исключительно в руках монарха, будь он царем, королем или императором.

К середине XVII в. оформилась и утвердилась система международных отношений в современном смысле. Отправной точкой некоторые авторы называют дату заключения Вестфальского мирного договора в 1648 г. По их мнению, важнейшим признаком наступления нового этапа, когда мир вступил на путь индустриального развития, явилось **формирование наций – государств, как главных действующих лиц в мировой политике.**

С середины XVII в. всемирная история прошла несколько геополитических эпох:

1. Вестфальская.
2. Венская.
3. Версальская.
4. Потсдамская.
5. Беловежская.

Все названные выше этапы, за исключением последнего этапа, появились в результате войн, которые разрушали старый баланс сил; каждая новая система устанавливала новый мировой порядок.

Вестфальская геополитическая эпоха

Вестфальская эпоха названа по одноименному мирному договору 1648 г. Этот мирный договор завершил 30–летнюю войну (1618–1648 гг.). Это была первая в истории Европы война, в которой участвовало большинство стран континента. Главной ареной 30–летней войны стала политически раздробленная Германия. По данным К. С. Гаджиева накануне объединения Германии в 1871 г. в единое государство на ее территории все еще существовало около 300 самостоятельных политических образований.

Причины 30–летней войны:

1) Борьба католического и протестантского военно – политических блоков внутри Германии.

2) Вмешательство в эту борьбу их зарубежных союзников.

3) Борьба за гегемонию в Западной Европе между Францией с одной стороны, и Габсбургами Австрии и Испании, с другой стороны.

4) Борьба за господство на Балтике и в Северном море.

5) Борьба за независимость Нидерландской Республики Соединенных Провинций от Испании.

Война прошла четыре этапа - чешский, датский, шведский, франко – шведский. Главными победителями стали Франция и Швеция.

После долгой дипломатической подготовки в двух городах Вестфалии - Мюнстере и Оснабрюке - был заключен мир между императором Священной Римской империи и шведским королем, получивший название Вестфальского мирного договора. Швеция получила всю Западную Померанию, часть Восточной Померании, некоторые острова, огромную денежную выплату. Под контролем Швеции оказались устья крупнейших рек Северной Германии - Эльбы, Одера. Швеция стала великой европейской державой и осуществила свою цель господства над Балтикой.

Франция получила Эльзас, подтвердила свои права на три епископства в Лотарингии - Мец, Туль и Верден, поставила под свой контроль 10 имперских городов Германии. Нидерланды получили международное признание своей независимости. Была признана также независимость Швейцарского союза и закреплена раздробленность Германии: князья получили право заключать союзы между собой и с иностранными государствами, но не нанося при этом ущерба империи.

Таким образом, в Мюнстерском и Оснабрюкском трактатах были сформулированы основные международные принципы, установлены границы многих государств европейского континента. В области вероисповедания были подтверждены постановления Аугсбургского

религиозного мира 1555 г., а именно: - 1) религия государя определяла религию его подданных; 2) была утверждена независимость светской власти от власти духовной; 3) был признан принцип равенства государств. Созданная таким образом система международных договоренностей просуществовала более 150 лет.

Конечно, Вестфальский мир, завершивший 30–летнюю войну, не мог предотвратить другие войны. И XVIII век принес свои изменения. Вновь в результате войн соотношение сил на европейском континенте изменилось. Такие государства, как Испания, Португалия, Дания, Голландия, имевшие статус великих держав, потеряли его и были отодвинуты на второй план. На передний план выдвинулись Англия, Франция, Австрия, Пруссия и Россия (последняя в результате победы в Северной войне над Швецией в 1700–1721 гг.). Именно эти страны с середины XVIII в. определяли основные направления в развитии международных отношений в мире. Еще одним активным участником мировой политики была Османская империя. Османская империя - это мусульманское государство, созданное турками – османами на рубеже ХШ – XIV вв. История Османской империи начиналась с небольшого независимого княжества на северо - западе Анатолии. Название свое государство получило от имени основателя правящей династии бея Османа (1299–1324 гг.). Его преемники развернули «священную войну» с христианскими правителями в Малой Азии, затем на Балканах. Постепенно небольшое княжество превратилось в обширное военно–феодальное государство (султанат). Важными этапами в укреплении и усилении Османской империи были захват Константинополя в 1453 г. и падение Византийской империи, присоединение Крыма (1475 г.), ряда территорий Юго–Восточной и Центральной Европы, большей части Арабского Востока и Северной Африки.

Так образовалась огромная империя, которая оказывала большое влияние на политическую жизнь Европы. Кроме того, Османская империя

взяла на себя роль лидера мусульманского мира в его противостоянии с христианской Европой. Однако положение стало меняться с конца XVII - начала XVIII вв. С того времени, когда турки в 1682–1683 гг., осадив Вену, не сумели ее взять, начинается контрнаступление Европы против Османской империи. Особенно явственно упадок османского могущества проявился в ходе русско–турецких войн второй половины XVIII в. С победами П. А. Румянцева и А. В. Суворова, с отторжением Крыма (1783 г.) начался новый этап в османской истории: усилилась освободительная борьба греческого и славянских народов, возник и приобрел «интернациональный» характер «восточный вопрос», т. е. борьба великих европейских держав за раздел султанских владений в Европе. Россия, опираясь на идеи панславизма, оказала поддержку слявянским народам на Балканах, где встретила противодействие прежде всего Австро – Венгерской империи.

Итак, именно в XVIII в. на европейском континенте главными действующими лицами были Великобритания, Франция, Россия, Австрия и Пруссия. На расстановку политических сил оказывали влияние также изменения, происходившие в западноевропейских странах - формирование буржуазного строя и усиление позиций буржуазии. Противоречия между привилигированным дворянством и духовенством, с одной стороны, и третьим сословием (буржуа, ремесленники, пролетарии) с другой стороны, привели к революционному взрыву во Франции в конце XVIII в. - Великой Французской революции 1789–1799 гг.

Во внешнеполитическом аспекте Великая Французская революция имела своим результатом наполеоновские войны (1799–1815 гг.), которые велись Францией в годы консульства и империи Наполеона I. Противниками Франции были Великобритания, Австрия, Россия, Пруссия и др. Эти страны в разных комбинациях создавали антифранцузские коалиции (всего их было 6 за указанный период времени). После победы под Аустерлицем в декабре 1805 г. Наполеон I принудил Франца I

сложить с себя титул императора Священной римской империи в 1806 г.; таким образом, это аморфное государственное образование перестало существовать.

Военные успехи Франции в первое десятилетие XIX в. обеспечили этой стране господство в Западной и Центральной Европе. Наиболее серьезный удар войска Наполеона получили после вторжения в Россию. Во время Отечественной войны 1812 г. более чем 400–тыс. «Великая армия» Наполеона была уничтожена. Это поражение наполеоновской армии в России вызвало подъем освободительной борьбы порабощенных народов Европы. В 1813 г. образовалась шестая антифранцузская коалиция в составе России, Великобритании, Пруссии, Австрии и ряда других государств. Объединенные силы этих стран в октябре 1813 г. в ходе «битвы народов» под Лейпцигом добились победы, освободили территорию Германии от французов. Наполеоновская армия отошла к границам Франции, а затем была разгромлена на своей земле. В марте 1814 г. войска союзников по антифранцузской коалиции вступили в Париж, а 6 апреля 1814 г. Наполеон I подписал отречение от престола и был выслан из Франции на остров Эльба в Средиземном море. В марте–июне 1815 г. он предпринял последнюю попытку вернуть себе утраченную власть в ходе «100 дней». Против Наполеона Бонапарта объединилась 7–я коалиция, войска которой под командованием герцога А. У. Веллингтона и маршала Г. Л. Блюхера нанесли поражение Наполеону в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 г. Историю наполеоновских войн завершил Венский конгресс (март–июнь 1815 г.).

Венская геополитическая эпоха

Венская эпоха берет свое начало с Венского конгресса. Задачи Венского конгресса были следующие:

- обеспечить гарантии, которые бы не допустили реставрацию бонапартистского режима во Франции и попыток завоевания Европы;

- борьба с революционными и демократическими движениями, восстановление в Европе прежних династий и феодальных порядков, свергнутых в ходе наполеоновских войн, образование для достижения этой цели «Священного союза», созданного в сентябре 1815 г. постановлением Венского конгресса в составе Австрии, Пруссии и России.

- Удовлетворение территориальных притязаний держав победительниц. Однако, как это часто было ранее и впоследствии неоднократно повторится в будущем, после устранения общего врага, бывших союзников начинают разъединять их собственные интересы, которые начинают приходить в противоречие друг с другом.

Венский конгресс не успел закончить свою работу, когда пришло известие о возвращении Наполеона во Францию (так называемые «сто дней»). Война возобновилась и вскоре закончилась победой союзников. 8 июня 1815 г. был подписан заключительный акт Венского конгресса. Наступила новая, Венская геополитическая эпоха, для которой были характерны следующие черты:

- Францию вернули к границам 1792 г.
- Бельгию и Голландию насильственно соединили в Нидерландское королевство (Бельгия стала независимой только в 1830 г.)
- В Италии было восстановлено Сардинское королевство с возвращением ему Савойи и Ниццы
- Австрия восстановила свою власть в Ломбардии и Венеции
- Пруссия получила Вестфалию, Рейнскую область и Померанию
- У союзницы наполеона Дании была отобрана Норвегия и присоединена к Швеции
- Великобритания закрепляла за собой колонии, захваченные в период наполеоновских войн. Самыми важными из этих колоний были остров Мальта (южнее Сицилии), Капская область на юге Африки и остров Цейлон в Индийском океане

- Венский конгресс закреплял политическую раздробленность Германии. Был создан Германский союз. В его состав вошли 34 независимых германских государства и 4 вольных города
- Россия получила герцогство Варшавское, которое, войдя в состав Российской империи, стало называться Царством Польским.

Основу Венской геополитической эпохи составил имперский принцип контроля над географическим пространством. Главными действующими лицами были, прежде всего, европейские империи - Российская, Австро – Венгерская, Британская (хотя формально Великобритания была объявлена империей в 1876 г.), Французская, хотя юридически Франция оставалась республикой, фактически она располагала мощной колониальной империей, Германская империя, которая возникла в 1871 г. по инициативе Пруссии, победившей в войне Францию. Активную роль продолжала играть Турецкая империя, особенно на Ближнем Востоке и в Юго–Восточной Европе.

Поскольку главная заслуга в разгроме Наполеона принадлежала России, постольку можно было ожидать, что ей достанутся большие выгоды. Однако европейские державы опасались чрезмерного усиления России и в ходе работы Венского конгресса объединились в антироссийский альянс. Но, несмотря на это, Россия оставалась доминирующей силой в Европе, самой крупной европейской страной. К России были присоединены Южная Украина, Крым, Бессарабия, Кавказ, Закавказье; русские торговые корабли получили право прохода через Босфор и Дарданеллы; постоянно поддерживая борьбу христианского, православного населения османской империи, России удалось добиться от Турции предоставления независимости Греции и автономию для Сербии, Черногории, Молдавии и Валахии.

Однако другие великие европейские державы - Великобритания и Франция - стремились остановить рост влияния России и самим укрепиться в странах, порабощенных турками. Переоценив военные и

дипломатические возможности России, император Николай I в 1853 г. начал войну против Турции. Однако на стороне султана выступили Великобритания и Франция, Сардинское королевство, а Австрия и Пруссия заняли враждебные позиции в отношении России. Эти обстоятельства, а также военно–техническая отсталость России от европейских стран, привели нашу страну к поражению в Крымской войне. В 1856 г. был подписан Парижский мирный договор. Он лишил Россию права иметь военный флот на Черном море, покровительствовать христианам Османской империи. И хотя территориальных потерь Россия не понесла, но международному престижу страны был нанесен серьезный ущерб. Впервые после Венского конгресса баланс сил в Европе изменился. Суть этих изменений сводилась к следующему: **закончилась полоса доминирования России в Европе.**

В таких условиях главной задачей России становилось соблюдение такого баланса сил в Европе, который бы не позволил появиться на континенте одному бесспорному лидеру. Поэтому, когда произошло усиление Франции, и Наполеон III провозгласил себя императором, Россия поддержала Пруссию, которая объединяла германские государства в единое государство. Но после победы Пруссии в 1871 г. во франко–прусской войне обнаружилась явная тенденция усиления Германии в Европе, и Россия пошла на сближение с Францией, чтобы нейтрализовать союз Германии и Австро–Венгрии.

Одной из важных черт, присущих Венской эпохе, была промышленная революция, охватившая западноевропейские страны и США. Под воздействием ее результатов и объединения страны, Германия к концу XIX в. особенно усилилась в Европе. В западном полушарии благодаря промышленной революции и победе в гражданской войне (1861–1865 гг.) индустриального Севера, усилили свои позиции Соединенные Штаты Америки. И Германия, и США начали предъявлять свои претензии на международной арене. Положение усугублялось тем,

что к концу XIX в. завершился колониальный раздел мира в рамках Венской системы международных отношений. Но индустриально развитые страны Европы и США вступили в новую фазу своего развития - монополистическую, когда владение колониями было для них жизненно необходимо. Поскольку сложившиеся сферы влияния перестали соответствовать новым геополитическим и экономическим реальностям, Венская система международных отношений была обречена на разрушение. В преддверии борьбы за изменение контроля над пространством оформилось два военно–политических блока: Тройственный союз (Германия, Австро–Венгрия, Италия) и Антанта (Великобритания, Франция, Россия). Эти блоки столкнулись в первой мировой войне (1914–1918 гг.). Следующая геополитическая эпоха, наступившая после окончания первой мировой войны, получила название Версальской или Версальско–Вашингтонской системы. Но прежде, чем эта система сформировалась, человечество пережило грандиозные потрясения в первой мировой войне.

Первая мировая война

В вооруженном конфликте столкнулись не только вышеназванные великие европейские державы. Всего в первой мировой войне участвовало 38 государств, из них на стороне Антанты - 34 страны, на стороне австро–германского блока - 4. Было мобилизовано более 70 млн. человек, в одной только России под ружье было поставлено 15 млн. человек. Из 70 млн. 10 млн. были убиты, более 20 млн. ранено, контужено, искалечено. Военные действия проходили в Европе, Азии и Африке. Главные сухопутные фронты были в Европе: Западный фронт в Бельгии и Франции, Восточный фронт - в России.

В первых числах августа 1914 г. участницы Антанты и Тройственного союза объявили друг другу состояние войны. В конце августа 1914 г. Германия объявила войну Японии. В октябре 1914 г. на стороне германского блока в войну вступила Турция, поэтому образовались новые фронты в Закавказье, Месопотамии, Сирии и

Дарданеллах. Летом 1915 г. Италия вышла из австро–германского блока и выступила на стороне Антанты. Но все же с Италией впоследствии был подготовлен мирный договор, как с побежденной державой. Место Италии в австро–германском блоке в октябре 1915 г. заняла Болгария.

В 1916 г. Тройственный союз, неся огромные потери, утратил стратегическую инициативу. Перевес Антанты стал еще более значительным после вступления в войну на ее стороне Соединенных Штатов Америки в апреле 1917 г. Американские войска стали прибывать на Западный фронт с марта 1918 г.

После революционных потрясений 1917 г. Россия была не в состоянии поддерживать фронт и фактически вышла из войны. 2 декабря 1917 г. в г. Брест–Литовске советское правительство подписало соглашение о перемирии с германским блоком, позднее начались переговоры о мире, и в марте 1918 г. был подписан сепаратный Брестский мирный договор, унизительный для России. Германия оккупировала Польшу, Прибалтику, часть Белоруссии. Русские войска должны были покинуть Украину и туда вступили кайзеровские войска. Русские войска были выведены также из Финляндии, из округов Ардаган, Карс и Батум, которые передавались Турции. Всего Советская Россия потеряла около 1 млн. кв. км, на которых проживала 1/3 населения страны, была сосредоточена 1/3 промышленности. Кроме того, Советская Россия была обязана также уплатить Германии контрибуцию в размере 6 млрд. марок.

С выходом из войны России перед Германией один фронт - Западный. Весной и летом 1918 г. германские войска провели там несколько наступательных операций, но в этих боях Германия полностью истощила свои силы. Осенью 1918 г. армии Антанты, используя свое превосходство, перешли в наступление и вынудили немецкие войска начать общий отход с территории Франции. В начале октября 1918 г. положение Германии стало безнадежным, так как ее союзники - Болгария,

Австро–Венгрия и Турция - заключили перемирие с державами Антанты. Поражение на фронтах, экономическая разруха привели к революционному взрыву в Германии, и в ноябре 1918 г. в ней началась революция. Революционно настроенные матросы, солдаты и рабочие свергли монархию, император Вильгельм II бежал из страны. Германия была провозглашена республикой, был установлен буржуазно–демократический строй. Новое правительство Германии в ноябре 1918 г. подписало перемирие: Германия признала себя побежденной, прекратила военные действия, обязалась вывести свои войска с захваченных территорий, разоружила свою армию и передала странам–победительницам большое количество вооружения.

Судьбу побежденных стран Тройственного союза предстояло решить державам–победительницам на мирной конференции, которая начала свою работу в Париже в январе 1919 г. В работе этой конференции приняли участие более тысячи человек представителей от 27 стран, не было только представителей побежденных государств.

Было совершенно очевидно, что прежний баланс сил был уничтожен первой мировой войной, и державы–победительницы создадут новый баланс сил, мир приобретет какую–то новую конфигурацию. Вопреки заявлениям о «справедливом мире» и отказе от тайной дипломатии, на конференции развернулась дипломатическая борьба прежде всего между Великобританией, Францией и США. Но компромисс был все–таки достигнут, и мирные договоры составлены. Мирный договор с Германией был подготовлен в апреле 1919 г. и получил название Версальского по месту его подписания в июне 1919 г. Затем были подписаны мирные договоры с союзниками Германии, которые получили свои названия также по месту их подписания.

Версальская геополитическая эпоха

Версальский договор, который дал название целому этапу в геополитическом развитии, был главным документом послевоенного мирного урегулирования. Основные его условия сводились к следующему.

1) Территориальные вопросы. Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию, захваченные ею после победы во франко – прусской войне 1871 г. Округа Эйпен и Мальмеди передавались Бельгии, Северный Шлезвиг - Дании, к Чехословакии отошла часть Силезии, к Польше - часть Западной и Восточной Пруссии, ряд районов Померании. Германская территория была разделена так называемым «польским коридором»: город Данциг (Гданьск) с прилегающей к нему территорией был превращен в «вольный город» под управлением Лиги Наций. Он был включен в таможенные границы Польши. Германия обязывалась «строго уважать» независимость Австрии (статья 80 Версальского мирного договора признавала недопустимость «аншлюса» Австрии). Мемель (г. Клайпеда) и прилегающие районы передавались под контроль Лиги Наций. (В 1923 г. были включены в состав Литвы). Территория Германии на левом берегу Рейна и правый берег на глубину 50 км подлежали демилитаризации. Саарский угольный бассейн переходил в «полную и неограниченную собственность» Франции, сама же область оставалась на 15 лет под управлением Лиги Наций с последующим плебисцитом. В целом Германия потеряла 1/8 часть территории и 1/12 часть населения.

2) Колонии. Версальский договор лишал Германию всех колоний, сфер влияния, собственности и привилегий за пределами страны. Германские колонии были поделены (в форме мандатов) между Францией, Японией, Бельгией, Португалией, Великобританией и ее доминионами. Африканские владения Германии - Того и Камерун (Западная Африка) - поделили между собой Великобритания и Франция. Английские доминионы получили следующее: Южно–Африканский Союз получил Юго–Западную Африку; Австралия - часть Новой Гвинеи; Новая Зеландия - Западное Самоа. Германские колонии в Восточной и Центральной Африке - Танганьика и Руанда - были переданы Великобритании, Бельгии и Португалии. Япония получила германские концессии в Шаньдуне (Китай),

а также острова в Тихом океане, лежащие севернее экватора - Каролинские, Марианские, Маршалловы.

3) Германские вооруженные силы. Версальский договор предусматривал разоружение Германии. Сухопутная армия сокращалась до 100 тыс. человек при 4 – тыс. офицерском корпусе. Она должна была формироваться не путем всеобщей воинской повинности, а на основе вольного найма (рейхсвер, а не вермахт). Резко ограничивался надводный военно–морской флот Германии, подводные лодки ей вообще запрещалось иметь, также как военную и морскую авиацию.

4) Репарации. Германия объявлялась ответственной за развязывание первой мировой войны и причиненный ею ущерб. Тем самым создавалась правовая основа для взыскания с Германии репарационных платежей для возмещения «всех потерь и всех убытков» союзников. Версальский договор зафиксировал только принцип выплаты репараций: 52 % от репарационной суммы предназначалось Франции, 27 % - Великобритании, 10 % - Италии, 8 % - Бельгии. Что касается конкретной суммы репараций, было решено, что ею займется особая репарационная комиссия и определит сумму к началу 1921 г. До этого времени Германия была обязана выплатить союзникам - державам Антанты 20 млрд. марок золотом товарами, судами и ценными бумагами. В январе 1921 г. на специальной конференции союзники по Антанте определили общую сумму репараций в 226 млрд. марок золотом. Германия была обязана выплачивать их в течение 42 лет, и помимо этого за этот же срок поставлять бесплатно 12 % германского экспорта.

Некоторые статьи договора низводили Германию до положения зависимой страны. Так, авиация стран–победительниц имела полную свободу полетов и приземления на территории Германии. Такие крупные реки в Германии, как Эльба, Одер, Неман и Дунай объявлялись открытыми для иностранных держав, также как и Кильский канал. Запрещалось любое ограничение ввоза в Германию товаров из стран–

победительниц. В качестве гарантии выполнения Германией договора предусматривалась оккупация войсками союзников территории к западу от Рейна на срок от 5 до 15 лет. Из вышеизложенного понятно, что условия Версальского мирного договора были унизительны для немцев. Версальский договор стал козырной картой в руках националистических сил, прежде всего гитлеровской Национал – социалистической рабочей партии Германии. Столь суровое наказание Германии подогревало настроения реванша, и международный порядок, установленный после первой мировой войны, был взорван уже через двадцать лет в 1939 году.

Версальский договор явился основой послевоенной системы мирного урегулирования. Но кроме него были подписаны и другие мирные договоры - с союзниками Германии. При этом следует иметь в виду, что первая мировая война и порожденный ею кризис привел к крушению монархии не только в России. Революции произошли в Германии (с ноября 2918 г.) и в Австро–Венгрии (октябрь 1918 г). Результатом этих революций было падение династий Гогенцолернов и Габсбургов. Крушение Габсбургской монархии повлекло за собой крупные изменения на карте Центральной и Юго–Восточной Европы. Здесь возникли новые государства: Австрия, Венгрия, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославия). Отдельные части Австро–Венгрии отошли к Италии, Польше и Румынии. Что касается мирных договоров, то они были составлены отдельно для Австрии и для Венгрии. В сентябре 1919 г. был подписан Сен–Жерменский договор с Австрией. В июне 1920 г. был подписан Трианонский мирный договор с Венгрией. Эти договоры определили границы новых европейских государств, причем совершенно без учета национальных (этнических) интересов различных народов, тем самым между отдельными странами были посеяны семена раздоров. В ноябре 1919 г. был подписан мирный договор с Болгарией во французском городе Нейи.

В связи с вновь установленными границами в Центральной и Юго-Восточной Европе началась огромная подвижка населения. Румыния выселила более 300 тыс. человек из Бессарабии. Из Македонии и Добружди двинулись с места около 500 тыс. человек. Немцы уходили из Верхней Силезии. Сотни тысяч венгров были переселены с территорий, перешедших к Румынии, Югославии и Чехословакии. 7,5 млн. украинцев были поделены между Польшей, Румынией и Чехословакией.

Что касается мирного урегулирования с Турцией, то оно явно затянулось. Причиной этого было соперничество из–за дележа «турецкого наследства». Дело в том, что важное стратегическое положение Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья, наличие нефти превращали стол переговоров в ожесточенное «поле битвы» между державами–победительницами за обладание этими районами. Подготовка договора с Турцией была завершена к августу 1920 г. и он был подписан во французском городе Севре. Османская империя по Севрскому договору подлежала разделу между империалистическими державами. Следует подчеркнуть, что единый антианглийский блок в составе Франции, Италии и других стран стремился не допустить британской монополии на турецкие владения. Тем не менее, Великобритания получила львиную долю «турецкого наследства», а именно: Великобритании был вручен мандат на управление Палестиной, Трансиорданией и Ираком, Франции - мандат на управление Сирией и Ливаном. Турция теряла все свои владения на Аравийском полуострове и свои права в Египте. Египет оказался фактически под контролем Великобритании. Признавались «протекторат» Франции над Марокко и колониальное господство Италии над Ливией. К Греции отходили Восточная Фракия, европейский берег Дарданелл, г. Измир (Смирна). На западном побережье Аравийского полуострова (Красное море) было создано независимое королевство Хиджас. Дарданеллы, Мраморное море и Босфор объявлялись открытыми в военное и мирное время для всех судов. Была создана Комиссия

проливов из представителей 5 великих держав - победительниц, Греции и Румынии. Эта Комиссия получила право действовать независимо от местной власти. Кроме этого на территории Турции устанавливался «режим капитуляций», который лишал ее независимости.

Однако условия Севрского договора всколыхнули страну, и в Турции развернулось национально–освободительное движение во главе с Кемалем. Севрский договор был завершающим актом Версальской системы и оказался ее самым слабым звеном. Окончательно мирное урегулирование с Турцией состоялось на Лозаннской конференции (Швейцария) с ноября 1922 г. до июля 1923 г. Основное и главное для Турции изменение касалось отмены режима капитуляций, то есть сохранения независимости Турции. Территориальные условия и режим проливов остались практически без изменений.

Еще один вопрос, связанный с послевоенным мирным урегулированием, касался позиции США. На рубеже XIX – XX вв. Соединенные Штаты Америки по темпам экономического развития и по объему промышленного производства вышли на первое место в мире. Их вступление в первую мировую войну на стороне Антанты в апреле 1917 г. обеспечило этой стране целый ряд перемен в ее положении. Во–первых, США превратились из должника европейских стран в их кредитора. Во–вторых, США оказались в рядах победителей. В–третьих, опираясь на свое экономическое и финансовое превосходство, правящие круги США заявили о своих притязаниях на международной арене. Это было сделано американским президентом Вудро Вильсоном в его знаменитых «14 пунктах», которые были объявлены им в январе 1918 г. Эта программа декларировала приверженность к «открытым мирным переговорам». Тем самым правительство США заявляло о непризнании всех тайных договоров и соглашений, подписанных странами Антанты без участия США. Провозглашенные принципы «свободы морей» и «свободы торговли» рассматривались как инструменты достижения господства США

на мировой арене. Пункт 14 программы Вильсона предусматривал создание международной организации по поддержанию мира. Такая организация стала называться Лигой Наций. Для практической реализации этой идеи статут Лиги Наций из 26 статей вошел составной частью в Версальский мирный договор.

Эти притязания США были торпедированы Англией и Францией. Поэтому сенат США в ноябре 1919 г. отказался ратифицировать Версальский договор. Поскольку «детище» Вильсона - Лига Наций - оказалась под контролем европейских держав - победителей, США не вступили в Лигу Наций. В августе 1921 г. США подписали сепаратный мирный договор с Германией и ее бывшими союзниками. Следует отметить, что притязания Соединенных Штатов Америки на роль лидера на международной арене после первой мировой войны были неудачны. В такой ситуации американские правящие круги, прибегая к аргументам о необходимости сохранить «свободу действий» Соединенным Штатам, говоря о «невмешательстве в европейские дела», объявили о своем «изоляционизме». Однако это был не более чем тактический шаг, так как сразу после первой мировой войны США не располагали реальными средствами воздействия и возможностями склонить или принудить своих союзников принять «американский план мира». Великобритания имела колонии, а, следовательно, многочисленные военно–морские базы, без которых флот не может стать фактором силы. Американский же флот - и военно- морской, и торговый - был значительно слабее британского и почти не имел баз. Соединенные Штаты Америки не пошли на обострение отношений с Великобританией перед фактом усиления их общего соперника на Дальнем Востоке - Японии.

Активная дипломатическая борьба разворачивалась не только в Европе. В период, последовавший после первой мировой войны, острые межгосударственные противоречия сложились и на Дальнем Востоке. В этом регионе Япония, которая фактически не принимала участия в войне,

воспользовалась тем, что главные ее соперники, бывшие одновременно и союзниками, были заняты на европейском театре военных действий, и укрепила свои позиции на Тихом океане и на Дальнем Востоке, особенно в Китае - почти половина внешней торговли Китая была в руках Японии.

По Версальскому договору Японии досталась значительная часть «германского» наследства. В связи с этим в правящих кругах США считали, что это ущемляет их интересы. Японская экспансия в этом районе вызывала противодействие и США, и Великобритании, хотя действовали они по–разному и каждая в собственных интересах. США под лозунгами «открытых дверей» и «равных возможностей» в торговле и предпринимательстве требовали «интернационализации» Китая, настаивали на аннулировании всех привилегий европейских держав в этой стране. Великобритания же отстаивала традиционный принцип раздела Китая на «сферы влияния».

Воспользовавшись финансовой задолженностью европейских стран Соединенным Штатам (18 млрд. долл.), особенно задолженностью Великобритании, американская дипломатия выступила с идеей международной конференции с официальной целью «ограничения вооружений» и решения спорных проблем Дальнего Востока и Тихого океана. Такая конференция проходила в Вашингтоне с ноября 1921 г. по февраль 1922 г. В ее работе приняли участие 9 держав: США, Великобритания, Франция, Япония, Италия, Бельгия, Голландия, Португалия и Китай. Правительство РСФСР выразило протест в связи с тем, что Советская Россия не была приглашена на эту конференцию для решения дальневосточных проблем.

Результатом работы Вашингтонской конференции явилось подписание следующих соглашений:

1) Трактат четырех держав - США, Великобритании, Франции и Японии, который гарантировал островные владения его участников на

тихом океане. В интересах США был расторгнут англо–японский союз 1902 г.

2) Договор пяти держав - США, Великобритании, Японии, Франции и Италии об «ограничении морских вооружений». Между ними устанавливались следующие пропорции линейного флота: 5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75. Это не было «разоружением» или «ограничением» военно–морских сил, произошла передвижка сил в пользу Соединенных Штатов Америки, так как Великобритании пришлось пойти на существенные уступки и отказаться от традиционного принципа «Two–power standards», в соответствии с которым британский флот должен был быть равен флоту двух крупнейших морских держав.

3) Договор девяти держав по Китаю. Китай не подписал Версальский договор, требуя возвращения переданных Японии германских колоний на его территории. Ответом Китая было начало национально–освободительного «движения 4 мая». Подписанный в Вашингтоне договор формально провозглашал принцип суверенитета и территориальной целостности Китая. Япония отказалась от монопольного положения в Китае и обязалась возвратить ему бывшие германские концессии в Шаньдуне и вывести оттуда свои войска. Вместе с тем Япония отказалась вывести свои войска из Южной Маньчжурии и это позволило ей позднее использовать Маньчжурию в качестве плацдарма для экспансии в Китае. Кроме этого неравноправные договоры с Китаем не были отменены, оставался иностранный контроль над китайскими таможнями.

Подводя итоги и оценивая Версальско–Вашингтонскую систему следует подчеркнуть, что:

- Версальская система урегулировала, как оказалось на непродолжительное время, послевоенные проблемы Западной и Центральной Европы, а также интересы ведущих европейских держав в Африке и на Ближнем Востоке.

- Вашингтонская система пыталась разрешить противоречия на Дальнем Востоке и на Тихом океане. В этом смысле она была продолжением Версаля, его географическим дополнением и завершила передел мира.
- Вместе с тем Вашингтонская конференция была и ревизией Версаля, его пересмотром. Инициатором этого выступили Соединенные Штаты Америки, добиваясь решения все той же цели - лидерства в мире. Однако межимпериалистические противоречия не позволили Соединенным Штатам добиться полного господства на Дальнем Востоке и Тихом океане. Япония сохранила достаточно сильные позиции, которые позволили ей через 10 лет создать первый очаг второй мировой войны, а впоследствии атаковать США.

Версальско–Вашингтонская система создала «пороховой погреб» в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке. С одной стороны, она подвела черту под первой мировой войной и подготовила условия для временной относительной стабилизации и в сфере международных отношений. С другой стороны, передышка оказалась очень непродолжительной и через двадцать лет система была взорвана второй мировой войной.

Вторая мировая война

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. вторжением войск фашистской Германии в Польшу. Англия и Франция, которая были связаны союзными обязательствами с Польшей, 3 сентября объявили войну Германии. К 10 сентября ей объявили войну британские доминионы - Австралия, Новая Зеландия, Южно–Африканский Союз, Канада и Индия. Постепенно война вовлекла в свою орбиту 61 государство, 80 % населения земного шара на огромных пространствах в Европе, Азии, Африке, океанских просторах. Этому конфликту предшествовали следующие важные события на международной арене в 30–е гг. XX в.

На **Дальнем Востоке** Япония осуществила захват Маньчжурии в 1931 г. и превратила ее в сырьевой придаток и плацдарм для

дальнейшей экспансии. В 1937 г. Япония вторглась в Центральный Китай и развернула полномасштабную войну против этой страны, а впоследствии против соседних с Китаем стран. Таким образом, первый очаг второй мировой войны возник на Дальнем Востоке.

В **Европе**:

- В январе 1933 г. в Германии к власти пришла фашистская партия - НСДАП, возглавляемая А. Гитлером, который в течение короткого времени установил нацистскую диктатуру.
- Италия в 1935 г. неспровоцированно и без каких–либо оснований вторглась в Эфиопию, а в 1939 г. захватила Албанию.
- В Испании с 1936 по 1939 гг. шла гражданская война между законным республиканским правительством и фашистским движением генерала Франко. Эта гражданская война сопровождалась итало–немецкой интервенцией.
- В марте 1938 г. Германия осуществила аншлюс (присоединение) Австрии в нарушение условий Версальского договора.
- В конце сентября 1938 г. после Мюнхенского соглашения Судетская область Чехословакии была передана Германии, а весной 1939 г. Чехословакия была оккупирована германским вермахтом.

Таким образом, в течение 1930–х гг. оформился раскол капиталистического мира на две враждебные группировки. В одну из них входили фашистские государства - Германия, Италия и милитаристская Япония, во вторую - Англия и Франция, их поддерживали США. Эти страны были заинтересованы в сохранении сложившейся геополитической конфигурации и стремились отвести от своих стран угрозу фашистской агрессии и направить ее на восток против СССР (политика «умиротворения»). Это явилось главной причиной неудачи создания в то время антигитлеровской коалиции с участием СССР (политика коллективной безопасности). Советский Союз, оказавшийся в сложном положении - угроза агрессии и с запада, и с востока - предпринял в таких

условиях шаги для обеспечения собственной безопасности. За несколько дней до нападения Германии на Польшу - 23 августа 1939 г. был заключен советско–германский пакт о ненападении. Секретный протокол к пакту предусматривал фактически раздел «сфер интересов» между Германией и СССР в Восточной Европе. С точки зрения тактической Советский Союз получил определенные преимущества. Этот пакт дал СССР отсрочку вооруженного советско–германского конфликта, способствовал заключению пакта о нейтралитете с Японией (май 1941 г.), но сопровождался демонстрацией «дружбы» с гитлеровским режимом. 17 сентября 1939 г. части Красной Армии вступили в Польшу. Оказавшись под ударами и с востока, и с запада, польская армия прекратила сопротивление в конце сентября 1939 г. 28 сентября 1939 г. был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией, который создавал общую советско–германскую границу, уничтожив Польшу. С точки зрения стратегической такие шаги и договоренности советского руководства нанесли ущерб международному престижу СССР.

Таким образом, вторая мировая война началась как схватка двух империалистических коалиций. Цель фашистской коалиции - перекроить карту мира и установить свое господство над государствами и народами. Цель антифашистской коалиции - сохранить и удержать владения и сферы влияния, полученные в результате победы над Германией первой мировой войне.

На начальном этапе второй мировой войны соотношение сил сложилось в пользу Германии. Осуществив в Польше стратегию «блицкрига» («молниеносной войны»), а также имея превосходство в танках и авиации, вермахт быстро сломил сопротивление польской армии. Англия и Франция не оказали Польше обещанной помощи и, несмотря на объявление войны, англо–французские войска на западном фронте в ожидании компромисса с Германией, фактически бездействовали. Такое положение дел получило название «странной войны». В апреле 1940 г.

немецко–фашистские войска оккупировали Данию, а затем Норвегию. В мае 1940 г. они нанесли удар на западе: вторглись в Бельгию, Нидерланды, Люксембург и развернули наступление против Франции. Через 44 дня Франция капитулировала (часть Франции, оставшаяся неоккупированной, получила название «вишистской» по имени своей столицы - г. Виши). Британский экспедиционный корпус, оставив вооружение, фактически, был сброшен в море в районе французского порта Дюнкерк и в спешке эвакуировался на британские острова. В 1941 г. победоносное шествие Германии по Европе продолжалось: в апреле - мае в ходе Балканской кампании были оккупированы Югославия и Греция.

Ко времени нападения фашистской Германии на СССР, она захватила 12 европейских стран - Австрию, Чехословакию, Албанию, Польшу, Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Люксембург, Францию, Югославию и Грецию. Население этих стран подвергалось террору, а «расово - неполноценные народы» (евреи, цыгане, славяне) подлежали постепенному уничтожению. 22 июня 1941 г. фашистская Германия и ее союзники в Европе вторглись на территорию СССР. К активному участию в агрессии были привлечены Румыния, Финляндия, Венгрия. В этих странах были установлены военно–фашистские диктатуры. Менее активным было сотрудничество фашистской Германии с Испанией, Португалией, Турцией. Всего же фашистская Германия и ее союзники обрушили на СССР невиданную в истории армию вторжения - 190 дивизий (5, 5 млн. человек), более 3 тыс. танков, около 5 тыс. самолетов, более 43 тыс. орудий и минометов, 200 кораблей.

Что касается Соединенных Штатов Америки, они вступили в войну после того, как 7 декабря 1941 г. внезапным ударом по Пирл–Харбору на Гавайях Япония практически уничтожила тихоокеанский флот США.

Против блока фашистских государств образовалась **антигитлеровская коалиция.** Создание ее прошло несколько этапов.

Свое начало антигитлеровская коалиция ведет с оформления англо-американского союза. Установление более тесных контактов и сотрудничества происходило на фоне военных успехов гитлеровской Германии в Европе, расширения экспансии Японии в Азии и создания блока фашистских государств. После отставки правительства Н. Чемберлена в мае 1940 г. новое британское правительство во главе с У. Черчиллем было вынуждено искать новых союзников, так как после капитуляции Франции Англия утратила своего главного партнера в то время. В тот момент перед Англией были две альтернативы: либо компромиссный мир с Германией, либо продолжение войны при помощи и сотрудничестве с США. Естественно, в Лондоне понимали, что такое сотрудничество предполагает ряд уступок Соединенным Штатам, а именно: предоставление им стратегических баз, допуск в колонии и т. д.

В хронологической последовательности события развивались следующим образом:

- Еще в августе 1935 г. после агрессии Италии против Эфиопии под нажимом изоляционистских кругов в США американский конгресс принял закон о «нейтралитете». Этот закон запрещал поставки оружия и военных материалов воюющим странам. Изоляционисты исходили из убеждения, что интересы США не выходят за пределы западного полушария.
- В ноябре 1939 г. американский конгресс изменил закон о нейтралитете. Был утвержден новый принцип - “cash and carry” - «плати и вези». Это означало, что воюющие страны могли покупать в Соединенных Штатах оружие за наличный расчет и вывозить его на своих судах под своим флагом.
- В связи с тем, что запасы валюты в Великобритании не могли в ближайшем будущем покрывать все размещенные в США военные заказы, встал вопрос об изменении порядка оплаты поставок. Так появился **закон о ленд–лизе** (англ. lend–давать взаймы, lease-сдавать в

аренду). Он был принят американским конгрессом в марте 1941 г. и давал президенту США право предоставлять в аренду или взаймы вооружение, военные материалы, продовольствие и оказывать различные услуги государствам, национальная оборона которых признавалась жизненно важной для безопасности США.

- Весной 1940 г. английское правительство поставило перед правительством Соединенных Штатов вопрос о необходимости охраны караванов судов, доставлявших грузы из США в Великобританию. Дело в том, что германские подводные лодки наносили большой ущерб британскому флоту - Англия теряла ежедневно торговые суда водоизмещением до 14 тыс. тонн. В связи с этим и встал вопрос о передаче Англии старых американских эсминцев. Соответствующее англо–американское соглашение было подписано в начале сентября 1940 г. США передавали Великобритании 50 эсминцев. В обмен за это Англия сдала в аренду сроком на 99 лет ряд своих владений в западном полушарии. Это означало, что Соединенные Штаты Америки получили право создавать свои военно–воздушные и военно–морские базы на Ньюфаундленде, на островах Бермудских, Багамских, Ямайке, Антигуа, Санта–Лючия, Тринидаде и в Британской Гвиане. Таким образом правительство США воспользовалось тяжелым положением Великобртании, чтобы закрепить собственные военно–политические позиции в британских владениях в западном полушарии.

- 1 января 1942 г. в Вашингтоне представители 26 государств, в том числе СССР, США, Великобритания, Франция, Китай, британские доминионы и некоторые страны Латинской Америки подписали Декларацию Объединенных Наций. В ней было объявлено, что правительства этих стран обязуются употребить все свои ресурсы, военные и экономические, против тех членов антикоминтерновского пакта, с которыми они находятся в состоянии войны. Страны–участницы

Декларации обязались сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с врагами.

- 26 мая 1942 г. в Лондоне был подписан советско - английский договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимной пмощи после войны. Соответственно договор состоял из двух частей: о помощи, сотрудничестве на период войны и о взаимоотношениях в послевоенный период.
- 11 июня 1942 г. в Вашингтоне было подписано соглашение между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Это соглашение было идентично соглашениям, которые подписывали США со всеми странами, получавшими помощь по ленд–лизу.

Отношения между странами антигитлеровской коалиции не были безоблачными. И дело не только в идеологических расхождениях между СССР, с одной стороны, и англо–американскими союзниками, с другой стороны. Отношения между США и Великобританией тоже были отмечены и противоречиями, и разногласиями. Но общность цели играла свою позитивную роль и объединенные усилия антигитлеровской коалиции принесли свои плоды, и союзники одержали победу.

Вторая мировая война была самой тяжелой и кровопролитной войной в истории человечества. Во время войны погибло более 50 млн. человек, в том числе более 20 млн. советских граждан. Десятки миллионов людей были ранены, стали инвалидами. Война опустошила целые страны, обратила в развалины тысячи городов и сел. Людские потери во второй мировой войне были в 5 раз больше, чем в первой мировой войне, а материальный ущерб - в 12 раз больше.

Естественно, что вторая мировая война привела к значительным геополитическим изменениям в мире, и особенно в Европе, где разворачивались основные боевые действия. Изменения глобальной

геополитической ситуации были закреплены юридически решениями Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г. Эти изменения составили суть Потсдамской геополитической эпохи.

Потсдамская геополитическая эпоха

Потсдамская геополитическая эпоха началась после окончания второй мировой войны, основными итогами которой было следующее.

- Основной итог второй мировой войны состоял во всемирно-исторической победе над фашизмом. Фашистские государства-Германия, Италия и Япония-были разгромлены. Их вооруженные силы, экономика, политика, идеология потерпели полный крах. Фашистские режимы были ликвидированы, фашистские партии запрещены, фашистские руководители отданы под суд и понесли заслуженное наказание. Дискредитировала себя и потеряла влияние фашистская идеология. Страны и народы, которым угрожал фашизм, отстояли свою независимость и демократические свободы.
- В результате второй мировой войны резко изменилось соотношение сил в капиталистическом мире. **Германия, Италия и Япония**, которые до войны принадлежали к числу великих держав и играли крупную роль в мировой политике, потерпев поражение, на время превратились в зависимые страны, оккупированные иностранными войсками. Их экономика была разрушена войной, и они в течение ряда лет не могли соперничать со своими конкурентами. Для подготовки мирного урегулирования с побежденными победители учредили специальный орган-Совет министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и Китая. До мирного урегулирования с Германией над ней был установлен 4-сторонний контроль оккупирующих держав – СССР, США, Великобритании и Франции. Что касается **репараций,** победители имели право на компенсацию за счет акций, оборудования и проч. в их зонах оккупации. Советскому Союзу передавался город Кенигсберг с прилегающим к нему районом (часть территории Восточной Пруссии). Кроме этого территориальные потери Германии были следующие: территория от Балтийского моря по р. Одер до впадения Западной Нейсе, затем до

чехословацкой границы передавалась Польше. Польша также получила город Данциг (Гданьск) и ту часть Восточной Пруссии, которая не переходила к Советскому Союзу. Было решено предпринять «перемещение» в Германию немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии. При этом подчеркивалось, что «любое перемещение, которое будет иметь место, должно производиться организованным и гуманным способом». Положение **Великобритании и Франции** характеризовалось ослаблением позиций на международной арене. В экономическом и военном отношении они находились в зависимости от американской помощи. Следовательно, США оказались в конце войны в положении старшего партнера для этих стран.

- Из всех капиталистических стран только **Соединенные Штаты Америки** вышли из войны значительно усилившимися. Они далеко обогнали все другие индустриальные страны в экономическом и военном отношении: на их территории не велись военные действия, «новый курс» Ф. Д. Рузвельта и бурное развитие промышленности и сельского хозяйства в условиях повышенного спроса на вооружение, продукты питания и другие товары для воюющих стран привели к экономическому росту и социальной стабильности. Выпуск промышленной продукции США в годы войны вырос в 2,5 раза. Достигнутая экономическая и военная мощь давала возможность Соединенным Штатам, находясь на другом континенте, играть доминирующую роль в послевоенной Европе и во всем мире. Претензии на мировое лидерство были подкреплены небывалой в истории демонстрацией силы – взрывами атомных бомб в августе 1945 г. над японскими городами Хиросима и Нагасаки, где погибло более 215 тыс. человек. Фактически, в ходе и по окончании войны европейцы были вынуждены признать де-факто притязания США на роль великой державы. США превратились в «сверхдержаву», в единоличного лидера буржуазного мира.

- В ходе и в результате второй мировой войны начался распад колониальной системы. Сирия, Ливан, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Индонезия, Бирма, Филиппины, Корея объявили себя независимыми. В последующий

период в 1950-1960-е гг. этот процесс распада колониальной системы продолжался. **(карта).**

- Благодаря самоотверженной борьбе с фашизмом резко вырос авторитет коммунистических партий на Западе. За годы второй мировой войны их численность увеличилась почти в 3 раза. Число избирателей, голосовавших в 1945-1947 гг. на политических выборах в западно-европейских странах за коммунистов, достигало миллионов человек. В это время коммунисты входили в коалиционные правительства более десятка государств Европы, Азии и Латинской Америки.

- Изменилось положение СССР на международной арене. Итоги войны для Советского Союза были двойственны. Во-первых, чрезвычайно возрос международный авторитет СССР как державы-победительницы, ведь Советский Союз сыграл решающую роль в победе над фашизмом. К концу войны СССР обладал самой большой армией в Европе – 11,365 млн. человек. В Ялте и Потсдаме были закреплены права СССР на территории Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины. В феврале 1946 г., не дожидаясь заключения мирного договора с Японией, Советский Союз включил в свои границы Южный Сахалин и Курильские острова. Таким образом, границы Советского Союза были значительно расширены. Они почти достигли пределов Российской империи до начала первой мировой войны. После второй мировой войны Советский Союз имел дипломатические отношения с 52 странами, в то время как до войны – с 20. СССР вошел в качестве одного из пяти постоянных членов с правом вето в Совет Безопасности созданной после войны Организации Объединенных Наций. Фактически, Советский Союз приобрел статус «сверхдержавы», что было закреплено в первые послевоенные годы следующими действиями: по мере продвижения Красной Армии в 1944-1945 гг. по территории Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Югославии этим странам была оказана помощь в освобождении от фашизма. В этих странах к власти пришли коалиционные демократические правительства. Но впоследствии в обстановке

начавшейся «холодной войны» коммунистами этих стран при поддержке СССР были использваны разные рычаги воздействия для отстранения от власти политической противников-от идейно-пропагандистских до репрессивных. Постепенно политическая система и экономика восточноевропейских стран была приведена к советскому образцу-государственная экономика, жесткая централизация управления, сращивание коммунистических партий с государственными структурами, формирование номенклатуры. Складывалась мировая социалистическая система, как называли ее создатели. В число стран социалистического содружества, кроме СССР, вошли Польская Народная Республика (ПНР), Венгерская Народная Республика (ВНР), Чехословацкая Социалистическая Республика (ЧССР), Народная Республика Болгарии (НРБ), Социалистическая Республика Румынии (СРР), Германская Демократическая Республика (ГДР). Из-за конфликта с лидером югославских коммунистов И. Б. Тито, который стремился к относительной самостоятельности от Москвы, произошел разрыв отношений между СССР и Югославией (Социалистической Федеративной Республикой Югославии-СФРЮ). Оформление советского блока завершилось осенью 1949 г. в связи с двумя обстоятельствами: разделом Германии и образованием двух германских государств – ФРГ и ГДР и в связи с созданием экономической организации социалистических стран - Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

- После исчезновения общего врага в лице фашизма в **антигитлеровской коалиции все острее стали проявляться противоречия между ее участниками**, каждый из которых все больше стремился к удовлетворению собственных геополитических интересов. Инерция союзнических отношений продолжала сохраняться примерно до 1947 г., но, фактически, уже с весны 1945 г. обнаружилось противостояние СССР и остальных участников антигитлеровской коалиции, прежде всего, в борьбе за раздел Европы. Разногласия настолько обострились, что не исключалась возможность вооруженного конфликта между недавними союзниками. Руководство США и Великобритании оправдывало свои шаги тем, что СССР

игнорировал ряд ялтинских и потсдамских решений, особенно в вопросе организации и проведения свободных выборов в восточноевропейских странах. Выступая 5 марта 1946 г. в Фултоне (США) бывший британский премьер-министр У. Черчилль в присутствии президента США Г. Трумэна обвинил Советский Союз в том, что тот отгородил Восточную Европу «железным занавесом». Он призвал организовать давление на СССР. Это был призыв к открытой и жесткой конфронтации с Советским Союзом. В роамках этого курса в марте 1947 г. США провозгласили «доктрину Трумэна», в 1948 г. приняли «план Маршалла», а в апреле 1949 г. создали Североатлантический блок (НАТО). Важным событием явилось испытание ядерной бомбы в Советском Союзе в сентябре 1949 г., что означало ликвидацию ядерной монополии США. Мир раскололся на две системы, возглавлявшимися США и СССР и приобрел биполярную структуру.

- Раскол мира на две системы породил уникальное историческое явление – «холодную войну». Ее основное политическое содержание – это противоборство двух гигантских социально-политических систем, разделенных по идеологическому принципу. Это противоборство осуществлялось на фоне научно-технической революции с использованием главным образом невоенных средств, практически, во всех уголках земного шара. **«Холодная война»** характеризовалась следующими чертами:

- борьба шла за право формирования зон геополитического влияния;

- «холодная война» носила глобальный характер и в ее орбиту было вовлечено большинство государств Европы, Азии, Америки и Африки;

- геополитические противоречия носили ярко выраженный идеологический характер;

- разрешение этих противоречий на глобальном уровне осуществлялось исключительно с использованием жестких невоенных и нетрадиционных, прежде всего информационных, средств противоборства;

- осознание опасности мировой ядерной войны не позволило применить в глобальном масштабе военные средства и позволило избежать прямого

вооруженного конфликта между СССР и США. Однако, локальные конфликты, в которые были вовлечены косвенно и сверхдержавы, были ожесточенными и кровавыми. Наиболее длительные и масштабные войны были во Вьетнаме и Афганистане.

- окончание «холодной войны» связано с распадом СССР и мировой социалистической системы (распалась ее военно-политическая организация – Организация Варшавского договора - и экономическая – Совет Экономической Взаимопомощи). Мир утратил биполярную структуру, и позиции единоличного лидера перешли к США.

Распад СССР означал конец Потсдамской геополитической эпохи и начало нового этапа мирового развития. Наиболее существенными моментами этого этапа явились негативные последствия распада СССР для его правопреемника – Российской Федерации, значительная фрагментация центральноевропейского пространства и появление там новых государств и одновременно с этим образование единой Германии, перераспределение всех советских (и традиционно российских) зон геополитического влияния в пользу США и НАТО.

3. 2. Геополитическое положение России

3. 2. 1. Геополитическое пространство российского государства в IX – в начале XX вв.

Складывание русского государства происходило на протяжении многих веков. Древнерусское государство Киевская Русь было крупным европейским государством, простиравшимся с севера на юг от Балтийского и Белого до Черного моря, а с запада на восток - от Закарпатья до верховьев Оки и Волги.

В период феодальной раздробленности русские земли стали объектом экспансии со стороны соседей. В XIII–XIV вв. западные и юго–западные княжества Руси, включая Киевские и Смоленские земли, были

захвачены Литовским княжеством. В XIV–XV вв. Великое Княжество Литовское на 9 / 10 по своей территории и населению было русским. С северо–запада русские земли пытались захватить шведы, а также рыцари Ливонского и Тевтонского орденов. С востока из степной зоны руские княжества подверглись набегам и разорению со стороны татаро–монгол. Образовавшееся по рекам Дону, Волге и далее на восток государство татаро–монгол - Золотая Орда - на протяжении более двух веков (40 – е гг. ХШ в. - 80–е гг. XV в.) поработило северо–восточную Русь - Владимиро–Суздальское княжество и некоторые др. Относительную самостоятельность сохранила Новгородская земля, в состав которой входили обширные земли от Финского залива на западе до устья Оби на востоке, и от р. Вятка и р. Камы на юге до Белого моря на севере.

Несмотря на вассальную зависимость северо–восточной Руси от Золотой Орды и пагубные последствия татаро–монгольского ига, именно отсюда начался процесс складывания единого централизованного государства. Это возрождение единого русского государства связано с возвышением одного из многих княжеств Владимиро - Суздальской земли - княжества Московского. Начало Московского княжеского дома было связано с появлением в Москве постоянного князя в 1276 г. Им был младший сын Александра Невского князь Даниил. Московские князья получили титул Великих князей с 1327 г. от золотоордынских ханов благодаря татарофильской политике московского князя Ивана Калиты. Усиление московских князей и собирание ими русских земель - был длительный процесс, который занял более двух веков. Окончательное освобождение русского государства с политическим центром в Москве произошло в 1480 г. во время правления Ивана III. В последующие века происходило дальнейшее территориальное расширение русского государства. Значительные территориальные приобретения были сделаны во время правления Ивана III (1462–1505 гг.) и его внука Ивана IV Грозного (1533–1584 гг.).

После распада Золоой Орды на ее территории возникли следующие государственные образования - ханства Астраханское, Казанское, Сибирское. Включение этих территорий в состав Московского государства произошло в середине и во второй половине XVI в. Территориальное расширение, также как и борьба за свою независимость сопровождались почти непрерывными войнами на западе, востоке и юге. С конца XVI в. началось освоение Сибири после похода казаков под командованием Ермака в 1581 г. Сопротивление коренных народов не было серьезным, и колонизация Сибири проходила достаточно мирно.

Продвигаясь на восток и осваивая сибирские территории, русские первопроходцы к 1618 г. достигли Енисея, через десять лет - р. Лены, в 1639 г. - берегов Охотского моря, а еще через десять лет достигли моря, названного Беринговым. Первые экспедиции в Сибирь русских землепроходцев были связаны с именами Василия Пояркова (1643–1649 гг.), Федота Попова и Семена Дежнева (1648–1649 гг.), Ерофея Хабарова (1649–1653 гг.) и др. Выйдя на р. Амур, Россия столкнулась с Китаем. В 1689 г. был заключен российско - китайский **Нерчинский мир,** но он не привел к четкому разграничению территорий в этом регионе. Между тем дипломатические и торговые отношения с Китаем налаживались.

Но XVII век для российского государства был не только временем мирного освоения восточных территорий Сибири и Дальнего Востока. XVII век - это период Смуты (1598–1613 гг.), время ослабления страны, прежде всего в центральных уездах, значительные территориальные потери. России пришлось вести тяжелые войны с Польшей и Швецией за возвращение русских земель. В 1615–1617 гг. Россия вела войну со Швецией, которая закончилась подписанием **Столбовского мира.** Война и условия мира оказались для России неудачными: хотя шведы возвратили русским Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу, но сохранили за собой Ижорскую землю с городами Ивангородом, Копорьем, Ям, Орешек и др. **Таким образом, после Столбовского мира Россия оставалась**

отрезанной от Балтийского побережья (побережье Финского залива и, следовательно, выход к Балтийскому морю Россия потеряла при Иване IV Грозном в ходе Ливонской войны (1558–1583 гг.)

В 1617–1618 гг. польский королевич Владислав предпринял поход на Москву, и его претензии на русский престол завершились подписанием перемирия в деревне Деулино недалеко от Троице-Сергиева монастыря. **Деулинское перемирие** было подписано сроком на 14, 5 лет и было тяжелым для России: к Польше отошли 29 русских городов, включая Смоленск. Война за возвращение Смоленска и других западных русских земель началась с июня 1632 г. и продолжалась до июня 1634 г. Но и эта война не была удачной для России. По условиям **Поляновского мира** Смоленск остался в Польше, также как и земли Смоленские, Черниговские, Новгород–Северские.

Важные и значительные территориальные изменения на западе россии произошли в середине XVII в. Борьба на Украине против ополячивания, национального угнетения и притеснений православной церкви вылилась в стремление казаков и населения Украины перейти под власть единоверного московского царя. Такое решение было принято в январе **1654 г. в Переяславле** на Всеукраинской Раде. Произошло **соединение Украины с Россией.** Предусматривалось сохранение на Украине гетманской власти, казацких вольностей, а также совместная борьба с внешними врагами. Эти события привели к новой русско–польской войне. Она длилась с 1654 по 1667 гг. и закончилась подписанием **Андрусовского перемирия.** Согласно его статьям Россия наконец–то получила Смоленск с землями, Левобережную Украину и Киев. Фактически произошел раздел Украины между польским и русским монархами. Сложившееся положение дел было закреплено в **Вечном мире между Россией и Речью Посполитой в 1686 г.** Таким образом, на западных границах России была достигнута стабильность при значительном территориальном приращении.

Сложная ситуация складывалась на южных рубежах российского государства. Здесь непосредственными соседями России было Крымское ханство, само находившееся в вассальной зависимости от Османской империи. Стремление турок поставить под свой контроль Левобережную Украину привело к русско–турецкой войне 1677–1681 гг. Война закончилась подписанием в январе 1681 г. в г. Бахчисарае перемирия на 20 лет. Турция и Крымское ханство признали переход к России Левобережной Украины и Киева. Но Азовское море и его побережье, города Азов, Таганрог и др. входили в состав Крымского ханства. В стремлении продвинуться на юг, к Черному морю, были предприняты Азовские походы в 1687 и 1689 гг. под командованием князя В. В. Голицына и в 1695 – 1696 гг. под руководством Петра I. Азовский поход 1695–1696 гг. был более успешным и его итоги были закреплены мирным договором с Турцией, подписанным в июле 1700 г. в Константинополе сроком на 30 лет. За Россией закреплялись крепости Азов и Таганрог, а также земли Запорожской Сечи. **На протяжении XVI–XVII вв. в результате войн и мирной колонизации в составе российского государства оказалась гигантская территория величиной в треть евразийского материка.** В конце XVII - начале XVIII вв. русские землепроходцы продвигались в восточной направлении и, пройдя Берингов пролив, присоединили к России значительную часть северо–западной оконечности Северной Америки - **Аляску,** а несколько ранее **Камчатский полуостров.**

Оставив южное и восточное направление внешней политики, Россия сосредоточилась на борьбе за выход в Балтийское море и в феврале 1700 г., еще до заключения русско–турецкого мира, начала **Северную войну со Швецией.** Длительная и тяжелая Северная война закончилась подписанием в августе 1721 г. **Ништадтского мирного договора.** Он закрепил за Россией южное побережье Балтийского моря и Финского залива от Выборга до Риги. Это были территории Лифляндии и Эстляндии. Таким

образом, **в первой четверти XVIII в. территория Российского государства увеличилась в северо–западном направлении, а победа в Северной войне принесла России статус великой европейской державы. Россия была объявлена империей.**

Но еще до этого победоносного завершения войны, после победы русской армии под Полтавой в июне 1709 г. против России выступила Турция, опасавшаяся возрастания российской мощи. В 1710–1711 гг. русско–турецкий конфликт, вылившийся в Прутский поход Петра I в Молдавию, оказался неудачным для России. Турция вернула себе Азов, а военные укрепления Таганрога и других приазовских крепостей должны были быть срыты, русский флот на Азовском море должен был быть уничтожен. **Русско–турецкое противоборство продолжалось на протяжении всего XVIII века:** в 1736 - 1739 гг. - военные действия в Крыму и в низовьях р. Дон. Россия вернула себе Азов без укреплений, но держать флот на Азовском море не могла, не получила она также и выхода в Черное море. Борьба за присоединение Крыма, причерноморских территорий и выход в Черное море возобновилась в XVIII в. при Екатерине II и привела к двум русско–турецким войнам в 1768–1774 гг. и в 1787–1791 гг. В ходе первой русско–турецкой войны 1768–1774 гг. Россия провела успешные действия русских армий в Днестровско–Бугском районе (р. Прут в Молдавии). Русский флот, обогнув Европу, вошел в Средиземное море, и в сражении в Чесменской бухте у турецкого побережья в Эгейском море полностью уничтожил турецкий флот. Кроме этого, победы А. В. Суворова на Дунае обеспечили для России подписания выгодного для России **Кучук–Кайнарджийского мирного договора с Турцией в 1774 г.** Россия получила право торгового мореплавания по Черному морю и через проливы Босфор и Дарданеллы, Крымское ханство объявлялось независимым от Турции.

В апреле 1783 г., воспользовавшись внутренними смутами в Крымском ханстве, Екатерина II подписала манифест о присоединении

Крыма к Российской империи. Русско–турецкая война 1787–1791 гг. велась из–за статуса дунайских княжеств Молдавии и Валахии, так как в них проживало христианское население, в пользу которого Россия имела право по договору 1774 г. делать представления. Турция также не хотела признавать переход Крыма к России. Благодаря победам А. В. Суворова был подписан **мирный договор в Яссах в декабре 1791 г.** По условиям договора русско–турецкая граница проходила по р. Днестр, Бессарабия и Валахия возвращались Турции, но подтверждался Кучук–Кайнарджийский трактат и выход России в Черное море.

В традиционном для России **западном направлении** она значительно расширила свою территорию за счет участия в **трех разделах Польши.** По первому разделу в 1772 г. Россия получила польскую часть Ливонии и часть Восточной Белоруссии; по второму разделу в 1793 г. - всю Восточную Белоруссию и Правобережную Украину; по третьему разделу Польши в 1795 г. Россия получила Западную Белоруссию, Западную волынь, Курляндию и Литву. Другие польские территории отошли к Австро–Венгрии и Пруссии. Таким образом, **в конце XVIII в. польское государство прекратило свое существование.** Последние приобретения Россией территорий на западном направлении были сделаны в XIX в.: **за участие России в борьбе с наполеоновской Францией она получила в 1809 г. Финляндию, в 1812 г. Бессарабию и в 1815 г. центральную часть Польши с Варшавой -Герцогство Варшавское, вошедшее в Российскую империю как Царство Польское.**

В XVIII в. появляются и новые направления территориального расширения Российской империи - **Кавказ и Средняя Азия.** Летом 1722 г. с целью противодействия Ирану (Персия) на Северном Кавказе русская армия, возглавляемая Петром I, провела **Персидский поход** и заняла западное и южное побережье Каспия. Дагестан признал русский протекторат, а Восточно–Грузинское царство было освобождено от притеснений персов. **В сентябре 1723 г. в Санкт–Петербурге был**

заключен мирный договор с Персией, по которому России передавались во владение некоторые города западного и южного побережья Каспийского моря (Дербент, Решт и Астрабад). Планы и намерения России оказать поддержку христианским народам Закавказья (грузинам и армянам) тогда не были реализованы из–за противодействия Турции.

Активность России на этом направлении возобновилась при Екатерине II. **В июле 1783 г. в Георгиевске** был подписан **договор о переходе под российское покровительство (протекторат) Восточной Грузии (Картлии и Кахетии). В 1787 г. вассалом России признал себя владетель Северного Дагестана.** В 90–е гг. XVIII в. Иран начал активную экспансию в Грузии. После обращения с просьбами от грузинского царя Георгия XII о покровительстве России, **в сентябре 1801 г.** был издан **манифест Александра I о присоединении Восточной Грузии к России.** Правившая грузинская династия лишилась престола, а управление этими территориями перешло к наместнику русского императора. На этих же условиях в состав России **в 1803–1804 гг. вошла Западная Грузия (Мингрелия, Гурия, Имеретия).** Такие шаги имели, конечно, двойственный характер. Для Грузии они означали потерю своей государственности, но вместе с тем, сняли угрозу физического истребления грузинского народа в результате персидской агрессии. Для России эта двойственность выразилась в следующем: присоединив Грузию, Россия приобрела важные в стратегическом отношении территории для упрочения своих позиций на Кавказе и в Закавказье. Большое стратегическое и экономическое значение приобрела **Военно–Грузинская дорога,** построенная **к 1814 г.** и связавшая **Владикавказ (Осетия, Северный Кавказ) с Тифлисом.** Но это имело и негативные для России последствия, а именно: привело к росту напряженности в отношениях с Персией и, в конце концов, к войне между ними, которая началась в 1804 г. В ходе этой войны **Россия еще больше упрочила свои геополитические позиции в Закавказье.** Значительная часть территорий

ханств **Северного Азербайджана** была занята русскими войсками. Итогом этой войны стало признание Персией присоединения к России этих ханств, что было зафиксировано **октябре 1813 г. Гюлистанским мирным договором.** Но на этом **русско–персидское соперничество** в Закавказье не закончилось, а **привело к новой войне в 1826–1828 гг.** Военные действия вначале велись на территории Грузии, но с апреля 1827 г. перешли на территорию Персии. Их результатом явилось освобождение русскими войсками Восточной Армении. Эту войну выиграла Россия, и **в феврале 1828 г.** был заключен **Туркманчайский мирный договор.** В соответствии с его условиями к России **была присоединена Восточная Армения, армяне получили право свободного переселения в Россию, все русские суда получили свободу плавания по Каспийскому морю, а Персии было запрещено иметь здесь свой военно–морской флот.**

В январе 1829 г. с целью сорвать выполнение этого договора и развязать новый конфликт было спровоцировано нападение, при подстрекательстве английских дипломатов, толпы персов на российскую миссию в Тегеране. Из 39 человек миссии спасся лишь ее секретарь. Среди погибших был и глава миссии - А. С. Грибоедов. Николай I, не желая новой войны, удовлетворился личными извинениями шаха и принял от последнего подарок - крупный бриллиант.

Расширение присутствия России в Закавказье поставило вопрос и о присоединении **Северного Кавказа.** Практическое решение этого вопроса Россия начала после окончания наполеоновских войн. В отличие от Закавказья народы Северного Кавказа, особенно Чечни, Дагестана и Адыгеи, оказали упорное сопротивление русским войскам и **с 1817 г. началась Кавказская война, длившаяся более полувека.**

Начало завоевания Северного Кавказа связано с именем генерала А. П. Ермолова. В 1817–1819 гг. им были построены **опорные крепости Грозная, Внезапная** и ряд других. Затем началось наступление на горные районы Северного Кавказа. На рубеже 20–30–х гг. XIX в. в Чечне и

горном Дагестане возникло военно–теократическое государство - **имамат.** Первым Имамом стал мулла Гази–Магомед–Магома. Он призвал горцев к **газавату - «священной войне против неверных».** После его гибели в 1832 г. его преемником стал Гамзат–Бек, ставший жертвой кровной мести. Третьим Имамом был провозглашен **Шамиль,** происходивший из простой крестьянской семьи. Он проявил себя как талантливый военачальник, волевой и жестокий правитель. Шамилю удалось объединить горцев и создать дисциплинированную армию, которая осуществила ряд успешных операций против русских войск. Однако деспотическая, неограниченная власть Шамиля вызвала недовольство горцев, и в конце 1840–х - начале 1850–х гг. они стали постепенно отходить от него. Силы его уменьшались, а горцы и их вожди стали переходить на сторону царского правительства. В конце 1850–х гг. Шамиль под натиском русских войск отступил в Южный Дагестан, где в апреле 1859 г. была взята штурмом **его столица - аул Ведено.** После упорного сопротивления Шамиль и 400 его сторонников сдались в плен. Шамиль был привезен в Санкт–Петербург, представлен императору Александру II, который определил ему годовое жалование в 20 тыс. рублей и поселил с семьей в Калуге. В 1870 г. Шамилю было разрешено отправиться паломником в Мекку. В 1871 г., совершая хадж, Шамиль умер в Медине.

Покорение Чечни и Дагестана, пленение Шамиля не означало конца Кавказской войны. Военные действия продолжались. Последние очаги сопротивления были ликвидированы только в 1864 г. **За время Кавказской войны 1817–1864 гг. русские войска потеряли 77 тыс. человек.**

В XIX в. продолжалось противостояние и борьба между Россией и Турцией. Османская империя все более обнаруживала свою слабость, в то время как Россия, движимая своими геополитическими интересами, стремилась укрепиться на Балканах, прежде всего в единоверных странах, входивших в состав Османской империи. В 1806 г. началась война между

Россией и Турцией из–за закрытия Турцией черноморских проливов для российских судов и в связи с нарушением Турцией автономий Молдавии и Валахии. Война была для России победной и завершилась **в мае 1812 г.** подписанием **мирного договора в Бухаресте.** В соответствии с его условиями **Россия получила Бессарабию, кроме ее южной части; была предоставлена автономия Сербии, расширена автономия Молдавии и Валахии.**

В 20–50–е гг. X1X в. возникали три кризисные ситуации в восточном вопросе. Понятие **«восточный вопрос»** появилось в конце XVIII в., но вошло в дипломатическую практику в 30–х гг. XIX в. Возникновение и обострение «восточного вопроса» было обусловлено упадком некогда могущественной Османской империи, ростом национально – освободительного движения народов, угнетавшихся турками–османами и обострением противоречий между европейскими державами на Ближнем Востоке и борьбой между ними за раздел мира. Первая кризисная ситуация возникла в 1821 г. в связи с восстанием в Греции. Вторая - в начале 30–х гг. XIX в. в связи с восстанием вассального Египта и угрозой распада Османской империи. Третья кризисная ситуация в «восточном вопросе» возникла в начале 50–х гг. XIX в. в связи с конфликтом между православным и католическим духовенством в Палестине, входившей тогда в состав Османской империи (Крымская война).

Вторая русско–турецкая война в XIX в. началась в апреле 1828 г. из–за систематических нарушений Турцией статей прежних мирных договоров. Турцию тайно поддерживали Великобритания и Франция. Для России это была тяжелая война, но, несмотря на трудности, победа досталась России. **В октябре 1829 г. в Адрианополе был заключен мирный договор.** По его условиям **Россия получила важные в стратегическом отношении территории - южную часть Бессарабии с устьем и дельтой Дуная, Черноморское побережье Кавказа с**

крепостями Анапа, Поти; Ахалцихскую область. Но еще большее значение Адрианопольский мир имел для балканских народов: **Греция получила широкую автономию, а в 1830 г. - независимость, была расширена автономия Сербии, Молдавии и Валахии.**

Следующая война, которую вела Россия с Турцией - **Крымская война (1853 – 1856 гг.).** Турцию поддержали Великобритания и Франция. В таких условиях дипломатической изоляции и внутренней социально – экономической отсталости Россия проиграла эту войну. **Парижский мирный договор (март 1856 г.) лишал Россию южной части Бессарабии с устьем Дуная, на Кавказе Россия потеряла Карс и Карскую область.** То есть **территориальные потери были невелики, но международный престиж России был поколеблен: Россия лишалась права защищать интересы православного населения Турецкой империи; ей и Турции запрещалось иметь на Черном море военно–морской флот и военные крепости, а черноморские проливы объявлялись закрытыми для военных судов всех стран.**

Впоследствии Россия воспользовалась поражением Франции во франко–прусской войне 1870–1871 гг. и при поддержке Пруссии, объединявшей Германию в единое государство, добилась подписания **в марте 1871 г. Лондонской конвенции,** которая отменяла ограничительные для России статьи Парижского мирного договора: **Россия получила право возводить военные укрепления и держать военный флот на Черном море; восстанавливалось влияние России на Балканах.**

Четвертая и последняя в XIX веке война между Россией и Турцией началась в апреле 1877 г. и была связана с национально–освободительным движением народов Балканского полуострова против османского ига. Русские армии воевали в Болгарии (Румыния пропустила их через свою территорию) и на Кавказе с большими потерями, но все же успешно. Война закончилась подписанием **в марте 1878 г. в** местечке **Сан–Стефано** недалеко от Константинополя **мирного договора между**

Россией и Турцией. Россия получила отторгнутую у нее в 1856 г. Южную Бессарабию, в Закавказье - турецкие города Ардаган, Карс, Батум, Баязет и прилегающие к ним территории. Полную независимость от Турции получили Сербия, Черногория. Мирный договор освободил Болгарию, которая в течение 500 лет находилась под османским игом, а теперь становилась самостоятельным княжеством, хотя номинально и вассальным от турецкого султана. В Болгарии устанавливалась конституция, и в течение 9 месяцев оставался 50–тыс. русский корпус, хотя первоначально срок его пребывания в Болгарии был определен в два года.

Такие итоги русско–турецкой войны, безусловно, усилили позиции России на Балканах, что вызвало недовольство европейских держав и под их нажимом **в июне–июле 1878 г.** прошел общеевропейский **конгресс в Берлине,** который **изменил** ряд условий Сан–Стефанского мирного договора **в сторону ущемления прав балканских православных народов и России.**

Анализируя процесс складывания Российской империи, следует назвать еще одно направление - **Казахстан и Средняя Азия,** которые в то время назывались одним понятием - **Туркестанский край.**

Продвижение России за р. Урал в восточном и юго–восточном направлении началось в XVIII в. Еще при Петре I были сделаны попытки установить контакты с государствами Средней Азии - **Хивой и Бухарой.** Попытки эти оказались неудачными. При преемниках Петра I были установлены экономические связи русских купцов с названными выше среднеазиатскими государствами. **В 1731 -1740 гг. к России добровольно присоединились казахские Младший и Средний жузы.**

Продвижение в Среднюю Азию началось в 1839 г. с похода оренбургского генерал–губернатора на Хиву. Поход оказался неудачным, и движение возобновилось в 60–70–е гг. XIX в. после присоединения к России в середине 1850–х гг. южного Казахстана и создания там

укрепленных линий крепостей. В это время на территории Средней Азии существовали **Кокандское и Хивинское ханства и Бухарский эмират.** Их правители постоянно враждовали друг с другом. От их набегов страдало местное население. Кроме этого, эти среднеазиатские территории были объектом соперничества между Россией и Великобританией. Присоединение Средней Азии к России явилось результатом военных действий и началось целенаправленно и методично при Александре II. В мае 1864–июне 1865 гг. после овладения крупными городами - Чимкентом и Ташкентом - было завоевано Кокандское ханство, простиравшееся от Аральского моря до озера Иссык–Куль. В 1867 г. начались военные действия против Бухарского эмирата. Местные правители объявили против России «священную войну». На уже контролируемой Россией территории начались восстания против русских гарнизонов. Но после взятия Самарканда и Бухары в 1868 г. территория Кокандского и Бухарского эмиратов была присоединена к России, было создано Туркестанское генерал–губернаторство в составе Сыр–Дарьинской и Семиреченской областей.

В 1873 г. русские войска почти без сопротивления заняли Хивинское ханство, после чего в 1879 г. началось наступление на Туркмению. Борьба за присоединение Туркмении была упорной, и, несмотря на падение Ашхабада в 1880 г., туркменские ханы и старейшины местных кланов приняли присягу на подданство России только в 1884 г. Окончательно сопротивление было подавлено к 1886 г. На новых землях была образована Закаспийская область, несколько ранее Ферганская, которые были также включены в Туркестанское генерал–губернаторство. **Управление этими территориями носило военный характер и первоначально власть была сосредоточена в руках генералов–участников военных походов в Среднюю Азию.** При этом следует подчеркнуть сохранение номинальной автономии за Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Здесь были сохранены многие права и

привилегии местной знати. Именно знать стала опорой царской администрации в этом крае. В неизменном виде остались привилегии мусульманского духовенства, а также мусульманский суд, который действовал по законам шариата.

Как отмечалось выше, продвижение России в Средней Азии вызвало противодействие Великобритании. Вооруженное столкновение между ними удалось предотвратить **в 1885 г.** после подписания договора, по которому **Великобритания признала присоединение к России среднеазиатских территорий, а Россия признала за Великобританией сферу ее интересов в** Афганистане **и Тибете. В 1895 г. был подписан новый англо–русский договор, который установил южную границу России в Средней Азии. К России отходили земли Памира по правому берегу р. Пяндж.** Часть таджикских территорий по левому берегу р. Пяндж, по условиям договора, была присоединена к Афганистану. **Конечным пунктом российских владений в Средней Азии был г. Кушка.**

Вторая половина XIX в. была отмечена также активностью России на **Дальнем Востоке,** ее стремлением укрепиться в Приамурье и Приморье. Воспользовавшись затруднительным положением Китая (в связи с войной Великобритании и Франции против Китая, создававшей угрозу его колониального порабощения), **в 1858 г. Россия подписала с Китаем Айгуньский договор,** по которому **Россия получала Приамурье, а Приморье объявлялось во временном общем владении России и Китая. Это временное состояние было прекращено через два года, когда в 1860 г. был подписан Пекинский трактат.** По его условиям **Китай отказывался от своих притязаний на Приморье в пользу России.** В том же 1860 г. был основан г. Владивосток как морская база и важный опорный пункт русских владений в Приморье.

Но активность на Дальнем Востоке проявляла не только Россия. Использовать ресурсы этого региона, главным образом Китая, кроме

европейских великих держав, стремилась Япония, а в начале XX в. и Соединенные Штаты Америки. Но во второй половине XIX в. Россия столкнулась на Дальнем востоке с Японией. Для разграничения их владений **в 1855 г.** в японском городе **Симода** был подписан **договор «О мире и дружбе».** По этому договору **остров Сахалин объявлялся совместным владением обеих стран, Курильские острова, за исключением их южной части, переходили к России. В 1875 г.** между Россией и Японией был подписан **новый договор,** который привел к некоторым **изменениям: весь Сахалин становился русским владением, а все Курильские острова переходили к Японии.**

Новый виток борьбы в этом регионе начался на рубеже XIX–XX вв. Соперничество приобрело многосторонний характер, но наибольшую активность проявляла Япония. Под предлогом помощи Корее в борьбе за освобождение от китайского владычества Япония в 1894 г. начала войну с Китаем. Китайские войска были быстро разбиты и в 1895 г. Япония навязала Китаю грабительский мир. В ответ **в 1896 г. между Россией и Китаем** был заключен **договор об оборонительном военном союзе, который имел антияпонскую направленность.** Была достигнута договоренность о постройке Россией железной дороги, которая бы кратчайшим путем соединила Транссибирскую магистраль (от Забайкалья, г. Чита) с Владивостоком. Эта железная дорога проходила по территории Маньчжурии и стала называться **КВЖД - Китайско–Восточная Железная дорога.** В 1898 г. Россия арендовала у Китая на 25 лет Ляодунский полуостров, получила право строить здесь военные укрепления и держать сухопутные и военно–морские силы. В незамерзающей гавани Порт-Артур на юге Ляодунского полуострова была возведена военно–морская крепость.

К 1903 г. Япония закончила свою военную программу и потребовала от русского правительства подписать соглашение, которое бы давало Японии право «покровительствовать» Корее, а затем заявила о своих исключительных правах в Маньчжурии. России было сделано

предупреждение, что затягивание с ответом будет расценено в Японии как повод для начала военных действий. В Японии сумели «организовать» задержку с ответной телеграммой и в январе 1904 г. японские миноносцы напали на русские корабли, стоявшие на внешнем рейде Порт – Артура. Началась русско–японская война. Война была проиграна Россией, **мирный договор** был подписан **в сентябре 1905 г.** в американском городе **Портсмут:** остров Сахалин был поделен по 50–й параллели, в Маньчжурии был провозглашен принцип «открытых дверей», Корея была признана сферой интересов Японии, японские подданные получили право ловить рыбу в русских территориальных водах. **Поражение России подорвало ее позиции на дальнем Востоке.**

Еще один штрих в геополитическое положение России вносили ее владения в Америке. После поражения в Крымской войне России было все труднее содержать Аляску и Алеутские острова ввиду их отдаленности и слабой защищенности. Расходы на их содержание перекрывали доходы от них. Российское правительство предложило правительству Соединенных Штатов Америки купить Аляску. Сделка состоялась в 1867 г.: огромные территории площадью 1,5 млн. кв. км были проданы Россией за 7,2 млн. долл. (11,2 млн. рублей).

Таким образом, к началу XX в. завершилось формирование Российской империи. В официальной исторической науке советского периода настойчиво пропагандировалась мысль об объединительной, благородной миссии России. По мнению доктора экономических наук Ю. Шишкова, выдавать за великое благо для колониальных окраин присоединение их к России - идея «столь же фальшивая, сколь и неоригинальная. То же самое утверждали идеологи колониализма Великобритании, Франции, Германии и других стран». Ю. Шишков считает, что «движущими силами формирования Российской империи были, прежде всего, геополитические и экономические интересы

имперского центра» и Россия была такой же колониальной империей, какими были Британская, Французская и др.

3. 2. 2. Российская империя в начале XX в. и ее распад

Население Российской империи было крайне разнообразно в языковом и этническом отношениях: географы и филологи обнаружили около 200 отличающихся друг от друга народов и языков. По переписи 1897 г. русские (великороссы) составляли 43 % населения. После Октябрьской революции 1917 г. с отделением нерусских, западных губерний процент русских немного увеличился и достиг 52 % от общей численности населения, которое составляло примерно 140 млн. человек. Следующие наиболее крупные группы, близкие к русским в расовом отношении, по языку и складу характера, были украинцы (малороссы), составлявшие 30 млн. человек и белорусы, насчитывавшие 4, 5 млн. чел.

Эти три славянские группы, исторически близкие друг другу, составляли 110 млн. человек из 140 млн. населения всей империи. У 30 млн. неславян отсутствовала какая – либо сплоченность на основе расовой или языковой близости или общности политических убеждений. Самыми многочисленными в этой группе были узбеки с численностью 5 млн. человек. Около 8-10 млн. человек неславянского происхождения находились еще на первобытнообщинной стадии развития, жили племенами и кочевали. При таком этническом разнообразии в Российской империи действовало единое административное устройство (губернии), единое законодательство и система управления в рамках унитарного государства.

Таким соединением народов управляла военно–бюрократический аппарат во главе с царем. В него допускались определенные нерусские элементы, но при условии, что они должны были говорить по- русски, усвоить русские традиции и взгляды. На местном уровне ханы, беки и муллы служили посредниками, через которых осуществлялось руководство мусульманскими народами в царских владениях. Таким образом, группы,

которые могли бы руководить национальным движением присоединенных народов, обычно поглощались бюрократическим аппаратом и пользовались более или менее привилегированным положением. Как показал опыт революции 1905–1907 гг., эти группы удерживал от активного национализма страх перед революционным насилием со стороны собственных рабочих и крестьян. Царская власть была для них надежной защитой, а российский рынок - основой их благосостояния. **То, что произошло в 1917 г. было не столько борьбой за отделение периферии, сколько распадом центра, старой России.**

Что же произошло на территории российского государства после свержения монархии?

З а п а д н ы е р а й о н ы. После Февральской революции из территорий, которые входили в царскую империю, **только Польша и Финляндия потребовали полной национальной независимости.** В обеих этих странах был развитый и многочисленный национальный господствующий класс, который возглавлял национальные движения и был способен управлять делами нации. *Какова же была реакция Временного правительства?* В обоих случаях она была одинаковой. К этому времени **Польша была полностью оккупирована германскими войсками,** и германский блок предлагал независимость марионеточному польскому государству. Естественно, что Временное правительство в России не могло обещать меньше, тем более, что оно не было обязано выполнять свои обещания немедленно. **Временное правительство выпустило воззвание, заявляя о своей готовности признать независимость Польши, но при этом воззвание оставляло за будущим Учредительным Собранием право «дать свое согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши».**

В вопросе о **Финляндии,** которая находилась за пределами зоны военных действий, Временное правительство медлило. **23 ноября 1917 г.**

финский сейм провозгласил Финляндию независимым государством. В это время в самой России была установлена Советская власть, новое правительство – Совет народных Комиссаров – признало независимость Финляндии специальным декретом 31 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.).

Прибалтийские территории были оккупированы кайзеровской армией, и после провозглашения Финляндией своей независимости, они последовали ее примеру. Буржуазные круги в Прибалтике и их партии провозгласили **независимость от российского государства в декабре 1917 г - Литва и Латвия, а в феврале 1918 г. - Эстония.** Началось их независимое государственное существование.

Что касается других западных территорий Российской империи – Белоруссии и Украины - здесь после свержения монархии политические процессы определялись следующими факторами:

a. их территории были ареной военных действий в годы первой мировой войны; после прихода к власти большевиков большая их часть была оккупирована кайзеровскими войсками;

b. в последующий период в условиях гражданской войны по территории Белоруссии и Украины проходили фронты, и судьба этих территорий определялась общественно–политической обстановкой и действием различных политических сил в этих регионах.

Белоруссия. По мнению ряда исследователей, национальное движение в Белоруссии в 1917 г. находилось в зачаточном состоянии. Белорусские крестьяне не проявляли чувства этнической обособленности по отношению к русским. Политическая жизнь в Белоруссии развивалась в русских и еврейских социалистических организациях. В марте 1917 г. после Февральской революции был создан **Белорусский национальный комитет** из представителей всех этнических групп и социальных классов. **Комитет потребовал автономии для Белоруссии и установления федеративных отношений с Россией.** Постепенно доминирующей силой в Комитете стала Белорусская социалистическая партия - **Громада.** В июле

1917 г. создается **Белорусская Рада. Громада не признала октябрьский переворот в 1917 г. и приход к власти большевиков. В декабре 1917 г. Белорусский национальный съезд провозгласил независимость Белоруссии.** После подписания Брестского мира между Россией и Четверным союзом (Германия, Австро–Венгрия, Турция и Болгария) в марте 1918 г. Белоруссия больше не входила в состав России, и была провозглашена **Белорусская народная республика.** После победы революции в Германии в ноябре 1918 г., свергнувшей монархию, германские войска были выведены из Белоруссии, а в **январе 1919 г. здесь была провозглашена Советская власть и Белоруссия была объявлена Советской Социалистической Республикой (БССР).**

Украина. Ситуация на Украине была значительно сложнее, чем в Белоруссии, так как там действовали различные национально – патриотические силы, каждая из которых имела собственные программы. При всем их многообразии можно выделить два направления:

- национальное движение за полную независимость Украины
- федеративное движение за союз с Россией

У истоков украинского национально–демократического движения стояла Киевская **«Громада»,** имевшая свои отделения в больших украинских городах. Формально она была культурно–просветительной организацией, но ввиду того, что Александр III проводил русификаторскую политику в национальных окраинах, царское правительство увидело в украинской Громаде опасность имперским интересам и в 90–е гг. XIX в. запретило ее деятельность.

После Февральской революции украинское национально–демократическое движение приобрело широкий размах. Через два дня после отречения Николая II от престола, **4 марта 1917 г.** была создана **Центральная Рада (Совет) Украины - парламент,** куда входили представители партий, организаций, общественных движений, большая

часть которых были социалистическими, например: Украинская социал–демократическая рабочая партия, Украинская партия социалистов–революционеров и др. **В июне 1917 г. Центральная Рада провозгласила автономию Украины. Временное правительство признало Украину особой административной единицей, но оказало давление, и Центральная Рада в июле 1917 г. издала декрет о том, что осуществление автономии откладывается до созыва Учредительного собрания. Через две недели после прихода к власти большевиков Центральная Рада** объявила об образовании украинского государства, но в составе России, а **сама стала верховным органом Украинской народной республики. Рада отказалась признать большевистский Совет Народных Комиссаров (СНК) законным правительством России и потребовала его замены более представительным многопартийным социалистическим органом. 22 января 1918 г. Центральная Рада провозгласила независимость Украины.** 27 января 1918 г. был подписан договор между Украиной и германским блоком, который предусматривал поставки украинского хлеба в обмен на признание независимости Украины.

Брестский мирный договор между Советской Россией и Германией с союзниками (март 1918 г.) содержал специальный пункт, который обязывал советское правительство признать мирный договор Украины с Германией и ее союзниками. СНК обязывался признать независимость Украинской Народной Республики и заключить мирный договор с Центральной Радой для определения государственной границы между Украиной и Россией. Капитуляция Германии и революция в этой стране в ноябре 1918 г. привели к устранению с политической сцены Украины прогерманских сил. После первой мировой войны Украина оказалась в огне гражданской войны, которая завершилась установлением Советской власти в течение 1920 г. и созданием Украинской Советской Социалистической Республики.

На Кавказе проживало около 12 млн. человек, в том числе 4 млн. русских, украинцев, белорусов, около 2,5 млн. азербайджанцев, и других мусульман, менее 2 млн. армян и примерно столько же грузин; 1,5 млн. горцев. Политические силы в Закавказье после свержения монархии признали Временное правительство и объявили своей целью автономию в рамках федеративной России. Для поддержания порядка в Закавказье после прихода к власти большевиков был создан временный правительственный орган – Закавказский комиссариат. Однако в апреле 1918 г. часть территории Закавказья была захвачена Турцией, которая предъявила Закавказскому комиссариату объявить о своем отделении от России. 22 апреля 1918 г. Закавказский комиссариат объявил себя независимой Закавказской Федеративной республикой, в которую входили Грузия, Армения и Азербайджан. Эти территории оказались охвачены гражданской войной, а в Грузию были также введены немецкие, турецкие и английские войска. В результате гражданской войны победу одержали большевики и была провозглашена Советская власть в апреле 1920 г. в Азербайджане, в ноябре 1920 г. - в Армении, в феврале 1921 г.– в Грузии.

В России в ноябре 1917 г. была провозглашена Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР). В условиях гражданской войны к концу 1918 г. территория РСФСР, разделенная фронтами, равнялась территории Московского государства до военных походов Ивана IV Грозного. Но за несколько лет вооруженной борьбы территория РСФСР расширилась до ее первоначальных границ. В состав РСФСР входило 20 автономий, в том числе Туркестанская республика со столицей в Ташкенте. Впоследствие в ходе национального размежевания на территории Туркестанской автономной ССР образовались Узбекская, Туркменская, Таджикская, Кара-Киргизская автономные республики и Каракалпакская автономная область.

3. 2. 3. Образование СССР

В ходе гражданской войны осуществлялось военное и политическое сотрудничество РСФСР с Украинской, Белорусской, Азербайджанской, Армянской, Грузинской Советскими Социалистическими Республиками. После окончания гражданской войны возникла необходимость в более постоянной основе отношений с РСФСР. РСФСР встала на путь подписания двусторонних договоров с вышеназванными республиками. Первым был подписан договор с Азербайджанской ССР в сентябре 1920 г. Был заключен договор о военном и финансово-экономическом союзе и пять дополнительных договоров, которые обязывали осуществить в кратчайший срок объединение военной организации и командования, органы управления, ведающие экономикой, снабжением, железнодорожным и водным транспортом, почтово-телеграфной связью, финансами и внешней торговлей. Аналогичные договоры были подписаны между РСФСР и Украинской ССР в декабре 1920 г., в январе 1921 г. – с Белорусской ССР, в мае 1921 г. – с Грузинской ССР и в сентябре 1921 г. - с Армянской ССР. Однако вне объединения осталась внешнеполитическая сфера. Союзные с РСФСР советские республики, по существу, не имели самостоятельной внешней политики, так как не были признаны зарубежными странами, играющими сколько-нибудь значительную роль. Проблема внешнеполитического сотрудничества возникла в связи с приглашением для РСФСР от держав Антанты принять участие в предстоящей европейской конференции в Генуе. В конце февраля 1922 г. советские республики заключили соглашение, поручив РСФСР «представлять и защищать» их интересы на предстоящей конференции в Генуе и подписать любое достигнутое там соглашение. Таким образом, на протяжении 1921-1922 гг. процесс воссоединения шел полным ходом и его воспринимали как само собой разумеющееся. Оставалось лишь облечь его в соответсвующую конституционную форму.

В августе 1922 г. было принято решение создать комиссию для решения вопроса об объединении. Такая комиссия была создана и обсудила два варианта

объединения – план создания федеративного государства и план «автономизации». Федеративный принцип предусматривал разделение компетенции между союзными органами власти и органами власти, входящих в федерацию членов. В соответствии с принципом «автономизации» предлагалось советским республикам стать частью РСФСР на правах автономий, а РСФСР сделать централизованным унитарным государством. В результате обсуждения победу одержал план федеративного устройства. В процессе подготовки объединения в союзном государстве в марте 1922 г. закавказские республики заключили договор и образовали Закавказскую Федерацию Советских Социалистических Республик.

В октябре 1922 г. на Пленуме ЦК РКП (б) была принята резолюция о взаимоотношениях РСФСР с другими независимыми советскими социалистическими республиками, где п. I гласил: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в «Союз Советских Социалистических Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза». После согласования этого принципиального вопроса одновременно 13 декабря 1922 г. и Украинская ССР, и Закавказская СФСР приняли резолюцию, где приветствовалось создание союзного государства. Через несколько дней их примеру последовала Белорусская ССР. В РСФСР соответствующая резолюция была принята 26 декабря 1922 г. на X Всероссийском съезде Советов. 30 декабря 1922 г. делегаты РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской СФСР созвали I съезд Советов СССР. На съезде с основным докладом выступил И. В. Сталин, как народный комиссар по делам национальностей. Была зачитана торжественная декларация и проект «Договора об образовании СССР». В декларации были изложены **основные причины создания Союза ССР.**

- **Экономическая причина**: «Разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточными

отдельные усилия республик по хозяйственному строительству. Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик».

- **Военная причина**: «Неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения».
- **Идеологическая причина**: «Само строение Советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью.

Все эти обстоятельства повелительно требуют объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутреннее хозяйственное преуспеяние, и свободу национального развития народов» (Карр Э. История Советской России. Большевистская революция 1917-1923 гг.,т. 1. – М.: Прогресс, 1990, с. 314-315).

Процедура создания Союза ССР на I съезде Советов СССР была короткой и формальной. В январе 1923 г. была назначена Комиссия для составления проекта конституции. Такой проект был одобрен в июле 1923 г. на заседании ВЦИК. Требовалось, чтобы ее официально утвердил Всесоюзный съезд Советов, и это было сделано 31 января 1924 г.

Первый период существования союзного государства–от принятия конституции СССР до начала первой пятилетки–проходил под знаком «коренизации». Этот термин впервые появился в решениях X съезда РКП (б) и означал создание местных партийных и государственных кадров, опору на коренное население республик. Республики пользовались сравнительно широкими правами во внутренних делах, в том числе экономических. Особенно широки эти права были в области культуры: каждый, даже самый маленький народ получил свой язык и свою письменность. Политика «коренизации» дала определенные результаты, в частности, в сфере культуры.

Но с конца 20-х до середины 30-х гг. XX в. в области взаимоотношений между союзными органами власти и республиками произошли существенные

изменения. Сложившаяся в это время практика существовала в течение всего последующего советского периода вплоть до «перестройки» и распада СССР. Эти изменения выразились в расширении прав союзных органов власти, усилении централизации союзного государства, сужении хозяйственной самостоятельности республик и т. п. В 1920-1930-е гг.–до принятия конституции 1936 г. - продолжалось административно-государственное строительство в СССР.

Что касается пространства, занимаемого Советским Союзом, имели место изменения в сторону увеличения в конце 1930- 1940-х гг. Они были связаны со следующими событиями. 23 августа 1939 г. советское правительство подписало пакт о ненападении с фашистской Германией. К нему прилагался секретный протокол, который предусматривал, фактически, раздел «сфер влияния» в Европе между Советским Союзом и Германией. Польша, кроме ее восточных областей, вошла в немецкую «сферу интересов», а Прибалтика, Восточная Польша, Финляндия, Бессарабия – в «сферу интересов» СССР. В соответствии с достигнутыми договоренностями после начала агрессии Германии против Польши этой стране был нанесен удар с востока: Красная Армия перешла советско-польскую границу 17 сентября 1939 г. Сопротивление Польши ударам вермахта и Красной Армии было недолгим, что дало возможность СССР и Германии подписать 28 сентября 1939 г. договор о дружбе и границе. Территория Польши была, фактически, поделена. В восточных районах Польши, а это была территория Западной Украины и Западной Белоруссии, перешедшая к Польше по Рижскому договору 1920 г., в октябре 1939 г., были образованы комитеты для выборов в так называемые народные собрания этих областей. 31 октября 1939 г. Верховный Совет СССР принял законы о включении этих областей в состав СССР и о воссоединении их с Украинской и Белорусской ССР.

В прибалтийских странах события развивались по одному сценарию. Осенью 1939 г. правительства Латвии, Литвы и Эстонии под сильным давлением со стороны СССР были вынуждены подписать с ним пакты о

взаимопомощи. В июне 1940 г. под предлогом, якобы начавшейся антисоветской деятельности на территории прибалтийских государств, туда были введены советские войска. Затем было организовано «свободное волеизъявление» населения Литвы, Латвии и Эстонии. Созданные в этих странах, Народные правительства провели выборы по расписанию, составленному в Москве: 17-21 июня 1940 г. – выборы в Народные сеймы Литвы и Латвии, 14-15 июля 1940 г. – в Государственную Думу Эстонии. 21 июля 1940 г. в один и тот же день была провозглашена Советская власть во всех трех прибалтийских странах. Еще через две недели они были приняты Верховным Советом СССР в состав СССР в качестве союзных республик.

Что касается Бессарабии, то она была оккупирована румынскими войсками и присоединена к Румынии в 1918 г. Советское правительство никогда не признавало законность этого. В июле 1940 г. Румынии был предъявлен ультиматум о немедленном возвращении Бессарабии. Румыния была вынуждена уступить, и в августе 1940 г. Бессарабия была объединена с Молдавской автономной ССР, ранее входившей в состав Украинской ССР, и была создана Молдавская ССР.

Советско-германский секретный протокол от 23 августа 1939 г. включил Финляндию в сферу советских интересов. Советское руководство планировало во-первых, отодвинуть границу от Ленинграда, которая проходила по Карельскому перешейку, в 32 км от города, что делало его досягаемым для тяжелой артиллерии, во-вторых, необходимо было закрыть доступ к Ленинграду со стороны моря, и, в-третьих, обезопасить Мурманскую железную дорогу. 5 октября 1939 г. Финляндии были переданы советские требования: СССР предлагал обменять принадлежащую финнам территорию на Карельском перешейке на б*ольшую территорию, примыкавшую к Финляндии со стороны Карельской АССР. 13 ноября 1939 г. переговоры между СССР и Финляндией были прерваны. Обе страны начали мобилизацию, 28 ноября 1939 г. СССР расторг договор о ненападении с Финляндией. Началась советско-финская война, бесславная для Советского Союза, обнаружившая его военную слабость

(советская армия потеряла 100 тыс. человек убитыми, финны-20 тыс. человек; в декабре 1939 г. СССР был исключен из Лиги Наций). Советско-финская война длилась четыре месяца, 12 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор. По его условиям территория Советского Союза увеличилась за счет присоединения г. Выборга и Выборгского залива с островами, а также западного и северного побережья Ладожского озера. Из вновь присоединенных территорий в результате объединения с Карельской АССР была образована новая союзная республика – Карело-Финская, но в 1956 г. она была вновь преобразована в Карельскую АССР в составе РСФСР.

В 1944 г. в СССР вошла Тувинская народная республика (до революции 1917 г. эти территории назывались Урянхайский край). В настоящее время она называется Республика Тыва и является частью Российской Федерации. Заключительный этап территориального увеличения Советского Союза был связан с участием СССР в Великой Отечественной войне. Как отмечалось выше, в разделе 3. 1. по решению Ялтинской (Крымской) конференции СССР присоединил к себе часть Восточной Пруссии и г. Кенигсберг, которые вошли в состав РСФСР как г. Калининград и Калининградская область. За участие в войне против Японии на Дальнем Востоке Советский Союз получил Южный Сахалин и Курильские острова. Кроме этого, пространство, контролируемое СССР, значительно расширилось после второй мировой войны благодаря присутствию советских войск в некоторых центральноевропейских и азиатских странах.

3. 2. 4. Распад СССР, образование СНГ

К середине 80-х гг. XX в. СССР оказался в состоянии глубокого политического, экономического и социального кризиса. Новое руководство страны во главе с М. С. Горбачевым, придя к власти, взяло курс на реформирование советского общества. Вначале главным лозунгом преобразований был лозунг «ускорения», так как советский, социалистический строй рассматривался в основе своей, как здоровый, нуждающийся только в ускорении. Однако принятые на первом этапе меры - антиалкогольная

компания, введение госприемки, создание Госагропрома, объединившего семь союзных министерств и создавшего свою «вертикаль» областных и районных агропромышленных объединений – ситуацию не исправили, и в руководстве страны пришли к пониманию необходимости проведения более радикальных мер. Главными лозунгами следующего этапа стали «перестройка» и гласность. На новом этапе, начавшемся в 1987 г., предполагалось создание регулируемой рыночной экономики, проведение политической реформы, которая изменила бы отношения в сфере власти.

Провал проводившихся экономических реформ, обнаружившийся достаточно быстро, усугубил катастрофическое состояние рынка товаров и продовольствия – повсеместно вводились талоны на продукты питания, включая спиртное, и товары первой необходимост, включая моющие средства и мыло. Эти обстоятельства повернули политическую реформу против М. С. Горбачева и КПСС – народ доверял им все меньше и меньше. Поэтому, когда в условиях политической демократизации, возникла реальная возможность выдвижения каких-то альтернативных программ, они не замедлили появиться. Поэтому уже с осени 1988 г. стала оформляться оппозиция М. С. Горбачеву. В ней прослеживались два направления:

1) **Радикальное направление** выступало за углубление и расширение реформ, проводимых союзным правительством. Эта радикальная оппозиция оформилась из реформаторского крыла КПСС (Б. Н. Ельцин, Н. И. Травкин, Г. Х. Попов, А. А. Собчак и др.). Постепенно происходил их отход от социалистической модели, они наполняли ее все более либеральным, то есть буржуазным, содержанием. Отмечалось все большее поклонение радикалов западным экономическим и политическим ценностям. Это сочеталось у них с верностью идеальному социализму и иногда приводило их к поразительным заявлениям. Например, образцами идеального социализма объявлялись Швеция, Австрия, Германия и даже США. Разрыв радикалов с социалистическим идеалом произошел весной-летом 1990 г. и нашел выражение в массовом выходе членов КПСС из партии и переходе их на

антикоммунистические позиции. По-прежнему западная модель продолжала рассматриваться как образец для России, только теперь это была уже не модель идеального социализма, а модель идеального капитализма. В воздухе витала идея построения «народного капитализма».

2) Вторым направлением в оппозиции был **национальный радикализм.** «Перестройка» привела к подлинному взрыву национального самосознания. В советских республиках стали складываться национально-радикальные движения, оформлялись народные фронты. Наибольшей активностью и огранизованностью отличались народные фронты в Прибалтике – Латвии, Литве («Саюдис»), Эстонии, Молдавии, Украине («Рух»). Они выступали за большее расширение прав республик и за реформу федерации.

В союзных республиках начались массовые выступления против всесилия партийно-государственной бюрократии. Требования становились все более радикальными. В союзных республиках прошли выборы в республиканские и местные органы власти. В Верховных Советах Литвы, Латвии, Эстонии, Армении, Грузии и Молдавии большинство получили национально-радикальные силы. Они были настроены оппозиционно по отношению к союзному центру. Они открыто заявляли об антисоветском и антисоциалистическом характере своих программных установок. В ноябре 1988 г. Декларацию о государственном суверенитете утвердил Верховный Совет Эстонской ССР. Аналогичные документы были приняты в 1989 г. Литвой, Латвией, Азербайджаном и в 1990 г. Молдавией. Этот процесс получил название «парада суверенитетов». Вслед за объявлениями о суверенитете состоялись избрания президентов бывших союзных республик. 12 июня 1990 г. I съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете России. В ней законодательно закреплялся приоритет республиканских законов над союзными законами. Название республики – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) было изменено на Российская Федерация / Россия. Первым Президентом Российской Федерации (РФ) стал Б. Н. Ельцин, вице-президентом А. В. Руцкой.

Эти декларации союзных республик о суверенитете поставили в центр политической жизни вопрос о дальнейшем существовании Советского Союза. В декабре 1990 г. IV съезд народных депутатов СССР высказался за преобразование Союза Советских Социалистических Республик в демократическое федеративное государство, так как, несмотря на формально провозглашенный в 1922 г. федерализм, СССР был унитарным государством, управляемым из союзного центра. Было принято постановление «Об общей концепции союзного договора и порядке его заключения». 17 марта 1991 г. состоялся всесоюзный референдум для решения вопроса о сохранении обновленного Союза как федерации суверенных республик. За сохранение СССР в обновленном ивде высказались 76,4 % общего числа участвовавших в голосовании граждан – в референдуме приняли участие девять республик: Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия, Таджикистан, Азербайджан. В соответствии с этим решением в апреле-мае 1991 г. начались переговоры о новом союзном договоре. Эти переговоры проходили в подмосковной резиденции Президента СССР М. С. Горбачева в Ново-Огареве в формате «9+1», то есть девять президентов союзных республик и М. С. Горбачев, как президент СССР. Эти переговоры получили название новоогаревский процесс. Все участники поддержали идею создания обновленного Союза и подписания соответствующего договора. Предполагалось создать Союз Суверенных Государств (ССГ), как демократическую федерацию суверенных республик. Подписание договора было назначено на 20 августа 1991 г.

Проект нового союзного договора был опубликован, обсуждался и вызвал разную реакцию в обществе. За несколько дней до подписания нового союзного договора оппозиционные М. С. Горбачеву силы в руководстве партии и правительстве предприняли шаги с целью торпедировать процесс обновления страны. В ночь на 19 августа 1991 г. президент СССР М. С. Горбачев был объявлен отстраненным от власти, оказался в изоляции в Крыму, где проводил отпуск. Официально было объявлено, что по состоянию здоровья, М. С.

Горбачев не может исполнять президентские обязанности. В стране объявлялось чрезвычайное положение сроком на шесть месяцев, запрещались митинги и забастовки. Было объявлено о создании ГКЧП – Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР. В его состав вошли вице-президент Г. К. Янаев, глава правительства В. С. Павлов, председатель КГБ В. А. Крючков, министр обороны Д. Т. Язов и другие представители властных структур. Свою задачу ГКЧП видел в «преодолении экономического и политического кризиса, межнациональной и гражданской конфронтации». В реальности же за этим стояла главная задача – восстановить порядок, существовавший в СССР до 1985 г.

Центром августовских событий стала Москва. В город были введены танки и войска, установлен комендантский час. Действия ГКЧП президентом РФ Б. Н. Ельциным были определены как антиконституционный переворот, путч. Б. Н. Ельцин объявил о переходе под его контроль всех общесоюзных органов власти, расположенных натерритории Российской Федерации. 22 августа 1991 г. члены ГКЧП были арестованы. Один из указов Б. Н. Ельцина запрещал деятельность КПСС, и как правящая государственная структура она прекратила свое существование. Августовский путч 1991 г. приблизил распад СССР. В сентябре-октябре 1991 г. были предприняты неэффективные попытки остановить распад, но реальная власть сконцентрировалась в бывших союзных республиках. Фактически, повторялась ситуация 1917 г., когда крах центральных властных структур и господствовавшей идеологии привел к появлению новых центров власти, которые сформировались на окраинах империи и базировались на националистической основе.

Крушение КПСС означало разрушение каркаса самого государства в целом. Ослабление влияния коммунистических идей привело к идейному вакууму, который быстро заполнился идеями национального возрождения. Вначале речь шла о духовно-нравственном возрождении национального самосознания и полного экономического суверенитета, а затем был поднят вопрос о государственной независимости. После путча, в конце августа 1991 г.

заявила о создании самостоятельного государства Украина. Последний этап распада пришелся на декабрь 1991 г. 8 декабря 1991 г. проходила встреча руководителей трех славянских республик Б. Н. Ельцина (Россия), Л. М. Кравчука (Украина) и С. С. Шушкевича (Белоруссия). Встреча проходила на территории Белоруссии в Беловежской пуще. Эти три республики являлись государствами-учредителями СССР в 1922 г. и объявили о том, что СССР «как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Тогда же было объявлено о создании Содружества Независимых Государтсв (СНГ). 21 декабря 1991 г. в столице Казахстана Алма-Ате была принята Декларация, в соответствии с которой в СНГ вошли 11 бывших республик СССР из 15, кроме Латвии, Литвы, Эстонии и Грузии (Грузия присоединилась к СНГ позже). В настоящее время в Содружество независимых государств входят Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина. Таким образом, первыми учредительскими документами СНГ стали два соглашения от 8 и 21 декабря 1991 г. Впоследствии был принят Устав Содружества в Минске в январе 1993 г. (вступил в силу в январе 1994 г.).

В рамках СНГ были созданы различные органы управления совместной деятельности. Их принято делить на уставные (основные) и отраслевые (специализированные). К основным органам СНГ относятся:

- Совет Глав Государств (СГГ)
- Совет Глав Правительсв (СГП)
- Межпарламентская Ассамблея (создана в марте 1992 г.)
- Совет министров иностранных дел (СМИД с сентября 1993 г.)
- Совет министров обороны (с февраля 1992 г.)
- Межгосударственный экономический комитет (с октября 1994 г.)
- Исполнительный комитет
- Экономический суд (с июля 1992 г.)
- Штаб по координации военного сотрудничества (с декабря 1993 г.)
- Совет командующих пограничными войсками (с сентября 1993 г.)

- Совет министров внутренних дел (с января 1996 г.) и др.

Высшим органом Содружества является Совет Глав Государств, который решает любые принципиальные вопросы Содружества, связанные с общими интересами государств-участников, а также рассматривает любые вопросы в рамках заинтересованных государств-участников без ущерба интересам других членов Содружества. Совет Глав Правительств Содружества координирует сотрудничество органов исполнительной власти в экономической, социальной и иных сферах общих интересов. Совет министров иностранных дел СНГ осуществляет координацию внешнеполитической деятельности.

Что касается органов отраслевого сотрудничества, в настоящее время их создано более 70. Их целью является организация многостороннего делового взаимодействия в конкретных областях экономики, науки, в гуманитарной сфере, в военной области. Как правило, они имеют статус межгосударственных советов, межгосударственных консультативных советов, межгосударственных координационных советов и др., и осуществляют взаимодействие структур исполнительной власти государств СНГ по следующим направлениям:

- промышленность и строительство
- сельское хозяйство
- транспорт и связь, включая сотрудничество в космической области
- промышленная безопасность
- энергетика
- торговля, финансы и таможенная политика
- экологическая безопасность
- чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера
- безопасность и борьба с преступностью
- труд, миграция и социальная защита населения
- культурное сотрудничество (http://cis.minsk.by).

Деятельность СНГ за полтора десятка лет существования Содружества часто вызывает критику и недовольство, высказываются суждения, что

интеграция в рамках Содружества Независимых Государств носит невнятный характер. Тем не менее, существование СНГ и его структур все чаще оцениваются как геополитически необходимые для его участников, а само Содружество рассматривается как, промежуточная, переходная форма.

Вопросы для повторения

1. Раскройте содержание понятия «геополитическая эпоха».

2. Какие геополитические эпохи Вам известны? Дайте им краткую характеристику.

3. Назовите этапы геополитического развития России. Каково их основное содержание?

3. Каким было положение народов в Российской империи в начале XXв.

4. В чем отличие плана федеративного устройства союзного государства от плана «автономизации»?

5. Какие идеи, заложенные в основание образования СССР не выдержали испытания временем и почему?

6. Какие территориальные изменения имели место в СССР за период с 1922 по 1991 гг.?

7. Под воздействием каких факторов произошел распад СССР?

8. Выделите положительные и отрицательные последствия распада СССР для России.

9. В чем проявляется противоречивость итогов в деятельности СНГ?

10. Какие существуют точки зрения в оценках деятельности СНГ?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Работы теоретиков геополитики

1. Маккиндер Дж. Х. Географическая ось истории // ПОЛИС, 1995, № 4.

2. Mackinder H. J.. Democratic Ideals and Reality. N. Y., 1944.

3. Mackinder H. J. The Nations of the Modern World. An Elimentary Study in Geography and History. London. 1921, vol. I.

4. Mackinder H. J.. The Round World and Winning of the Peace // Foreign Affairs, 1943, vol. 21, N 4.

5. МэхэнА. Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783 гг., М. – Л., 1940.

6. Mahan A. T. The Armaments and the Arbitration, or the Place of Force in the International Relations. N. Y., 1912.

7. Mahan A. T. The Interest of Americs in International Conditions. London, 1910.

8. Mahan. The Interest of America in Sea Power, Present and Future. Boston, 1897.

9. Mahan A. T. Effects of Asiatic Conditions upon International Politics // “North American Rewiew”, 1900, November, vol. 171, N 528.

10. Mahan A. T. The Problem of Asia // Harper*s Monthly, 1900, May, N 598.

11. Ратцель Ф. Земля. 24 общедоступных беседы по общему землеведению. Географическая книга для чтения. М., 1882.

12. Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение, т. 1, СПб: Акционерное общество Брокгауз и Ефрон, 1905; т. 2, СПб, 1906.

13. Ратцель Ф. Народоведение. СПб: Т-во «Просвещение», 1900.

14. Ратцель Ф. Политическая география // Землеведение, 1898, № I – II.

15. Ратцель Ф. Политическая география // Землеведение, 1898, № III – IV.

16. Ратцель Ф. «Человечество как жизненное явление на Земле». М.: Книжное дело, 1901.

17. Spykman N. J. America's Strategy in the World Politics. N. Y.,1942.

18. Spykman N. J. Geography of the Peace. N.Y, 1949.

19. Spykman N. J. The Geography and Foreign Policy // American Political Science Rewiew, 1938, vol. 32, N 1.

20. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, 1990, № 3.

21. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с анг. М. Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

22. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // ПОЛИС, 1994, № 1.

23. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеевой, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

24. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении. – В кн.: Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.

25. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике. – В кн.: Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. – М.: Мысль, 2001.

26. Хаусхофер К. Континентальный блок. Центральная Европа, Евразия, Япония. – В кн.: К. Хаусхофер. О геополитике. Работы разных лет. – М.:Мысль, 2001.

27. Шмитт К. Политическая теология // В кн.: К. Шмитт. Политическая теология. Сборник / переводы с нем. Заключит. статья и составление А. Филиппова. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000.

28. Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли. В 5-ти тт. т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX век. М.: Мысль, 1997.

29. Шмитт К. Земля и море. Созерцание всемирной истории / В кн.: А. Дугин. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. Изд-е 4-е. – М.: «АРКТОГЕЯ-центр», 2000.

30. Шмитт К. Новый «номос» Земли // Элементы, 1993, № 3.

31. Шмитт К. Земля и море / В кн.: Дугин А. Основы геополитики. . Изд-е 4-е. – М.: «АРКТОГЕЯ-центр», 2000.

32. Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря» / В кн.: А. Дугин. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. Изд-е 4-е. – М.: «АРКТОГЕЯ-центр», 2000.

Учебники и учебные пособия

33. Василенко И. А. Геополитика современного мира: учебное пособие / И. А. Василенко. – М.: Гардарики, 2006.

34. Гаджиев К. С. Введение в геополитику. Учебник для вузов. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998.

35. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география /Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.

36. Кулагин В. М. Международная безопасность: Учебное пособие для студентов вузов / В. М. Кулагин. – М.: Аспект Пресс, 2006.

37. Нартов Н. А. Геополитика: Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ, 1999.

38. Протопопов А. С., Козьменко В. М., Елманова Н. С. История международных отношений и внешней политики России (1648-2000). Учебник для вузов / Под ред. А. С. Протопопова. – М.: Аспект Пресс, 2001.

39. Семенникова Л. И. Цивилизации в истории человечества: Учебное пособие. – Брянск: *Курсив*, 1998.

40. Тихонравов Ю. В. Геополитика / Учебное пособие. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998.

41. Уткин А. И. Запад и Россия: история цивилизаций: Учебное пособие. _ М.: Гардарики, 2000.

42. Цыганков П. А. Теория международных отношений: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2003.

Литература

43. Арриги Дж. Динамика кризиса гегемонии // Свободная мысль, 2005, № 1.

44. Бабаян Д. Поднебесная и Центральная Азия // Свободная мысль, 2006, № 11-12.

45. Бажанов Е. Неизбежность многополюсного мира // Мировая экономика и международные отношения, 2004, № 2.

46. Баттлер А. Контуры мира в первой половине XXI века и чуть далее // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 1.

47. Большая Советская Энциклопедия, т. 15. – М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1929.

48. Большая Советская Энциклопедия, т. 10. 2-е изд. – М.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1952.

49. Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1991.

50. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

51. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2005.

52. Ведрин Ю. «Международного сообщества», увы, не существует // Свободная мысль, 2005, № 7.

53. Волков В. Кризисная зона на Балканах и политика России // Свободная мысль, 2004, № 7.

54. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн: Харвест, Современный литератор, 2001.

55. Гаджиев К. С. Вестернизация или особый путь модернизации // ПОЛИС, 2008, № 4.

56. Гаджиев К. С. Геополитические горизонты России. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Экономика, 2011, 476 с.

57. Галенович Ю. Китай в начале XXI века // Свободная мысль, 2005, № 8.

58. Галенович Ю. К духовному взаимопониманию. О единственной прочной основе добрососедских отношений России и Китая // Свободная мысль, 2006, № 5.

57. Геополитика / Авторы-составители В. Баришполец, Д. Баришполец, В. Манилов; Под общ. ред. В. Манилова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002.

58. Герберт Г. Значение моря и морских сил в истории государств // Морской сборник, 1897, № 9.

59. Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003.

60.Головачов В. Ф. О значении флота для России на основании истории // Морской сборник, 1898, № 9.

61. Горичева Л. Естественно-природные условия развития национальных хозяйств России и Западной Европы // Мировая экономика и международные отношения, 2004, № 2, 3.

62. Годин Ю. Геополитическая роль торговли энергоресурсами для России // Мировая экономика и международные отношения, 2006, № 1.

63. Долматович И. А. Военно-экономические аспекты национальной безопасности России: Кавказский регион // Мировая экономика и международные отношения, 2007, № 2.

64.Дугин А. Г. Геополитика. Учебное поосбие для вузов. М.: Академический Проект, 2011, 538 с.

64. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. Изд-е 4-е. – М.: «АРКТОГЕЯ-центр», 2000, 928 с.

65. Забровская Л. Российское Приморье и Северо-Восточный Китай // Мировая экономика и международные отношения, 2004, № 5.

66. Замошкин Ю. А. «Конец истории»: идеологизм и реализм // Вопросы философии, 1990, № 3, с. 148-155.

- Игрицкий Ю. Россия – XXI: поиск баланса в мировом дисбалансе. О новом миропорядке, статус-кво и роли России // Свободная мысль, 2006, № 9-10.
- Исаев Б. А. Геополитика классическая и геополитика современная // ПОЛИС, 2010, № 2.
- Иноземцев В. На перепутье: Россия в мировой системе XXI в. // Общественные науки и современность, 2002, № 2.
- Кагарлицкий Б. Ю. Геополитика как религия // Свободная мысль, 2005, № 8.
- Казанцев А. А. Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе // ПОЛИС, 2005, № 2.
- Косолапов Н. Формирование глобального миропорядка и Россия // Мировая экономика и международные отношения, 2004, № 11.

72. Краткий политический словарь / Абаренков В. П., Абова Т. Е., Аверкин А. Г. и др.; Сост. И общ. ред. Л. А. Оникова, Н. В. Шишлина. – 6-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1989.

73. Кудров В. Экономика России в Европе и мире // Мировая экономика и международные отношения, 2007, № 5.

74. Кэмерон Ф. Европейский Союз и Соединенные Штаты: друзья или соперники // Свободная мысль, 2004, № 11.

75. Ларин В. Тихоокеанская политика России в начале XXI века // Свободная мысль, 2007, № 2.

76. Лузянин С. Российско-китайское взаимодействие в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения, 2005, № 5.

77. Магомедов А. К. Каспийская нефть, география и геополитика в начале XXI века // Россия и современный мир, 2005, № 4.

78. Мазин А. Ресурсы и конфликты // Мировая экономика и международные отношения, 2006, № 8.

79. Малашенко А. Ислам, политика и безопасность Центральной Азии // Свободная мысль, 2003, № 3.

80. Мальгин А. Европейская политика России. Попытка системного анализа // Свободная мысль, 2004, № 1.

81. Малышева Д. Геополитические маневры на Каспии // Мировая экономика и международные отношения, 2006, № 5.

82. Малышева Д. Российская карта в каспийском пасьянсе // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 7.

83. Марзиев И. «Большая игра» на Южном Кавказе. Проблемы региональной безопасности // Свободная мысль, 2005, № 7.

84. Мид У. Р. Америка обычно «вляпывалась во внешнюю политику // Свободная мысль, 2005, № 7.

85. Михеев В. В. Китай и Япония на фоне глобальных тенденций // Мировая экономика и международные отношения, 2007, № 4.

86. Молодяков В. Э. Японская цивилизация в глобализирующемся мире // Мировая экономика и международные отношения, 2005, № 3.

87. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль, 2004, № 10.

88. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. – М.: Международные отношения, 2005.

89. Оболенский В. П. Россия в международном разделении труда: вечный поставщик энергоресурсов // Мировая экономика и международные отношения, 2004, № 6.

90. Ознобищев С. Россия – НАТО: реалистическое партнерство или виртуальное противостояние // Мировая экономика и международные отношения, 2006, № 1.

91. Политология. Краткий словарь. – Ростов н / Д: Феникс, 2001.

92. Политическая энциклопедия. В 2 т., т. 1 / Национальный общественно-научный фонд; Рук. проекта Г. Ю. Семигин; Научно-редакционный совет: пред. совета Г. Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2000.

93. Поляков В. Сырьевая ориентация российского экспорта // Мировая экономика и международные отношения, 2006, № 1.

94. Попова А. Торгово-экономическое сотрудничество России и стран АТР // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 11.

95. Рашковский Е. Цивилизационный облик Китая: структуры, преемственность, метаморфозы // Мировая экономика и международные отношения, 2003, № 8.

96. Рашковский Е. Япония: цивилизационные парадоксы // Мировая экономика и международные отношения, 2005, № 3.

97. Салицкий А. Китайская цивилизация в современном мире // Мировая экономика и международные отношения, 2003, № 8.

98. Скрягин С. А. Мореходство и его влияние на развитие российского государства // Морской сборник, 1898, № 8.

99.Соловей В. Контуры нового мира // Свободная мысль, 2007, № 2.

100. Торкунов А. Трудная дорога к партнерству. Российско-американские отношения после «холодной войны» // Свободная мысль, 2004, № 4.

101. Троицкий М. Евроатлантическое сообщество в середине 2000-х // Свободная мысль, 2005, № 5.

102. Уткин А. Будущее Запада // Свободная мысль, 2003, № 2.

103. Уткин А. Поле грядущей битвы // Свободная мысль, 2003, № 5.

104. Фергюсон Н. Мир без гегемона // Свободная мысль, 2005, № 1.

105. Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф. В. Константинов. – М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1960.

106. Чернявский С. Отстаивая национальные интересы. Политика России в Центральной Азии и Закавказье // Свободная мысль, 2002, № 7.

107. Энциклопедический словарь. СПб, 1899. т. 26.

108. The Encyclopedia Americana. International Edition. Complete in Thirty volumes. First published in 1829, vol. 12, Danbury, 1994.

109. Livesey W. Mahan on Sea Power. Norman, 1947.

110. The New Encyclopedia Britannica / Vol. 5, 6, 9. Micropaedia. Chicago, Auckland, L., Madrid, 1994.

111. Puleston W. D. Mahan. The Life and Work of Captain Alfred Theyer Mahan. New Haven, 1939.

112. The World Book Encyclopedia. (International). – World Book Inc., vol. 8. – London, Sydney, Tunbridge Wells, Chicago, 1994.

Р. Стойкерс. Теоретическая панорама геополитики // Элементы, № 1. Геополитические тетради.

Г. Озелиус, М. Ю. Чуканов. Отец геополитики о России как великой державе // Вопросы истории, 1996, № 1.

А. Филиппов. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа / К. Шмитт. Политическая теология. Сборник / Переводы с нем. Заключит. статья и составление А. Филиппова – М.: «Канон – пресс – Ц», 2000.